

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2024 – № 3 (21)

Ярославль
2024

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. – № 3 (21). – 155 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2024-3-21. – EDN MRDASF. 2024, № 3 (21). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се **Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Большарева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Сюй Полин**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дапэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Цицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фуци**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Карабулатова Ирина Советовна**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва; **Шанинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блиш Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ходнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Коряковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2024

© Юго-Западный университет КНР, 2024

© Авторы статей, 2024

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO,
2024. – № 3 (21). – 155 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658-7866-2024-3-21. – EDN MRDASF.
2024, № 3 (21). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Karabulatova Irina Sovetovna**, Doctor of Philology, Professor, Moscow State University, M. V. Lomonosova, Moscow; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatyana Gemnadievna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals which publish the main results of doctoral and candidate's theses in the following areas of specialization: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences), 5.5.3. Public administration and industrial politics (political sciences), 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences), 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples in the Russian Federation (philological sciences), 5.9.2. World literatures (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.10.1. Theory and history of culture and the arts (cultural studies)

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Registration number of the media:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after

K. D. Ushinsky», 2024

© Southwest University of the People's Republic of China, 2024

© Authors of articles, 2024

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Палатников Д. Е. Эволюция образа
трудового мигранта в российском
общественном мнении 2014-2024 гг.5

Личак Н. А., Руденко Л. Д.
Современные тенденции приобщения
студентов из стран Африки к российской
политической культуре 22

ФИЛОЛОГИЯ

Му Ачжэнь Эстетика женского тела в
армянском героическом эпосе
«Давид Сасунский» 37

Дубаков Л. В., Ли Юйтин
«Республика Южного Креста»
Валерия Брюсова и «Записки о Кошачьем
городе» Лао Шэ: нравственная
зооморфизация в олигархических
антиутопиях 51

Лукьянчикова Н. В. Художественная
реализация мотива семейного воспитания в
повести А. Я. Панаевой «Семейство
Тальниковых» 65

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Попкова Т. Д., Чэн Янь
Пространственные концепты «правое –
левое», «Восток – Запад» в языковой
культуре Китая и России 80

Распопова С. С. Медiateкст как
продукт искусственного интеллекта:
основные направления
междисциплинарных исследований 101

Таланова А. Н. Художественная и
философская трансформация образа Волги в
контексте идеи «новой визуальности» 119

Андрейченко Н. Н. Креативные
индустрии как стимул
социально-экономического развития
малых городов 133

Правила приёма редакцией научного
журнала рукописи статьи к рассмотрению о
публикации 153

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Palatnikov D. E. Evolution of the
migrant worker image in russian public
opinion in 2014-20246

Lichak N. A., Rudenko L. D. Modern
tendencies for introducing African students
to russian political culture23

PHILOLOGY

Mu Azhen Aesthetics of the female
body in the armenian heroic epic
“David of Sasun”38

Dubakov L. V., Li Yuting The
Republic of the Southern Cross by Valery
Bryusov and Cat Country by Lao She:
moral zoomorphization in oligarchic
dystopias52

Lukyanchikova N. V. Realization of
the family upbringing motif in
A. Ya. Panayeva's story The Talnikov
Family66

CULTURAL SCIENCE

Popkova T. D., Cheng Yan Spatial
concepts of “right – left”, “East – West” in the
linguistic culture of China and Russia81

Raspopova S. S. Media text as an
artificial intelligence product: the main
directions of interdisciplinary research... 102

Talanova A. N. Artistic and
philosophical transformation of the Volga
image in the context of the “new visuality”
idea 120

Andreichenko N. N. Creative
industries as a stimulus for social and
economic development of towns 134

Научная статья
УДК 325.14
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-5
EDN ZJKCFE

**Эволюция образа трудового мигранта
в российском общественном мнении 2014-2024 гг.**

Денис Евгеньевич Палатников

Кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии,
Ярославский государственный университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
denipa-1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3374-1473>

Аннотация. Статья посвящена результатам исследования общественного мнения, проведенного методом контент-анализа сообщений средств массовой информации Ярославской области в 2014-2024 гг., в которых упоминаются трудовые мигранты. Целью исследования стало определение основных тенденций в формировании общественного мнения в отношении трудовых мигрантов. Актуальность вопроса обусловлена существенными изменениями как в миграционной политике России за данный период, в положении страны в глобальном контексте, так и последовавших изменениях национального состава трудовых мигрантов. Проанализированы частота, контекст использования словосочетания «трудоустроенный мигрант», основные инфоповоды, типы источников информации, жанры вышедших материалов, а также ключевые ньюсмейкеры. Отдельно рассмотрена лексема «гастарбайтер» в качестве альтернативного обозначения термина «трудоустроенный мигрант».

По результатам исследования установлены крайне незначительное присутствие темы трудовых мигрантов в региональных средствах массовой информации. Материалы СМИ посвящены в основном освещению официальных событий с участием органов власти, криминальных происшествий с участием мигрантов, а также публикации статистической информации. Доминирующий характер публикаций, исходя из этого, информационно-нейтральный, отмечается значительная доля негативных публикаций. Несмотря на зафиксированное снижение употребления лексемы «гастарбайтер», ее присутствие в публикациях СМИ не способствует достижению цели формирования позитивного образа трудового мигранта в общественном мнении. Формирующие или аналитические материалы представлены в небольшом количестве, недостаточном для достижения позитивного эффекта воздействия на общественное мнение. Образ трудового мигранта формируется у аудитории СМИ спонтанно, на основе существующих в обществе стереотипов.

© Палатников Д. Е., 2024

Ключевые слова: трудовой мигрант; общественное мнение; средства массовой информации; контент-анализ; ньюсмейкеры; инфоповод; миграционная политика; власть

Для цитирования: Палатников Д. Е. Эволюция образа трудового мигранта в российском общественном мнении 2014-2024 гг. // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 3 (21). С. 5-21. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-5>. <https://elibrary.ru/ZJKCFF>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

**Evolution of the migrant worker image
in russian public opinion in 2014-2024**

Denis E. Palatnikov

Candidate of philosophy, associate professor, Department of sociology and political science, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl denipa-1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3374-1473>

Abstract. The article focuses on the results of the public opinion survey of mass media messages mentioning migrant workers in the Yaroslavl region in 2014-2024; the research was carried out using the content analysis method. The purpose of the study was to identify the main trends in the formation of public opinion regarding migrant workers. The relevance of the issue is due to significant changes in Russia's migration policy over this period, in the country's status in the global context and the subsequent changes in the national structure of migrant workers. The author analyzes the frequency and context of using the word combination "migrant worker", the main newsbreaks, types of information sources, genres of published materials, as well as the key newsmakers. In addition, the lexeme "gastarbeiter" as an alternative term for "migrant worker" is considered. According to the results of the study, the topic of migrant workers is very rarely mentioned in the regional media. Media materials are mainly devoted to covering official events involving the authorities, criminal incidents with migrants, and publishing statistics. The dominant character of information is neutral, and there is a significant share of negative publications. Despite the recorded decrease in the use of the lexeme "gastarbeiter", its use in media publications does not contribute to forming a positive image of migrant workers in public opinion. Analytical materials are presented in small numbers, insufficient to achieve a positive influence on public opinion. The image of a migrant worker is formed with the media audience spontaneously, on the basis of stereotypes existing in society.

Key words: migrant worker; public opinion; mass media; content analysis; newsmakers; newsbreaks; migration policy; authorities

For citation: Palatnikov D. E. Evolution of the migrant worker image in Russian public opinion in 2014-2024. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 3(21): 5-21.

(In Russ).
<https://elibrary.ru/ZJKCFF>.

<http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-5>.

Введение

Одной из важных составляющих общественно-политического дискурса последних лет стала проблема социокультурной адаптации трудовых мигрантов в российское общество. Несмотря на имеющийся в советском прошлом богатый социальный опыт совместного проживания людей разной национальности, а также результаты социологических замеров, демонстрирующих, в целом, положительное отношение к трудовым мигрантам [Иммигранты в России, 2023], современные практики общественных отношений демонстрируют настороженность российских граждан к трудовым мигрантам через присутствующие постоянно в СМИ упоминания о возникающих конфликтных ситуациях [Волков, 2023; Гринченко, 2022].

Более того, сам термин, обозначающий данную социальную категорию, чаще воспринимается обывателем в устойчивой негативной коннотации. В свою очередь, средства массовой информации являются основным инструментом воздействия на общественное мнение, который задает основные смысловые и поведенческие ориентиры широкой аудитории.

Под трудовой миграцией в Россию здесь и далее мы понимаем внешнюю трудовую миграцию, то есть временное перемещение

населения трудоспособного возраста иностранных государств на территорию России с целью трудоустройства. Соответственно, трудовой мигрант (migrant worker) – «лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он или она не является» [International Convention ... , 1990].

Комплекс вопросов адаптации и восприятия коренным населением России иностранных трудовых мигрантов – проблема, которая обозначилась не сегодня. Однако, именно в последнее десятилетие она получила новое содержание и новое звучание как в контексте внутренней, так и внешней политики России. Глобальное изменение общественного-государственного устройства, которое пережила наша страна в 1991 года, неизбежно привело к изменениям в миграционном поведении народов бывшего Советского Союза. Но если в отношении Российской Федерации вплоть до начала 2010-х годов сохранялась тенденция пополнения трудовыми резервами из схожих ментально и ценностно Украины, Казахстана (северное его части) и Белоруссии (доля мигрантов в составе прибывших в Россию из этих стран суммарно в период с 1989 по 2000 г. составила 55 % [Воробьева, Рыбаковский, Рыбаковский, 2016]), то с середины 2010-х гг. векторы мигра-

ционной ситуации начали меняться. Весной 2014 г. в связи с началом боевых действий на Донбассе, введением международных санкций и одновременно упрощением процедур въезда на территорию ЕС для граждан Украины и Молдавии привели к изменению структуры миграционных потоков в сферу экономики нашей страны. Состав трудовой миграции в Россию быстро начал меняться в пользу выходцев из Средней Азии. Это уже были новые поколения, родившиеся после распада СССР и во многом утратившие ценности, традиции воспитания и образования, ушедшие в историю государства.

Дополнительные изменения в тенденции развития миграционной ситуации внесла пандемия COVID-19 [Денисенко, 2020; Рязанцев, 2021; Понеделков, 2021] и последовавший за этим спад мировой экономики, снизившие поток мигрантов и в нашу страну [Florinskaya, 2021; Florinskaya, 2022].

Новым фактором, повлиявшим на численность и национальный состав прибывающих трудовых ресурсов, стала начавшаяся в 2022 г. СВО [Ляшок, 2022].

Сегодня почти 90 % трудовых мигрантов, въезжающих в Россию, приходится всего на три страны – Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан [Ивахнюк, 2023]. Это люди совершенно иной культуры, религии и традиций, что значительно усложняет их адаптацию в российском социуме.

В то же время на уровне государственной политики в отношении миграции трудовых ресурсов в нашей стране в последнее время заметны серьезные изменения в части усиления контроля и легализации происходящих процессов. Подобное внимание со стороны государства к данной сфере свидетельствует одновременно об остроте демографической проблемы, так и о том, что миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем. Так, в 2018 году впервые была утверждена Указом Президента «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы» [О Концепции государственной ... , 2018], определившая основные принципы и подходы государственного регулирования процессов трудовой иностранной миграции в России.

Основными векторами на практике стали постепенное расширение перечня оснований, которые запрещают работодателям привлекать иностранцев в качестве рабочей силы; ужесточены требования к пребывающим гражданам в части знания русского языка, законодательства; жесткие меры в отношении мигрантов-правонарушителей [Грехнева, 2023]. Эти меры привели к тому, что снизился ежегодный поток трудовых мигрантов в Россию. Так, прибыло иностранных мигрантов по причине труда в РФ в 2014 г. 187 500 [Росстат, 2015], а по

итогам 2023 г. только 137 418 [Росстат, 2024].

Таким образом, с одной стороны, Россия по-прежнему нуждается в мигрантах как источнике восполнения трудовых резервов, а с другой стороны, основными доступными поставщиками трудовых ресурсов на сегодняшний день остались страны Средней Азии, чьи жители нуждаются в дополнительных мерах социальной адаптации и не всегда гармонично интегрируются в принимающий социум. Все это неизбежно сказалось на общественном мнении в отношении трудовых мигрантов.

Главным инструментом воздействия на общественное мнение в современном мире, безусловно, являются средства массовой информации (далее СМИ). В традициях российской политической коммуникации власти и общества СМИ выполняют еще и важную функцию формирования общественного мнения в интересах и с учетом позиции государственной власти [Соколов, 2019].

В этом контексте, представляется важным: каким образом репрезентуется образ трудового мигранта в СМИ на примере Ярославской области, типичного региона Центральной России, избежавшего серьезных конфликтов на почве межэтнических отношений в последние десятилетия? Какова динамика изменения этого образа на протяжении последних 10 лет? В этом контексте мнение региональных СМИ, а не федеральных представляется более ценным, так как именно

СМИ областного уровня должны более точно репрезентовать общественные настроения на макроуровне, предоставлять «обратную» связь для органов власти.

Методы исследования

С целью выявления особенностей публичного образа трудовых мигрантов нами было проведено исследование методом контент-анализа информационного пространства Ярославской области за 2014-2024 гг.

Целью проведенного исследования явилось выявление особенностей изменений публичного образа трудового мигранта в общественном мнении, нашедших отражение в публикациях средств массовой информации Ярославской области.

Задачами стали:

- определение уровня интереса СМИ региона к проблематике трудовой миграции;
- выявление доминирующей коннотации в отношении образа трудового мигранта на протяжении исследуемого периода;
- формулировка семантического ядра публикаций негативного и позитивного характера в отношении трудовых мигрантов;
- выработка первоочередных рекомендаций по корректировке информационной политики органов власти в отношении тем трудовых мигрантов.

Эмпирической базой исследования стали сообщения, содержащие упоминание словосочетания «трудовые мигранты» и «гастарбайтеры»

ры» во всех словоформах, опубликованные в 56 ведущих региональных и местных СМИ Ярославской области за период с 01.01.2014 по 31.07.2024 г. (4 телеканала, 15 газет и журналов, 37 интернет-информантств и порталов). Всего в выборку включены 668 сообщений. Сбор и частотный анализ эмпирической базы произведен с по-

мощью инструментов информационно-аналитической системы «Медиадиагностика».

Результаты исследования

Анализ полученных сведений целесообразнее начать с частотного распределения публикаций, а также их интонационной окраски, которые представлены на рисунке 1.

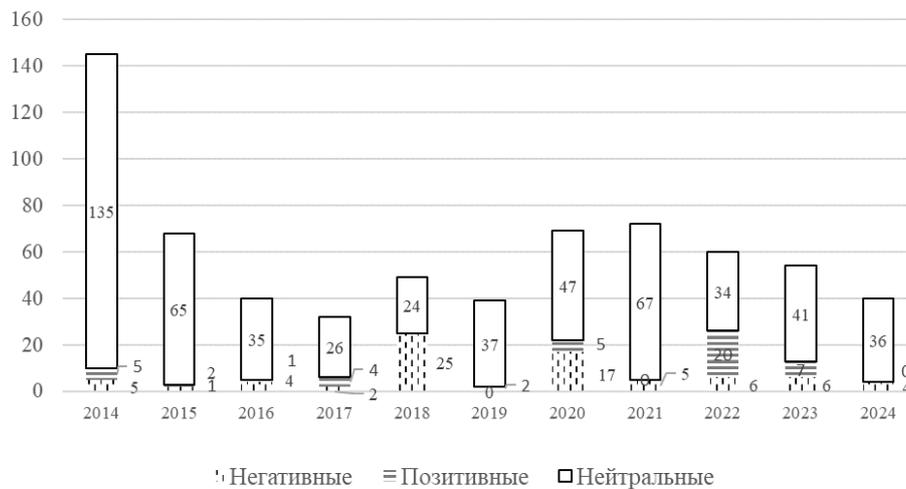

Рис. 1. Динамика частотного распределения упоминаний словосочетания «трудовые мигранты» в сообщениях СМИ Ярославской области в 2014-2024 гг. (единицы)

Представленные данные свидетельствуют о том, что тематика трудовой миграции сама по себе не имеет значимого интереса для региональных СМИ. Наибольшее количество публикаций на эту тему зафиксировано в 2014 году и носит скорее ситуативный характер: в этом году прошел ряд заседаний региональных профильных консультативных и совещательных органов, которые привлекли внимание СМИ к данной проблематике. В

остальные года интерес к теме стабильно не высок – от 32 в 2017 году до 72 в 2021 году.

Большая часть публикаций в каждый год наблюдений носит информационно-нейтральный характер. Динамика изменений количества позитивных и негативных публикаций минимальна, ее колебания также весьма ситуативны и обусловлены реакцией СМИ исключительно на происходящие события, но не на формирование самостоя-

тельной повестки. Например, в 2018 году, когда была отмечена наиболее высокая доля как в абсолютном выражении (25 публикаций), так и в относительном (51 %), это было обусловлено широким информированием СМИ о планах правительства по снижению квоты для привлечения иностранной рабочей силы в регионе, а также обсуждением на профильном координационном совете по вопросам международных отношений при губернаторе области вопроса профилактики экстремизма в рядах пребывающих в регион трудовых мигрантов. В частности, широкую огласку в СМИ получило следующее высказывание губернатора Дмитрия Миронова, помещающее словосочетание «трудовые мигранты» в негативную коннотацию: «Профилактика экстремизма должна рассматриваться органами государственной власти как задача особой важности. В современном обществе все большее распространение получает трудовая миграция. Это нормальный, естественный процесс. Тем не менее он не должен быть хаотичным. Поэтому я сегодня обращаюсь с просьбой к руководителям национальных диаспор: в работе с прибывающими в регион сделать упор на культурно-просветительские акции» [Дмитрий Миронов ...].

Схожей представляется ситуация с позитивными публикациями.

Например, наибольший объем (20 публикаций) отмечен по итогам 2022 года. Наибольший вклад в этот объем был обеспечен единственным позитивным инфоповодом – очередным заседанием координационного совета по международным отношениям, где, в отличие от 2018 года, участники отметили позитивные тенденции в развитии миграционной ситуации. В частности, ключевым ньюсмейкером стал советник Губернатора Дмитрий Соловьев: «Ярославская область привлекательна для иностранных мигрантов, в том числе трудовых, так как в целом ряде сфер качество жизни в регионе опережает среднероссийский уровень. В настоящее время международная ситуация в регионе характеризуется как устойчивая» [Мигранты и рынок труда ...].

Таким образом, можно констатировать, что в формировании образа трудового мигранта СМИ региона не играют самостоятельной роли, а чаще всего следуют за той информационной и событийной канвой, которую им предоставляют основные ньюсмейкеры.

Если обратиться к анализу основных ньюсмейкеров, то следует отметить, что именно органы власти, преимущественно исполнительной и силового блока, являются главными действующими лицами в публикациях, посвященных трудовой миграции.

Таблица 1.

Количество упоминаний основных общественно-политических институтов в контексте вопросов трудовой миграции (с количеством упоминаний не менее 15 единиц) 2014-2024 гг.

Объекты	Кол-во сообщений	Главная роль
Узбекистан	171	31
Федеральная миграционная служба РФ	154	99
Таджикистан	140	17
Украина	122	10
УМВД России по Ярославской области	106	51
Армения	96	14
Общероссийская общественная организация «Ассамблея народов России»	80	20
Кыргызстан	75	6
Федеральная служба безопасности РФ	62	20
Правительство Ярославской области	62	26
Содружество независимых государств	51	8
Миронов Дмитрий Юрьевич	51	35
Беларусь	49	1
Федеральная служба войск национальной гвардии РФ	46	10
Следственный комитет РФ	45	12
Казахстан	45	0
Азербайджан	42	2
Китай	38	2
Госдума РФ	38	14
Министерство внутренних дел РФ	31	9
Ярославская областная Дума	28	16
Ястребов Сергей Николаевич	27	18
Федеральная служба исполнения наказаний РФ	25	6
«Коммунистическая партия Российской Федерации»	25	7
Франция	24	0
Правительство РФ	24	2
Министерство труда и социальной защиты РФ	23	4
Федеральная служба государственной статистики РФ	19	0
Региональные прокуратуры РФ	18	12
Партия «Единая Россия»	18	10
Молдова	18	2
Евразийский экономический союз	18	0
Федеральная служба судебных приставов РФ	17	7
Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека РФ	17	3
Турция	17	2
«Либерально-демократическая партия России»	17	8
ООН	16	0
Европейский Союз	16	0
город Переславль-Залесский	15	10
Главное управление по противодействию экстремизму МВД РФ	15	1

Как следует из представленных данных, среди основных ньюсмейкеров доминируют не просто органы власти, а государственные образования (именно те, представители, составляющие ядро трудовой миграции сегодня), а также крупные силовые ведомства, что подтверждает преимущественно официально-информационный характер публикаций, формирующий образ трудового мигранта исключительно на фоне комментирования текущих событий либо сводок статистических данных. В региональном контексте примечательно, что действующий глава региона не отмечен в списке ключевых ньюсмейкеров, в то время как его предшественники в нем присутствуют. Это, кроме всего прочего, может свидетельствовать о недостаточном внимании

регионального правительства текущего состава к вопросам трудовой миграции.

Единственным исключением является наличие в перечне ключевых ньюсмейкеров регионального отделения общественной организации «Ассамблея народов России», публикации о деятельности которой носят просветительский и формирующий (в позитивном ключе) характер.

Наличие подобного перечня ключевых ньюсмейкеров подтверждает гипотезу о трудности формирования позитивной повестки и позитивного образа трудового мигранта. Необходимо активное введение в информационное пространство ярких лидеров общественного мнения, способных за счет доверия аудитории к их персонам, добавить позитивных штрихов к образу трудового мигранта.

Таблица 2.

Наиболее заметные инфоповоды по теме трудовой миграции в 2014-2024 гг. (с количеством публикаций более 5)

Событие	Количество сообщений
Миграционная ситуация в Ярославской области стабильна	17
В правительстве Ярославской области обсудили, как в регионе проходит культурная адаптация трудовых мигрантов	14
В Ярославской области ФСБ изъяла более полумиллиона бутылок поддельного алкоголя	13
В Ярославле сократят число рабочих иностранцев	12
Дмитрий Миронов провел заседание, где обсудили профилактические мероприятия в среде мигрантов	11
Дмитрий Миронов: «Профилактика экстремизма должна рассматриваться органами государственной власти как задача особой важности»	11
В Переславле осудили организаторов подпольного производства водки и коньяка	10

Мир русскоговорящих стран

Событие	Количество сообщений
Около 60-ти тысяч иностранцев въехало и встало на учет в нашем регионе в прошлом году	8
В Ярославле прошел торжественный вечер, посвященный независимости Армении и юбилею Шарля Азнавура	8
309 организаций Ярославской области готовы принять трудовых мигрантов	7
Группа бутлегеров отправляется под суд	7
В Ярославской области число трудовых мигрантов увеличилось на 30 %	6
В Переславле возбудили дело из-за незаконно работающих мигрантов	6
Сделали справедливый выбор и подготовили предложения в президентскую программу	6
Иеромонах Агафангел (Шкуранков) принял участие в заседании корсовета по вопросам межнациональных отношений	6
Сергей Ястребов: «Открытие центра по предоставлению госуслуг иностранцам повысит статус региона для трудовых мигрантов»	6
Ярославскую область ожидает демографическая катастрофа	5
Почти 100 тысяч госуслуг предоставлено региональным управлением по вопросам миграции за первый квартал этого года	5
Ситуация с нелегальными мигрантами в Ярославле остается под контролем	5
«Ассамблея народов России» провела традиционную отчетную конференцию	5
Сергей Ястребов: «Роль лидеров национальных объединений по поддержке в регионе мира и согласия возрастает»	5

Если обратиться к анализу наиболее заметных инфоповодов (см. табл. 2), связанных с темой трудовой миграции в регион, то можно отметить, что доминирующими являются события, связанные с деятельностью органов власти (заседания профильных комиссий, факты публикации статистической информации, высказывания первых лиц региона, резонансные происшествия с участием трудовых ми-

грантов, в том числе криминального характера). Заметно полное отсутствие в информационном поле представителей национально-культурных объединений, представителей экспертного сообщества, а также инфоповодов, содержащих позитивные примеры общественных или государственных практик социокультурной адаптации прибывающих иностранных граждан.

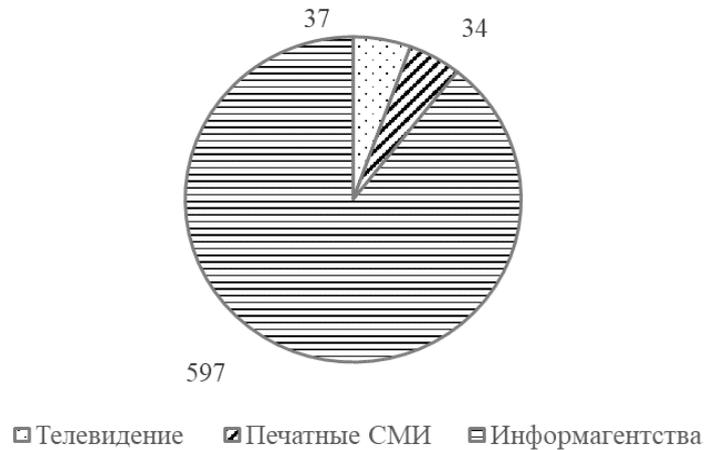

Рис. 2. Распределение публикаций с упоминанием словосочетания «трудовые мигранты» по типу источников средств массовой информации (единиц)

Главным средством информирования населения о ситуации в сфере трудовой миграции региона являются интернет-информангентства (597 публикаций или 89 % от всего массива наблюдений). Региональное телевидение, как наиболее востребованный канал массовой коммуникации, значительно реже посвящает данной теме свои новост-

ные и аналитические сюжеты (37 единиц или 5,5 %) (см. рис. 2). Это является дополнительным свидетельством того, что тема трудовой миграции не получает должного внимания с точки зрения воздействия на общественное мнение и формирование новых трендов в восприятии явления.

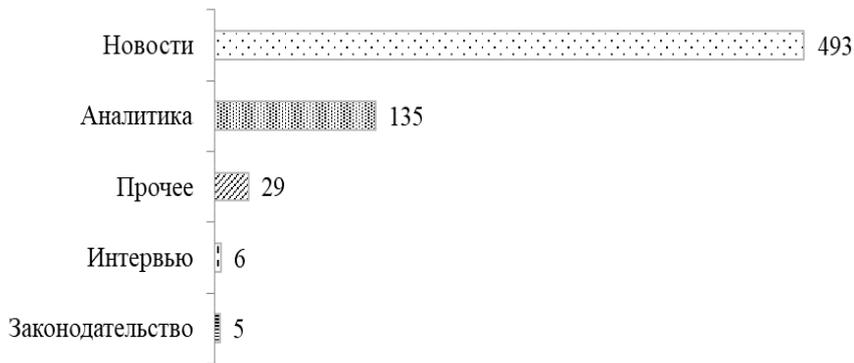

Рис. 3. Распределение публикаций по жанрам (единиц)

В жанровой структуре анализируемых публикаций доминируют два основных показателя – новости (493 единицы или 74 %) и аналитика (135 или 20 %). При этом к аналитическим публикациям были отнесены работы, имеющие *следующие признаки*: наличие статистической информации и комментарии эксперта по теме. Подобное распределение подтверждает наш тезис о доминировании официально событийной повестки в информационном пространстве региона по исследуемой теме.

Отдельно рассмотрим упоминание в региональных СМИ лексемы «гастарбайтер», используемой чаще всего как уничижительное обо-

значение социальной категории иностранных трудовых мигрантов [Сагирян, 2021]. Всего таких публикаций за 10 лет отмечено 425 единиц, все носят негативный характер. Из представленных данных следует, что СМИ стараются избегать обозначения трудовых мигрантов с помощью данной лексики, очевидно, понимая, что ее использование представляется не совсем этичным для журналистики. При этом тенденция последнего десятилетия демонстрирует снижение интенсивности использования лексики, что в контексте формирования образа трудового мигранта относится к позитивному факту.

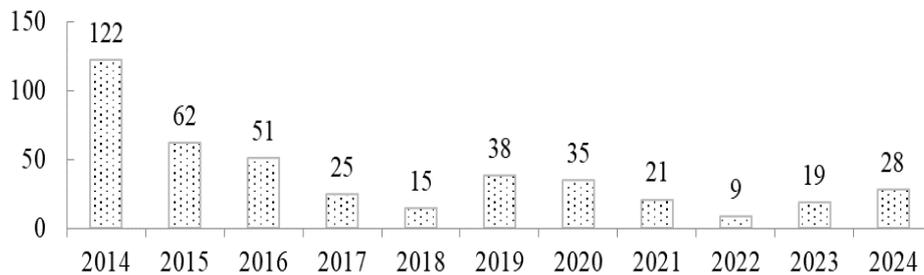

Рис. 4. Частотное распределение публикаций с упоминанием словоформ «гастарбайтер» в СМИ Ярославской области (единиц)

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного исследования, можно отметить следующее.

Несмотря на важность для государства вопросов регулирования иностранной трудовой миграции,

актуальности темы социокультурной адаптации прибывающих в Россию мигрантов, в информационном поле региональных СМИ тема трудовой миграции не является одной из главных. При этом динамика количества публикаций на

протяжении 2014-2024 гг. не демонстрирует значимых изменений.

Содержательно инфоповоды, освещаемые в СМИ, весьма поверхностны, отражают только текущий событийный ряд, чаще связанный с деятельностью органов власти, в том числе силового блока. Практически полностью отсутствуют заметные публикации, повествующие о позитивных примерах интеграции трудовых мигрантов в принимающее сообщество.

Отрицательные составляющие образа трудового мигранта в общественном мнении связаны, прежде всего, с частым упоминанием фактов нарушения трудового законодательства представителями данной социальной группы, совершением иных правонарушений и преступлений, а позитивные – с количественными характеристиками рынка труда. При этом присутствует тенденция на снижение использования в СМИ лексемы «гастарбайтер» для обозначения социальной группы трудовых мигрантов.

В целом, за последнее десятилетие можем констатировать отсутствие содержательной эволюции образа трудового мигранта в СМИ. Исходя из анализа наиболее значимых инфоповодов за десятилетие, у обывателя скорее продолжает складываться мнение о необ-

ходимости присутствия иностранной рабочей силы в России в интересах экономики, но сами по себе трудовые мигранты ассоциируются с нарушениями законодательства, а регулирование этой сферы находится под постоянным вниманием властей и, как следствие, постоянно усиливается. Отмечается крайне слабая субъектность профильных общественных организаций и отсутствие в публичном поле лидеров общественного мнения и экспертного сообщества.

Исходя из анализа инфоповодов, а также основных ньюсмейкеров можно отметить отсутствие у региональных СМИ четкой стратегии по формированию образа трудового мигранта. Освещение этой темы идет инерционно, согласно событийно канве, целенаправленное формирование образа отсутствует, что, скорее всего, приводит к самостоятельной трактовке аудитории тех или иных информационных посылов на основе господствующих в общественном сознании стереотипов. Такая информационная политика не отвечает интересам общества и государства и очевидна целесообразность ее пересмотра.

Библиографический список

1. Волков Ю. Г. Форматы конструирования образа мигранта в современном российском медийном дискурсе / Ю. Г. Волков, В. И. Курбатов // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7. С. 47-52.

2. Воробьева О. Д. Миграционная политика России: история и современность / О. Д. Воробьева, Л. Л. Рыбаковский, О. Л. Рыбаковский. Москва : Экон-Информ, 2016. 216 с.
3. Грехнева Ю. А. Миграционное законодательство России: последние изменения, описание и оценка / Ю. А. Грехнева, Н. В. Бенсгиер, Е. Б. Бедрина, Н. П. Неклюдова // Современные технологии управления. 2023. №4. С. 1-13.
4. Гринченко Е. А. Анализ ценностно-смысловой репрезентации образа нелегального мигранта в региональных СМИ: по результатам контент анализа // Социология. 2022. № 6. С. 169-179.
5. Денисенко М. Б. Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии / М. Б. Денисенко, В. И. Мукомель // Демографическое обозрение. 2020. № 7(3). С. 84-107.
6. Дмитрий Миронов: «Профилактика экстремизма должна рассматриваться органами государственной власти как задача особой важности» // Ярославский регион : сайт. 2018. 20 июн. URL: <https://yarreg.ru/n4wy8/> (дата обращения 02.09.2024).
7. Ивахнюк И. Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций // Российский совет по международным делам : сайт. 2023 17 ноя. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk> (дата обращения 02.09.2024).
8. Иммигранты в России: за и против // Всероссийский центр изучения общественного мнения: сайт. 2023. 14 авг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения 03.09.2024).
9. Ляшок В. Ю. Санкции пока не вызвали роста безработицы // Экономическое развитие России. 2022. Т. 29, №4. С. 50-52.
10. Мигранты и рынок труда. Для работы иностранцы выбирают Ярославскую область // Аргументы и факты : сайт. 2022. 23 дек. URL: https://yar.aif.ru/politic/migranty_i_rynok_truda_dlya_raboty_inostrancy_vybirayut_yaroslavskuyu_oblast (дата обращения 02.09.2024).
11. Понеделков А. В. Трудовые мигранты в условиях коронавируса / А. В. Понеделков, А. Н. Аверин, С. А. Стельмах, И. В. Омельченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 11. С. 85-88.
12. Российская Федерация. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы». Москва : Собрание законодательства РФ. 2018 № 45. Статья 6917.
13. Рязанцев С. В. Трудящиеся-мигранты на российском рынке труда в период пандемии COVID-19 – противоречия между интересами бизнеса и реальной политикой / С. В. Рязанцев, А. В. Кашепов // Социальная политика и социология. 2021. Т. 20, №3 (140). С. 155-164.

14. Сагирян И. Г. Лексема «гастарбайтер» как средство унижения чести и достоинства личности / И. Г. Сагирян, С. И. Кузина, Е. А. Краснова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство и управление. 2021. № 10. С. 90-93.

15. Соколов А. В. Социальные сети как канал коммуникации с властью (на примере протестных движения Ярославской области) / А. В. Соколов, Д. Е. Палатников // Государство и граждане в электронной среде. 2019. № 3. С. 132-143.

16. Florinskaya Y., Mkrtychyan N. Migration: Main Trends in January-February 2021 // Monitoring of Russia's Economic Outlook. Trends and Challenges of Socio-Economic Development Moscow. IEP. 2021. № 10, 13-16. p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3864043 (дата обращения 06.09.2024).

17. Florinskaya Yu.F. Female Labor Migration to Russia: Number, Donor Countries, Niches in the Labor Market // Studies on Russian Economic Development. 2022. № 33(1), 55-64 p. URL: <https://link.springer.com/article/10.1134/S1075700722010075> (дата обращения 06.09.2024).

18. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, p. 1, art. 2. Электронный ресурс ООН. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-protection-rights-all-migrant-workers> (дата обращения: 06.09.2024).

Reference list

1. Volkov Ju.G. Formaty konstruirovaniya obraza migranta v sovremennom rossijskom medijnom diskurse = Formats of constructing a migrant's image in contemporary Russian media discourse / Ju.G. Volkov, V. I. Kurbatov // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2023. № 7. S. 47-52.

2. Vorob'eva O. D. Migracionnaja politika Rossii: istorija i sovremennost' = Russian migration policy: history and the present / O. D. Vorob'eva, L. L. Rybakovskij, O. L. Rybakovskij. Moskva : Jekon-Inform, 2016. 216 s.

3. Grehneva Ju.A. Migracionnoe zakonodatel'stvo Rossii: poslednie izmenenija, opisanie i ocenka = Migration legislation in Russia: recent changes, overview and assessment / Ju.A. Grehneva, N. V. Bengier, E. B. Bedrina, N. P. Nekljudova // Sovremennye tehnologii upravlenija. 2023. №4. S. 1-13.

4. Grinchenko E. A. Analiz cennostno-smyslovoj reprezentacii obraza nelegal'nogo migranta v regional'nyh SMI: po rezul'tatam kontent analiza = Analyzing the value and semantic representation of an illegal migrant's image in regional media: based on the results of the content analysis // Sociologija. 2022. № 6. S. 169-179.

5. Denisenko M. B. Trudovaja migracija v Rossii v period koronavirusnoj pandemii = Labour migration in Russia at the time of coronavirus pandemic / M. B. Denisenko, V. I. Mukomel' // Demograficheskoe obozrenie. 2020. № 7(3). S. 84-107.

6. Dmitrij Mironov: «Profilaktika jekstremizma dolzhna rassmatrivat'sja organami gosudarstvennoj vlasti kak zadacha osoboj vazhnosti» = Dmitry Mironov:

“Preventing extremism should be considered by state authorities as a task of special importance” // Jaroslavskij region : sajt. 2018. 20 ijun. URL: <https://yarreg.ru/n4wy8/> (data obrashhenija 02.09.2024).

7. Ivahnjuk I. Trudovaja migracija v Rossiju: vzglyad cherez prizmu politicheskikh, jekonomicheskikh i demograficheskikh tendencij = Labor migration to Russia: a view through the prism of political, economic and demographic trends // Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam : sajt. 2023. 17 noja. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiju-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk> (data obrashhenija 02.09.2024).

8. Immigranty v Rossii: za i protiv = Immigrants in Russia: for and against // Vserossijskij centr izuchenija obshhestvennogo mneniya: sajt. 2023. 14 avg. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (data obrashhenija 03.09.2024).

9. Ljashok V. Ju. Sankcii poka ne vyzvali rosta bezroboticy = The sanctions haven't caused a rise in unemployment so far // Jekonomicheskoe razvitie Rossii. 2022. T. 29, №4. S. 50-52.

10. Migranty i rynek truda. Dlja raboty inostrancy vybirajut Jaroslavskuju oblast' = Migrants and the labor market. Foreigners choose the Yaroslavl region for employment // Argumenty i fakty : sajt. 2022. 23 dek. URL: https://yar.aif.ru/politic/migranty_i_rynek_truda_dlya_raboty_inostrancy_vybir_ayut_yaroslavskuyu_oblast (data obrashhenija 02.09.2024).

11. Ponedelkov A. V. Trudovye migranty v uslovijah koronavirusa = Migrant workers during coronavirus / A. V. Ponedelkov, A. N. Averin, S. A. Stel'mah, I. V. Omel'chenko // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki. 2021. № 11. S. 85-88.

12. Rossijskaja Federacija. Ukaz Prezidenta RF ot 31.10.2018 № 622 «O Konceptcii gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na 2019 – 2025 gody» = The Russian Federation. Presidential Decree of 31.10.2018 No. 622 “On the Concept of State Migration Policy of the Russian Federation for 2019 – 2025”. Moskva : Sobranie zakonodatel'stva RF. 2018 № 45. Stat'ja 6917.

13. Rjazancev S. V. Trudjashhiesja-migranty na rossijskom rynke truda v period pandemii COVID-19 – protivorechija mezhdru interesami biznesa i real'noj politikoj = Migrant workers in the Russian labor market during the COVID-19 pandemic – contradictions between business interests and real politics / S. V. Rjazancev, A. V. Kashepov // Social'naja politika i sociologija. 2021. T. 20, №3 (140). S. 155-164.

14. Sagirjan I. G. Leksema «gastarbajter» kak sredsvo to unizhenija chesti i dostoinstva lichnosti = The lexeme “gastarbeiter” as a means to humiliate the honor and dignity of a person / I. G. Sagirjan, S. I. Kuzina, E. A. Krasnova // Nauka i obrazovanie: hozjajstvo i jekonomika; predprinimatel'stvo i upravlenie. 2021. № 10. S. 90-93.

15. Sokolov A. V. Social'nye seti kak kanal kommunikacii s vlast'ju (na primere protestnyh dvizhenija Jaroslavskoj oblasti) = Social networks as a channel of communication with the authorities (the case study of protest movements in the

Yaroslavl region) / A. V. Sokolov, D. E. Palatnikov // Gosudarstvo i grazhdane v jelektronnoj srede. 2019. № 3. S. 132-143.

16. Florinskaya Y., Mkrtychyan N. Migration: Main Trends in January-February 2021 // Monitoring of Russia's Economic Outlook. Trends and Challenges of Socio-Economic Development Moscow. IEP. 2021. № 10, 13-16. p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3864043 (data obrashhenija 06.09.2024).

17. Florinskaya Yu.F. Female Labor Migration to Russia: Number, Donor Countries, Niches in the Labor Market // Studies on Russian Economic Development. 2022. № 33(1), 55-64 p. URL: <https://link.springer.com/article/10.1134/S1075700722010075> (data obrashhenija 06.09.2024).

18. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families, p. 1, art. 2. Jelektronnyj resurs OON. URL: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-convention-protection-rights-all-migrant-workers> (data obrashhenija: 06.09.2024).

Статья поступила в редакцию 19.06.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 19.06.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024

Научная статья
УДК 321
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-22
EDN GBEMKM

**Современные тенденции приобщения студентов из стран Африки
к российской политической культуре**

Наталья Алексеевна Личак¹, Лариса Дмитриевна Руденко²[✉]

¹Доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных наук, Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль.

²Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Ярославский государственный технический университет, г. Ярославль.

¹lichakna@ystu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7659-6491>

²rudenkold@ystu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-0445-9153>

Аннотация. В условиях современной глобализации университет помимо своих классических функций по передаче знаний и подготовке профессиональных кадров для национальной экономики, привлекает в образовательный и научно-исследовательский процессы не только российских студентов, но и иностранную молодежь. За счет вовлечения иностранных студентов в общеуниверситетские мероприятия происходит их приобщение к российской политической культуре. Во многих случаях это является ярким проявлением академической дипломатии, активным актором которой является Ярославский государственный технический университет.

На основе выступлений официальных лиц, научных исследований, пост-реализов международных саммитов в статье сформировано представление об особенностях стратегического сотрудничества России и стран Африки в современных условиях, в том числе в рамках отдельного университета. В работе анализируются особенности восприятия иностранными студентами российской политической культуры, рассматриваются возможные направления их политической социализации. В этой связи делается попытка изучить академическую площадку Ярославского государственного технического университета как проводника российской политической культуры за рубежом.

Авторы делают вывод, что университет, реализующий образовательные, научно-исследовательские и социальные проекты, активно вовлекается в общественную дипломатию. Лидирующее положение вуза в обществе, его международная активность, высокие научные достижения позволяют внести значимый вклад в российско-африканское сотрудничество. Посредством привлечения студентов с африканского континента вуз старается заинтересовать общество другой страны своим культурным наследием, что является главной целью публичной дипломатии.

Ключевые слова: политическая культура; Россия; Африка; образование; студенты; культурное сотрудничество; взаимопонимание; мероприятия

Для цитирования: Личак Н. А., Руденко Л. Д. Современные тенденции приобщения студентов из стран Африки к российской политической культуре // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 3 (21). С. 22-36. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-22>. <https://elibrary.ru/GBEMKM>.

Original article

Modern tendencies for introducing African students to russian political culture

Natalia A. Lichak¹, Larisa D. Rudenko²✉

¹Doctor of cultural studies, associate professor, head of the department of humanities, Yaroslavl state technical university, Yaroslavl.

²Candidate of historical sciences, associate professor, department of humanities, Yaroslavl state technical university, Yaroslavl.

¹lichakna@ystu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7659-6491>

²rudenkold@ystu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0445-9153>

Abstract. In the modern context of globalization, the university, apart from its classical functions of teaching students and training professional staff for the national economy, attracts not only Russian but also foreign students to educational and scientific research work. Through participation in university social events, foreign students are introduced to and become familiar with Russian political culture. In many cases, this is a vivid example of academic diplomacy, of which Yaroslavl state technical university plays an active role.

Based on the official speeches, scientific research and post releases of international summits, the article forms an idea of the specific strategic cooperation between Russia and African countries in modern conditions, even within the framework of one university. The article analyzes the specifics of how foreign students understand Russian political culture and considers some possible directions of their political socialization. In this regard, an attempt is made to study the academic space of Yaroslavl State Technical University as a promoter of Russian political culture abroad.

The authors conclude that a university realizing educational, research and social projects is actively involved in public diplomacy. The leading social status of the university, its international activity and prominent scientific achievements enable it to make a significant contribution to the Russian-African cooperation. By engaging students from the African continent, the university attracts the society of another country to its cultural heritage, which is the main goal of public diplomacy.

Key words: political culture; Russia; Africa; education; students; cultural cooperation; mutual understanding; events

For citation: Lichak N. A., Rudenko L. D. Modern tendencies for introducing African students to Russian political culture. *World of Russian-speaking countries*.

2024; 3(21): 22-36. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-22>.
<https://elibrary.ru/GBEMKM>.

Введение

Формирование политической культуры имеет важное значение для любого государства [Политология, 2005]. Применение в научных исследованиях теорий политической культуры решило проблему ограниченности популярного на тот момент институционального анализа. Сложность его использования в политической методологии заключалась в том, что он не показывает, почему, например, одни и те же политические институты в разных странах функционируют по-разному. Политическая культура, в свою очередь, позволила объективно изучить причины политического участия граждан и их объединений, выявить истоки политических конфликтов, предусмотреть возможность достижения на базе общепринятых политико-культурных ценностей общественного согласия в рамках существующей политической системы. Вместо привычного акцентирования внимания на дефиците ресурсов и борьбе за обладание ими, ученые сосредоточили свое внимание на таких элементах политической культуры как политическое сознание, политические ценности, идеалы и знания.

Политическую культуру в политической теории принято рассматривать с помощью *двух парадигм* [Пугачев, 2000]. В рамках *первой* (Г. Алмонд, С. Верба) под политической культурой понимается вся

духовная сфера политики, что делает ее содержание максимально обобщенным, исключая возможность конкретизации и операционализации понятий.

Ученые *второй парадигмы* (У. Розенбаум) выделяют в качестве основного элемента политической культуры деятельностный компонент: ресурсы и мотивы политической деятельности, способы ее осуществления.

Отечественные ученые, действующие в рамках деятельностной парадигмы, настаивают на идее, что всем группам российского социума, особенно молодежи и приглашенным из-за рубежа специалистам, необходимо иметь представление о политических мотивах, ценностях и ресурсах, на основании которых следует формировать общественные мероприятия.

По нашему мнению, в фокусе внимания ученых должна быть структура политических ориентаций, элементами которых являются знания о политической системе, ее ролях, функциях, решениях и действиях, возможностях и способах влияния на принятие политических решений. Необходимо также учитывать, так называемый субъективный компонент, который включает чувства относительно политической системы, ее структур, ролей, функций и их исполняющих политических деятелей, суждения, мнеческие

ния и представления о политической культуре.

По мере формирования и развития государств их политическими институтами были разработаны различные типы политических культур, которые отражали не только специфику политического режима, но и доминирующие политические ценности и установки, сложившиеся благодаря географическим, духовным, экономическим и прочим факторам. Среди прочих, безусловно, можно выделить внешнеполитические обстоятельства, которые позволяют формировать определенный симбиоз ценностных ориентаций и способов политического участия граждан.

Рассмотрим влияние последних на примере сотрудничества России и стран Африки. История взаимоотношений России со странами Африки имеет глубокие исторические корни [Алешин, 2022]. Наиболее многоаспектный и широкий характер это сотрудничество имело во времена Советского Союза, особенно после окончания Второй мировой войны. Ее окончание явилось началом формирования национально-освободительного движения в колониальном мире, которое использовали дипломаты Советского Союза как основу для сотрудничества со странами Африки.

На проходившей в Сан-Франциско в 1945 г. международной конференции СССР настаивал на закреплении в Уставе ООН пункта, согласно которому межго-

сударственные отношения со странами Африки должны формироваться «на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов», а также осуществлять международное сотрудничество «в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [Устав ООН, 1945, ст. 1].

В современных условиях политической глобализации долгосрочное партнерство России и стран африканского континента строится с учетом конкретных взглядов на межгосударственное сотрудничество, определенных мер по усилению экономической интеграции, расширению новых рынков товаров и услуг, активизации инвестиционных потоков, индустриального взаимодействия между Россией и странами Африки. Ярким подтверждением расширяющегося сотрудничества между Россией и странами Африки является высокая результативность Второго Саммита и Экономического и гуманитарного форума Россия – Африка, который прошел в июле 2023 г. в Санкт-Петербурге. Его итогом стало принятие ряда деклараций [Подведены итоги ... , 2023]:

- о предотвращении гонки вооружений в космическом пространстве;
- о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности;

– об укреплении сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом;
– план действий Форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 гг.

Также по результатам Саммита были заключены соглашения с ключевыми африканскими экономическими союзами:

– меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Межправительственной организацией по развитию (ИГАД) об основах взаимоотношений и сотрудничестве;

– меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Экономическим сообществом государств Центральной Африки (ЭСГЦА) об основах взаимоотношений и сотрудничестве [Подведены итоги ... , 2023].

Как видно из экономической программы Саммита Россия – Африка, в центре внимания российско-африканского партнерства находятся вопросы, касающиеся перспектив социально-экономического российско-африканского сотрудничества. Стоит отметить, что к установившимся политическому и экономическому направлениям взаимодействия добавилось гуманитарное, которое реализуется на микроуровне через коммуникацию и сотрудничества граждан.

В современной литературе все чаще встречается определение гуманитарного сотрудничества России и Африки как функционального ресурса «мягкой силы». В то же

время понятие «гуманитарное сотрудничество» трактуется отечественными учеными более широко и включает в себя новые виды отношений, например, культурные связи, сотрудничество между институтами гражданского общества, в том числе отношения с диаспорой соотечественников за рубежом.

Его смысл заключается в том, что для развития межгосударственного сотрудничества недостаточно строить отношения на уровне дипломатических служб или национальных политических лидеров. Важно понимать культурные особенности и социальные проблемы, волнующие людей на африканском континенте.

В качестве возможных практических шагов по наращиванию гуманитарного сотрудничества с Африкой можно отметить обучение иностранных студентов в российских вузах. Стоит подчеркнуть, что данный инструмент требует небольших финансовых затрат, но при этом имеет большой политический эффект, поскольку обмен знаниями, идеями, мыслями и публикациями с африканской стороной чрезвычайно важен и продуктивен.

Особую актуальность он приобретает на фоне расширения сети российских центров науки и культуры на африканском континенте. В 2022 г. Русские дома открылись в Судане, Мали, Египте и Алжире. В январе 2024 г. подписано межправительственное российско-ангольское соглашение об учре-

ждении и условиях деятельности культурных центров на основе партнерства с местными НКО. Значительно активизировалась работа по продвижению русского языка на континенте. Так, в 2023/24 учебном году квота на африканских студентов в вузах РФ увеличена более чем в два раза: с 2,3 тыс. до 4,7 тыс. бюджетных мест. Больше всех студентов приехало из Гвинеи (450 мест), Анголы (300), Мали (290), Республики Конго (250), Египта (250), Нигерии (250) [«Экспорт» российского ... , 2023].

Между тем стоит отметить высокую заинтересованность в российском образовании со стороны африканских кандидатов [Тельманова, 2023]. Например, в 2023 г. на 2 300 мест прислали более 11 тыс. заявлений, в итоге средний конкурс составил около 5 человек на место. Наиболее востребованными направлениями стали «Лечебное дело», «Экономика», «Программная инженерия». По данным Минобрнауки, в настоящее время в российских вузах обучается почти 35 тыс. африканских студентов, из них 6 тыс. – на бюджетной основе [Минобрнауки РФ ... , 2024].

Таким образом, достигнутые результаты в гуманитарном сотрудничестве формируют хорошую основу для перспективного развития академической дипломатии между Россией и странами Африки, итогом которой является социально-политическое развитие стран.

Методы исследования

Общий фокус качественного исследования концентрирует внимание на частном, особенном в описании целостной картины социальных практик [Ядов, 2007]. Наиболее актуально, на наш взгляд, стоит изучать процесс, протекающий в ходе установочных сессий, а также его реализацию на практике. Именно в этом информационном пространстве можно увидеть достижение поставленных целей в конкретной деятельности.

В рамках описательного исследования нами была собрана информация о том, что в проектах упомянутого выше Второго Саммита Россия – Африка приняли участие около 9 тыс. человек из более 100 государств и территорий. Участники являлись представителями бизнес-сообществ, в том числе и иностранных компаний, официальных делегаций, научных объединений, общественных организаций [Подведены итоги ... , 2023].

В течение Саммита проходили панельные сессии, на которых около 500 спикеров освещали вопросы, посвященные экономике в условиях глобализации, совместной работе в области науки и технологии, комплексной безопасности и суверенного развития, гуманитарной и социальной сферы как основе нового качества жизни.

Итогом Форума стало подписание ряда соглашений с зарубежными компаниями, иностранными организациями и представителями

органов государственной власти. Большинство из подписанных соглашений относилось к области гуманитарного сотрудничества:

- международное и межрегиональное сотрудничество – 56;
- образование и наука – 51;
- научно-техническое сотрудничество – 10;
- экспорт и внешнеэкономическая деятельность – 10 [Подведены итоги ... , 2023].

Вторая часть нашего исследования базируется на результатах включенного наблюдения, под которым мы подразумеваем целостную исследовательскую стратегию, то есть методологию социальных и гуманитарных исследований по привлечению молодежи из стран Африки к сотрудничеству в сфере образования [Уткина, 2015].

Исследовательской установкой, в данном случае, являлась конкретизация теоретических понятий в результате непосредственного взаимодействия преподавателей Ярославского государственного технического университета (*далее ЯГТУ*) с абитуриентами африканского континента. Изучение и описание человеческих сообществ происходило на основе этнографического метода и метода интервьюирования, в ходе которого мы проводили отбор «случаев», групп, времени, места, контекстов наблюдения. Объектом данного исследования являются африканские абитуриенты, предметом – особенности восприятия ими

российской политической культуры.

Считаем, что результаты исследования, полученные в рамках одной организации, являются типичными и могут быть общими для организаций, подобных нашей.

Результаты исследования

В условиях глобализирующегося мира, когда выстраиваются новые принципы формирования баланса мировых лидеров, официальная дипломатия внешней политики проводится совместно с технологиями «мягкой силы» как действенного ресурса воплощения своих государственных приоритетов.

В современный политологический дискурс понятие «мягкая сила» вводит американский ученый Дж. Най. В 1980-х гг. он предположил, что культурная и публичная дипломатия являются инструментом исполнения основных задач мягкой силы государства.

При этом одним из направлений «мягкой силы» является академическая дипломатия, ориентированная на следующие задачи:

- формирование образа государства с высоким индексом образованности населения, что положительно сказывается на формировании национальных идей просвещения, альтруизма и гуманизма, в том числе и в отношении других народов;
- создание базы выпускников-иностранцев, которые могут быть проводниками российской культуры;
- активизация достижений в области образования и науки, их

популяризация через академическую сферу;

– формирование каналов неформального сотрудничества с другими странами;

– привлечение и профессиональная подготовка научно-педагогических кадров из числа перспективных иностранных специалистов.

Опыт последних десятилетий в России показал возрастание роли учебного заведения, в котором проходят обучение иностранцы, в расширении академической дипломатии. В частности, высшие учебные заведения Ярославской области обладают не только культурно-образовательным потенциалом, но и стимулируют к постепенному приобщению к политической культуре студентов из стран третьего мира. В этом смысле ЯГТУ, предлагающий иностранным студентам получить специальность по ряду направлений, закладывает основу для глобального мышления в разнообразных профессиональных группах. Кроме того, данные образовательные программы предоставляют возможности молодежи из разных стран общаться, что во многом благоприятно влияет на межгосударственные взаимоотношения. Таким образом, можно сделать вывод, что современный вуз – это не только кузница кадров, но и активный субъект международных отношений.

В 2023 г. ЯГТУ принял участие в Евразийском саммите по высшему

образованию, прошедшем 18 июня в Финансовом университете при Правительстве России. Представители вуза сделали заявление, что интенсифицируют работу по привлечению иностранных студентов. В настоящее время в ЯГТУ обучается более 60 студентов на разных направлениях.

Как мы уже писали выше, африканские студенты, обучающиеся в России, являются важным ресурсом, с помощью которого формируются разноплановые отношения в области политики, экономики и культуры со странами Африки. В этой связи африканские студенты сегодня – это реально действующий канал поддержки контактов с Африкой, поэтому за время их обучения необходимо сформировать у них соответствующий образ различных аспектов российской политической культуры.

Вместе с тем получение профессионального образования в ЯГТУ способствует приобретению африканскими студентами новых знаний, раскрытию коммуникативных навыков и навыков самопрезентации, формирует у них умение работать в команде.

Общаясь с преподавателями на занятиях по истории и обществознанию, студенты из африканских стран задают вопросы, связанные с общественной жизнью, учатся теории аргументации и логическому построению своих идей. Здесь они налаживают новые контакты с ровесниками, становятся все более

ответственными и независимыми в принятии решений, что ведет к повышению индивидуальной способности и желания адаптироваться к новой культуре.

В российской политической действительности на протяжении последних лет можно проследить основные элементы всех типов политических культур. Данный аспект связан с особенностью геополитического положения страны и с разным этническим составом населения, в развитии которых наличие конфликтующих между собой сил было изначально предопределено [Тер-Акопьян, 2014].

Специфика геополитического положения определяется тем, что Россия располагается между двумя цивилизациями – Европейской и Азиатской, что способствовало формированию и развитию у ее населения совершенно противоположных ценностей, в том числе и политического характера: от коллективизма и патернализма до приоритета личных прав человека.

В условиях современной России политическая культура претерпевает изменения в сторону культуры демократического типа, которая сопровождается политической активностью населения и способна оказать существенное влияние на развитие политических институтов, а также формирование системы органов государственной власти.

Немаловажное значение для развития политической деятельности имеет классическая классовая

стратификация [Шкаратан, 2012]. Она подразумевает широкую социальную мобильность, а следовательно, стимулирует граждан участвовать в разного рода мероприятиях, что поддерживается государственной политикой [Распоряжение Правительства РФ ... № 1292-р].

Индивидуальные образовательные траектории приезжающих в нашу страну африканских студентов в дальнейшем могут создавать социальную основу, благодаря которой отдельно взятые индивиды выступают как активные субъекты социально-политического процесса (см. рис. 1).

В течение года студенты участвуют в заседаниях русского языкового клуба и клуба интернациональной дружбы, где тренируют разговорную речь, изучают русскую литературу, культуру, модели социального поведения в России.

Отдельный блок мероприятий по социокультурной адаптации иностранных студентов посвящен их экскурсионному сопровождению по историческим памятникам города, которое проводится в форме квеста. Преподаватели кафедры гуманитарных наук знакомят студентов со средневековыми храмами и изразцами, рассказывают историю первого русского профессионального театра и представлениях XVIII века. В течение квеста студенты узнают о Н. Некрасове, Л. Собинове, купцах братьях Скрипиных.

Рис. 1. Экскурсионный маршрут для студентов из Мали, г. Ярославль (фото автора)

Некоторые современные исследователи отмечают, что на формирование политической культуры России серьезное влияние оказало православие [Сысолятина, 2019]. Стоит отметить, что до 1917 г. национальная идея носила религиозный характер [Бердяев, 2008; Жульков, 2023].

На занятиях в ЯГТУ университете иностранные студенты обсуждают роль религии в истории и жизни общества, особенности религиозности в их странах. Приезжающие из Мали, Чада, Камеруна и других стран ребята активно посещают религиозные учреждения (см. рис. 2). В ходе беседы со студентами выяснилось, что религия для африканцев, проживающих в России, служит базирующим фактором, позволяющим сохранять традиционные ценности, поддерживать культуру и чувство принадлежности к своей стране и России.

Рис. 2. Амаду Кейта у мечети, г. Ярославль (фото автора)

На своих занятиях преподаватели вуза знакомят студентов с историей России, особенностями ее политической системы, разбирают основы конституционного строя, достижения великих русских ученых. Цикл занятий заканчивается интеллектуальной игрой «Что мы знаем о России», на которой задаются вопросы по пройденному материалу.

Немаловажным политическим фактором является и приглашение выпускников-иностранцев, специалистов из Африки на тематические стажировки (см. рис. 3). Тем самым до мировой общественности через академическую сферу преподавателями доносятся результаты не только своих профессиональных достижений, но и важнейшие вопросы общественного развития страны. Кроме того, число африканских специалистов, которые въезжают в Россию, растет с каждым годом. Африканские трудовые мигранты занимают абсолютно разные ниши на рынке труда. Некоторые заняты в достаточно низкоквалифицированных областях, например, в строитель-

стве, работают на складах, в сельском хозяйстве, другие же занимают высокие руководящие посты в крупных российских компаниях [Рекрутеры заявили ... , 2024].

*Рис. 3. Генеральный директор
Географического института Мали
М. С. Кейта на стажировке в
Московском авиационном институте,
2024 г. (фото автора)*

На наш взгляд, сотрудничество между странами Африки и России должно строиться на принципах дальнейшего развития своей самобытной культуры [Личак, 2024]. В то же время, как мы уже отмечали, культурные связи становятся важным ресурсом проведения политики «мягкой силы» [Камара, 2018; Табаринцева-Романова, 2021].

Заключение

Итак, в российской политической культуре присутствует наиболее устоявшиеся ценностные характеристики, которые должны быть приняты и включены в смыс-

ловой оборот как гражданами России, так и вновь приезжающими людьми. Наше государство обладает длительной историей, культурными особенностями, политикой и ответственностью в отношении тех лиц, которые проживают на её земле. Предполагается, что выходцы с Африканского континента будут оповещены о существующих нормах и в их сознательный дискурс войдут положения политического толка. Проводником в деле разъяснения и усвоения данных положений будут являться международный отдел, молодежные организации и преподаватели учебных дисциплин.

Культурное сотрудничество России и Африки должно восприниматься как основа публичной дипломатии, охватывая все сферы человеческой деятельности в гуманитарной области через договорно-правовой аспект. Культурное сотрудничество, как эффективный инструмент мягкой силы и публичной дипломатии, призвано формировать положительный внешнеполитический образ государства, а также реализовывать национальные интересы всех участвующих сторон.

Библиографический список

1. Алешин К. А. Новые контуры партнерства России и Африки: экономическое, политическое, культурно-гуманитарное и молодежное измерения / К. А. Алешин, Г. К. Сугаков // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2022. №1. С. 192-200.
2. Бердяев Н. А. Русская идея // Бердяев Н. А. Самопознание: сочинения. Москва : Эксмо, 2008. С. 13–256.

3. Жульков М. В. Русская национальная идея: на стадии проектирования // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XXII Междунар. науч. конф., Иваново, 29–30 марта 2023 г. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2023. С. 244–248.
4. Камара И. Африканские студенты в России: особенности социальной адаптации и взаимоотношения с принимающим обществом / И. Камара, В. Н. Рыкачев // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 4. С. 164–179.
5. Личак Н. А. Квест-экскурсия как форма приобщения учащейся молодежи к культурно-историческому наследию (на примере зоны ЮНЕСКО г. Ярославля) / Н. А. Личак, Н. Е. Ушакова, Н. Н. Касаткина, М. С. Белинов // Общество: философия, история, культура. 2024. № 7. С. 245–253.
6. Минобрнауки РФ вдвое увеличило число бюджетных мест в вузах для африканских студентов // Минобрнауки РФ вдвое увеличило число бюджетных мест в вузах для африканских студентов. URL: <https://tass.ru/> (дата обращения: 31.07.2024).
7. Подведены итоги второго Саммита и Экономического и гуманитарного форума Россия – Африка. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/07/31/podvedeni-itogi-vtorogo-sammita-i-ekonomicheskogo-i-gumanitarnogo-foruma-rossiya--afrika (дата обращения: 31.07.2024).
8. Политология : учебное пособие / под ред. А. С. Тургаева, А. Е. Хренова. Санкт-Петербург : Питер, 2005. 560 с.
9. Пугачев В. П. Введение в политологию / В. П. Пугачев, В. И. Соловьев. Москва : Аспект Пресс, 2000. 383 с.
10. Распоряжение Правительства РФ от 22 июля 2013 г. № 1292-р Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70321160/> (дата обращения: 05.08.2024).
11. Рекрутеры заявили о буме привлечения работников из Африки. Кого и в каких странах нанимает российский бизнес. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2024/669648109a7947de700fbd3a?ysclid=m0h5lk9tpi476807075> (дата обращения: 17.07.2024).
12. Сысолятина Е. Л. Политическая культура России: исторические и современные особенности / Е. Л. Сысолятина, Е. Ю. Фоминых // XXII Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», Екатеринбург, 21–23 марта 2019 г. Екатеринбург : Изд-во Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. С. 1464–1470.
13. Табаринцева-Романова К. М. Международное гуманитарное сотрудничество: зарубежные подходы к изучению и реализации // Сравнительная политика. 2021. №4. С. 31–46.

14. Тельманова Е. Д. Экспорт российского образования: перспективы привлечения студентов из стран Африки / Е. Д. Тельманова, А. А. Адебайо // Современное образование: перспективы привлечения студентов из стран Африки. 2023. Т. 1. С. 342-344.
15. Тер-Акопьян В. А. Политическая культура современной России: тенденции трансформации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2014. №3. С. 16-20.
16. Устав ООН. URL: <https://www.un.org/> (дата обращения: 04.08.2024).
17. Уткина К. А. Методы социологических исследований: особенности применения (на примере включенного наблюдения) // Экономика и социум. 2015. № 6-3. С. 1137-1142.
18. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. Москва : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. 655 с.
19. «Экспорт» российского образования способствует продвижению русского языка на континенте. URL: <https://rsr-online.ru/news/2022/11/7/kvota-na-studentov-iz-afriki-v-vuzah-rf-vyrastet-v-dva-raza-v-2023-godu> (дата обращения: 30.08.2024).
20. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Москва : Омега-Л, 2007. 567 с.

Reference list

1. Aleshin K. A. Novye kontury partnerstva Rossii i Afriki: jekonomicheskoe, politicheskoe, kul'turno-gumanitarnoe i molodezhnoe izmerenija = A new context of Russia-Africa partnership: economic, political, cultural, humanitarian and youth dimensions / K. A. Aleshin, G. K. Sugakov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika. 2022. №1. S. 192-200.
2. Berdjaev N. A. Russkaja ideja = The Russian idea // Berdjaev N. A. Samopoznanie: sochinenija. Moskva : Jeksmo, 2008. S. 13-256.
3. Zhul'kov M. V. Russkaja nacional'naja ideja: na stadii proektirovanija = Russian national idea: at the stage of designing // Gosudarstvo, obshhestvo, cerkov' v istorii Rossii XX-XXI vekov: materialy XXII Mezhdunar. nauch. konf., Ivanovo, 29-30 marta 2023 g. Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2023. S. 244-248.
4. Kamara I. Afrikanskie studenty v Rossii: osobennosti social'noj adaptacii i vzaimootnoshenija s primajushhim obshhestvom = African students in Russia: social adaptation specifics and relations with the host society / I. Kamara, V. N. Rykachev // Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk. 2018. T. 19, № 4. S. 164-179.
5. Lichak N. A. Kvest-jekskursija kak forma priobshhenija uchashhejsja molodezhi k kul'turno-istoricheskomu naslediju (na primere zony JuNESKO g. Jaroslavlja) = Quest-excursion as a form of introducing students to cultural and historical heritage (on the example of Yaroslavl UNESCO zone) / N. A. Lichak, N. E. Ushakova, N. N. Kasatkina, M. S. Belinov // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2024. № 7. S. 245-253.
6. Minobrnauki RF vdvoe uvelichilo chislo bjudzhetnyh mest v vuzah dlja afrikanskih studentov = Russian Ministry of Education and Science doubles the number of budget university places for African students // Minobrnauki RF vdvoe uvelichilo

chislo bjudzhetnyh mest v vuzah dlja afrikanskih studentov. URL: <https://tass.ru/> (data obrashhenija: 31.07.2024).

7. Podvedeny itogi vtorogo Sammita i Jekonomicheskogo i gumanitarnogo foruma Rossija – Afrika = The final results of the second Russia-Africa Summit and Economic and Humanitarian Forum. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/07/31/podvedeni-itogi-vtorogo-sammita-i-ekonomicheskogo-i-gumanitarnogo-foruma-rossiya--afrika (data obrashhenija: 31.07.2024).

8. Politologija = Political science : uchebnoe posobie / pod red. A. S. Turgaeva, A. E. Hrenova. Sankt-Peterburg : Piter, 2005. 560 s.

9. Pugachev V. P. Vvedenie v politologiju = Introduction to political science / V. P. Pugachev, V. I. Solov'ev. Moskva : Aspekt Press, 2000. 383 s.

10. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 22 ijulja 2013 g. № 1292-r Ob utverzhdenii Konceptii federal'noj celevoj programmy «Ukreplenie edinstva rossijskoj nacii i jetnokul'turnoe razvitie narodov Rossii» = Order of the RF Government of July 22, 2013 № 1292-r On approving the Concept of the federal target program “Strengthening the unity of the Russian nation and ethno-cultural development of the peoples in Russia”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70321160/> (data obrashhenija: 05.08.2024).

11. Rekrutery zajavili o bume privlechenija rabotnikov iz Afriki. Kogo i v kakih stranah nanimaet rossijskij biznes = Recruiters have announced a boom in the number of employees from Africa. Who Russian business hires and in which countries. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2024/669648109a7947de700fbd3a?ysclid=m0h5lk9tpi476807075> (data obrashhenija: 17.07.2024).

12. Sysoljatina E. L. Politicheskaja kul'tura Rossii: istoricheskie i sovremennye osobennosti = Russia's political culture: historical and contemporary characteristics / E. L. Sysoljatina, E. Ju. Fominyh // XXII Mezhdunarodnaja konferencija pamjati professora L. N. Kogana «Kul'tura, lichnost', obshhestvo v sovremennom mire: metodologija, opyt jempiricheskogo issledovanija», Ekaterinburg, 21–23 marta 2019 g. Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo federal'nogo universiteta imeni pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, 2019. S. 1464-1470.

13. Tabarinceva-Romanova K. M. Mezhdunarodnoe gumanitarnoe sotrudnichestvo: zarubezhnye podhody k izucheniju i realizacii = International humanitarian cooperation: approaches to studying and organizing it abroad // Sravnitel'naja politika. 2021. №4. S. 31-46.

14. Tel'manova E. D. Jeksport rossijskogo obrazovanija: perspektivy privlechenija studentov iz stran Afriki = Export of Russian Education: prospects for attracting students from African countries / E. D. Tel'manova, A. A. Adebajo // Sovremennoe obrazovanie: perspektivy privlechenija studentov iz stran Afriki. 2023. T. 1. S. 342-344.

15. Ter-Akop'jan V. A. Politicheskaja kul'tura sovremennoj Rossii: tendencii transformacii = Political culture in contemporary Russia: trends for transformation // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. – Uchenye zapiski. 2014. №3. S. 16-20.

16. Ustav OON = UN Charter. URL: <https://www.un.org/> (data obrashhenija: 04.08.2024).

17. Utkina K. A. Metody sociologicheskikh issledovanij: osobennosti primeneniya (na primere vkljuchennogo nabljudeniya) = Sociological research methods: specifics of application (the case study of included observation) // Jekonomika i socium. 2015. № 6-3. S. 1137-1142.

18. Shkaratan O. I. Sociologija neravenstva. Teorija i real'nost' = Sociology of inequality. Theory and reality. Moskva : Izdatel'skij dom NIU VShJe, 2012. 655 s.

19. «Jeksport» rossijskogo obrazovanija sposobstvuet prodvizheniju russkogo jazyka na kontinente = “Exporting” Russian education promotes the Russian language on the continent. URL: <https://rsr-online.ru/news/2022/11/7/kvota-na-studentov-iz-afriki-v-vuzah-ri-vyrastet-v-dva-raza-v-2023-godu> (data obrashhenija: 30.08.2024).

20. Jadov V. A. Strategija sociologicheskogo issledovanija = The strategy of sociological research. Moskva : Omega-L, 2007. 567 s.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024; одобрена после рецензирования 20.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 20.06.2024; approved after reviewing 20.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024

Научная статья
УДК 398.22
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-37
EDN GHDGSA

**Эстетика женского тела
в армянском героическом эпосе «Давид Сасунский»**

Му Ачжэнь

Доктор филологических наук, старший преподаватель, Шанхайский политико-юридический университет, г. Шанхай
944530282@qq.com, <https://orcid.org/0009-0004-6315-539X>

Аннотация. Как замечательный литературный памятник армянского народа, в котором с исключительной силой и яркостью выражен свободолюбивый дух и героизм народа, армянский героический эпос «Давид Сасунский» пользовался большой популярностью во всем мире. Существует множество исследований, посвященных этому эпосу, но тема женщин в нем изучалась очень мало. В «Давиде Сасунском» искусно изображен ряд женских персонажей с выразительными и уникальными чертами характера, что очень редкое явление даже в истории эпоса всего мира. В данной статье рассматривается изучение эстетики женского тела в «Давиде Сасунском». В эпосе были созданы привлекательные женщины с необыкновенной внешней красотой, силой и мужеством, в которых отразились представления уходящего матрилинейного общества и женская эстетика, присущая армянскому народу того времени. Но эти прекрасные женщины всё-таки не могли считаться независимыми личностями, так как в эпосе их тело выступает в качестве трофея, материнской утробы, инструмента для удержания власти и продолжения рода. За таким героическим образом женщин, формирующимся при поверхностном прочтении произведения, скрывается трагическая судьба и угнетение патриархальным обществом. Но следует отметить, что эти женщины добровольно приняли «идентичность других», данную им мужчинами, и стремились реализовать мужские ожидания относительно этой идентичности. Результаты исследования показывают, что отрицание идентичности женщин как самостоятельных субъектов в тексте и принятие «идентичности других», присвоенной им мужчинами, является коллективным бессознательным, что придает еще более трагический оттенок женской судьбе. Данная статья является важным дополнением к исследованию женских персонажей в армянском эпосе.

© Му Ачжэнь, 2024

Ключевые слова: «Давид Сасунский»; Армения; героический эпос; эстетика; женский образ; женское тело; привлекательность женщин; трагическая судьба женщин; матрилинейное общество

Для цитирования: Му Ачжэнь Эстетика женского тела в армянском героическом эпосе «Давид Сасунский» // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 3 (21). С. 37-50. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-37>.
<https://elibrary.ru/GHDGSA>.

PHILOLOGY

Original article

**Aesthetics of the female body
in the armenian heroic epic “David of Sasun”**

Mu Azhen

Doctor of philology, senior lecturer, Shanghai university of political science and law, Shanghai.

944530282@qq.com, <https://orcid.org/0009-0004-6315-539X>

Abstract. The Armenian heroic epic “David of Sasun” enjoys great popularity all over the world as a remarkable literary monument, where the freedom-loving spirit and heroism of the Armenian people are expressed with exceptional power and intensity. Until now, there have been many studies devoted to this epic, but the topic of women in this work has hardly been studied. In fact, “David of Sasun” is skillful in portraying a number of female characters with expressive and unique character traits, which is a very rare case even in the history of epic around the world. This article discusses studying the aesthetics and functions of the female body in “David of Sasun”. The epic created attractive women with extraordinarily beautiful appearance, strength and courage, and reflected the ideas of the passing matrilineal society and the feminine aesthetics inherent in the Armenian people of the time. These beautiful women however could not be considered independent personalities, as the epic refers to their bodies as trophies, mothers' wombs and tools for keeping power and continuing the lineage. Behind this heroic image of women, that could be formed by superficial reading of the work, lie tragic fates and oppression by a patriarchal society. But it should be noted that these women accepted voluntarily the “identity of others” assigned to them by men and sought to fulfill male expectations regarding this identity. The results of the study show that the denial of women's identity as independent characters in the text and the acceptance of the “identity of others” assigned to them by men is the collective unconscious, which gives an even more tragic connotation to women's fate. In general, this article is an important addition to studying female characters in the Armenian epic.

Key words: “David of Sasun”; Armenia; heroic epic; aesthetics; female character; female body; attractiveness of women; women's tragic fate; matrilineal society

For citation: Mu Azhen Aesthetics of the female body in the armenian heroic epic “David of Sasun”. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 3(21): 37-50. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-37>. <https://elibrary.ru/GHDGSA>.

Введение

Армянский героический эпос «Давид Сасунский» являлся «одним из лучших в мировой народно-эпической литературе» (*Кирпотин В. «Сасунци Давид» // Известия. 1938, 15 ноября*) и пользовался огромной популярностью во всем мире.

Этот эпос был впервые записан и опубликован армянским ученым-фольклористом Г. Срванцянцем (1840-1892) в 1874 году, и в 1881 году был переведен на русский язык другим армянским ученым – Г. Халатьянцем. Его перевод стал первой «презентацией» армянского эпоса в русской среде, не только в литературно-художественном, но и в научном плане. В 1916 году вышел в свет сборник «Поэзия Армении» в переводе известного поэта серебряного века В. Брюсова, содержащий несовершенный перевод «Давида Сасунского». Перевод В. Брюсова повысил популярность армянского эпоса в России.

1939 год стал знаковым культурным событием в истории распространения армянского эпоса. В этому году в Советском Союзе торжественно отметили 1000-летний юбилей эпоса «Давида Сасунского». Специалисты СССР совершили две важных задачи: во-первых, на основе известных вариантов составили сводный текст эпоса и перевели его на русский

язык; во-вторых, издали «Давид Сасунский». Юбилейный сборник посвященный 1000-летию эпоса. Кроме того, в ведущих советских газетах и журналах («Правда» «Известия» «Литературная газета» «Советское искусство» «Коммунист» «Дружба народов» и т. д.) были опубликованы критические статьи, посвященные характерным мотивам армянского эпоса, как «патриотизм, гуманизм, демократизм, стремление к миру, любовь к труду, мечта о свободной и справедливой жизни и др.» [Джанполадян, 2012, с. 32]. Следует отметить, что большинство этих статей имеют ярко выраженный оттенок советской идеологии. Несмотря на это, с 1939 года «Давид Сасунский» был переведен на десятки языков, включая китайский (1942), английский (1964) и французский (1964) языки. В том числе французское издание армянского эпоса «Давид Сасунский» даже вошло «в серию литературных памятников, выпускаемую Международным Советом по философии и гуманитарным наукам при ЮНЕСКО» [Никипорец, 1971, с. 206]. Данный факт доказал, что благодаря усилиям СССР армянский эпос в конце концов получил мировую славу.

С 1950-х годов в изучении армянского эпоса наметилась тенденция к расширению ракурсов, специализации и систематизации. По-

явилось немало монографий. Например, «Армянский героический эпос» (1956) И. Орбели, «Народный героический эпос» (1962) В. Жирмунского, «Происхождение героического эпоса» (1963) Е. Мелетинского, «Красота и добро» (1966) Г. Апресяна, «История народа и его эпос» (1982) А. Петросяна и т. д. В данных работах «Давид Сасунский» рассматривался с точки зрения его народности, типологии, происхождения, эстетики и исторической основы. В большинстве данных произведений образы сасунских богатырей были много изучены, но о женщинах в эпосе редко упоминались. Объяснением этому является то, что героический эпос – это литературный стиль, посвященный прославлению героев. В нем практически полностью доминируют главные герои мужского пола, а женщины появляются редко. Однако в армянском эпосе «Давид Сасунский» не только успешно сформированы образы богатырей-гигантов четырех поколения Сасуна, но при этом и искусно изображен ряд женских персонажей с выразительными и уникальными чертами характера. Это очень редкое явление в истории эпоса.

Несмотря на то, что до сих пор армянскому эпосу было посвящено множество исследований, тема об эстетике женщин в эпосе оставалась мало изучена. В данной статье будут рассмотрены трагические судьбы женских образов на основе

изучения их внешности, силы и мужества, а также функций женского тела в тексте.

Привлекательность женщин в эпосе

В «Давиде Сасунском» первой впечатляющей характеристикой главных героинь является их «привлекательность». Все они обладают благородным происхождением и несравненной красотой. Цовинархатун – единственная дочь престарелого царя Армении Гагика, «Красива так, красива так была она, / Что с двухнедельною луной была сходна, / Что за семью горами встает. / И сборщики только узрели её – / Разум оставил их, / И наземь упали они без сил» [«Давид Сасунский», 1982, с. 58]. В глазах мужчин она достойна того, чтобы за нее все отдать, и никакое золото, серебро, земля и даже королевство не может сравниться с её красотой. Возникает вопрос: *по какой причине красота Цовинары обладает святостью, которая ценится больше, чем все материальные вещи?* Дехцун – принцесса, дочь царя Каджей, красавица с сорока золотыми лучами, «была чародейкой, околдовывала» [«Давид Сасунский», 1982, с. 104]. Армаган – дочь короля Тевадороса и прекрасная дева. Исмил – жена царя Мсыра Мсры-мелика, после смерти мужа она оставалась все так же молода и красива. Хандут – принцесса страны Кабут-Кох, «Храбра Хандут и всех красой полонила, / Краса

Хандут весь свет охватила» [«Давид Сасунский», 1982, с. 285]. Гоар, дочь Пачика-царя, подобна богине. Изображение женской красоты в эпосе показывается посредственно через реакцию мужских персонажей и борьбу женихов.

Единственное прямое описание привлекательности женского персонажа в произведении сосредоточено в изображении Хандут. Через пение и восхваления трех народных певцов в тексте прямо и детально описана её красота: первый гусан похвалил её за то, что у неё стройная фигура, она скачет галопом и обладает широким сердцем. Губы её подобны сотовому меду, зубы её – жемчужин ряду, очи её – чаша с вином из граната, щеки её подобны румяному яблоку. Второй гусан восхвалял её за то, что у неё сорок кос, гранатный сок на лице, ей руки и ноги каламом обведены, её ногти словно подпилоком точены, стан как башня, а груди как сахар алеппский. Третий гусан воспевал её за то, что её ресницы длиннее крыльев журавля, сердце шире семи локтей, белизна белее выпавшего снега, а нежность нежнее хлопка.

В целом, три певца использовали множество метафор, преувеличений и противопоставлений, чтобы сформировать типичный образ красивой, полной и здоровой армянской женщины. В то же время, они упоминают большое количество природных объектов, таких как мед, жемчуг, яблоки, гранат, журавль, снежинка, хлопок и дру-

гие, которые помогли подчеркнуть первобытность красоты Хандут. Эти песни насыщены аллегориями и поэзией, услышав их, Давид сразу же решил сделать предложение Хандут. Однако, когда жених увидел свою невесту, он сразу заметил, что «Гусаны её воспели, да половины сказать не смогли» [«Давид Сасунский», 1982, с. 293]. Выходит, что красоту этой девушки невозможно описать словами.

Описание внешности Хандут в эпосе не только отражает стандарты женской эстетики того времени, но и показывает поклонение мужчин женской красоте. Точнее, «Трансцендентное повествование о женщинах показывает подсознательное поклонение женщинам в коллективном создании и распространении эпоса» [王卫华, 2007, с. 157]. Таким образом, «Давид Сасунский» освещает богатое наследие обычаев матрилинейного общества. Лан Ин, известный китайский специалист по эпосу, считает, что «в матрилинейном клановом обществе женщины играли доминирующую роль во всех аспектах производства и жизни, так что они имели очень социальный статус. Первобытные люди думают, что плодородные женщины священны, и верили, что они обладают необычайной божественной силой. Таким образом, в ту эпоху концепция и обычаи поклонения женщинам имели глубокие корни» [郎樱, 1997, с. 21]. Как героический эпос, «Давид Сасунский» является продук-

том патрилинейной эпохи, но концепция поклонения женщинам и мифология оставили на нем глубокий отпечаток, благодаря чему женские персонажи в данном произведении обладают экстраординарными чертами, одна из которых необычайная красота.

Исключительная сила

и мужественность женщин в эпосе

«Женская красота имеет свои уникальные стандарты в разные эпохи и общества. Женский эстетический эталон на самом деле является воплощением социальной жизни в определенный период времени. Это непосредственно отражает роль женщин в общественной жизни и художественные ожидания, которые люди возлагают на них» [王艳凤, 阿婧斯, 吴志旭, 2020, с. 210]. Являясь прародителем древнегреческой литературы и классическим шедевром героического эпоса, эпос Гомера подарил нам множество ослепительных женских образов, демонстрирующих различные формы женской красоты: и «полнота» как красота матери, представленная Пенелопой; и «стройность» как красота девушки, представленная принцессой Лисикайей; и «яркость» как красота рабыни, представленная Брюсисой; и «красота убранства», созданная великолепными костюмами как красота богини, представленная Герой и т. д. [潘道正, 2007, с. 119]. В отличие от вышеупомянутой женской красоты, выраженной Го-

мером, в эпосе «Давид Сасунский» восхищается силой и мужественностью женщин.

Все главные героини в данном произведении храбры и бесстрашны. Они обладают изумительной силой, мужественностью и владеют боевыми искусствами, благодаря которым даже могут соперничать с богатырями Сасуна. Возьмём в качестве примера Хандут: молодой принц хотел жениться на ней; играя с ним, она нежно пожалала его руки и случайно сломала их и его позвоночник, в результате чего он скончался на месте. Из-за того она с тех пор поклялась: «Кто мне спину к земле пригнет-/ За того пойду» [«Давид Сасунский», 1982, с. 308]. О их бое с Давидом говорится, что они «бились долго – не одолевал никто» [«Давид Сасунский», 1982, с. 308], но в конце концов сила богатыря все-таки превзошла её, и Хандут охотно согласилась стать его женой. В качестве другого примера возьмем Гоар. Для того, чтобы испытать своего будущего жениха Мгера Младшего, она переделалась мужчиной и соревновалась с ним в боевых искусствах. В первом раунде соревнований по метанию молота и копья они оба поймали брошенные противником орудия. Из этого видно, насколько необычна сила Гоара, ведь ее избранник – герой, обладающий большей силой, даже чем Давид.

Что касается Дехцун, то она подняла образ женщины-храбреца на новый уровень. После смерти

Санасара, поскольку его старший сын Верго не имел никаких талантов, необходимых для управления страной, а остальные сыновья – Ован-Горлан и Мгер Сарший – были еще слишком молоды, Дехцун была вынуждена стать фактическим правителем страны: «Оседлала Джалали она перламутровым седлом, / Золотые удила вдела в рот коню, / И стальные башмаки надела, / Санасара булаву взяла, / Тул со стрелами и лук. / Горы все объехала окрест. / Так немало лет / Правила страной Дехцун» [«Давид Сасунский», 1982, с. 140]. Можно сказать, что её героизм ничуть не уступает Сасунским храбрецам.

По мнению автора, данный эпос так фокусируется на демонстрации силы и мужественности женщин в связи с географическим положением и культурными особенностями Армении. Географически Армения расположена в Закавказском регионе на стыке Евразии, вдали от океана, это скалистая и малонаселенная местность. У ее жителей установился определенный уклад жизни, в котором доминирует кочевая культура, что сформировало свободлюбивый, необузданный и героический национальный характер. Кочевники живут в непредсказуемой среде и добывают средства к существованию за счет животноводства. В таких условиях они всегда сталкиваются с миграцией, стихийными бедствиями и нашествиями животных. Более того, постоянные войны, описанные в эпосе,

сделали стремление к силе и мужественности реальной потребностью народа для выживания. Всё это сформировало уникальную женскую эстетику того времени.

Кроме вышеперечисленных причин, еще одна важная цель создания образов женщин-храбрецов состоит в том, чтобы оттенить мужественность Сасунских богатырей. У всех четырех поколений героев Сасуна прослеживается общая тема в их процессе взросления: поиск и завоевание невесты. Красота невесты является первопричиной и мотивацией для стимулирования героического поведения. Чем красивее невеста, тем сложнее будет ее завоевать, и соответственно, тем сильнее проявятся героические способности богатыря. В эпосе достаточно подробно описана красота Хандут. Еще одной причиной этого является задача соответствовать храбрости Давида, самого главного героя эпоса. Кроме того, чем сильнее невеста, тем больше удовольствия в победе над ней для мужчин. Ведь для них, увлеченных приключениями и обладающих высокой самооценкой, покорить Пентесилею (1) интереснее, чем жениться на послушной Золушке, так как завоевание привлекательнее спасения.

Согласно этой логике, могущественная магия Дехцун в конечном итоге будет снята Санасаром; высокомерная красавица Хандут должна добровольно сдаться Давиду, который покорил её; Гоар также суждено проиграть своему жениху Мгеру

Младшему в соревновании. Этот исход неизбежен. В данной реальности мужчины мечтают стать для женщин завоевателями, освободителями и спасителями. Существование красавиц, их сила и мужественность, процесс спасения и окончательный триумфальный финал – все это призвано помочь сформировать образ героев-мужчин. Здесь «предложенная невеста» становится наградой за победу богатырей и показателем значимости героев. Китайский ученый Фань Тинтин отметила, что «мужественность Армаган, Дехдун, Хандут и Гоар в эпосе делает их вариациями мужских персонажей, которые скрываются за женской внешностью. Цель – не что иное, как извилистое отражение мужского “я” под маской противоположного гендера. На самом деле, в системе мужского дискурса женщин не существует» [范婷婷, 2008, с. 184].

Функции женского тела в эпосе

Не только красота, но и женское тело, в целом, имеет важное функциональное значение в данном произведении.

Цовинар была зачата от двух горстей воды и родила героев первого поколения Сасуна – близнецов Санасара и Багдасара. Такое магическое развитие сюжета далеко от реальности. Цовинар стала своеобразной аллегорией на «Мать Христа», которая лишена плотских желаний, иными словами, она предстала в качестве чрева, хранящего в себе семя жизни, а не индивидуума,

рожающего ребенка. Для того, чтобы заполучить прекрасную Цовинар, Багдадский халиф начал войну против Армении. В конце концов, «она жертвует своей свободой, своим счастьем для людей» [Демирчян, 1939, с. 20] и досталась халифу в качестве трофея в награду за защиту родины и народа. Именно на этом уровне женщина стала товаром, которым можно владеть или обменять.

С точки зрения социального устройства, «... сцена, отраженная в героических эпосах, обычно представляет собой период после распада первобытной человеческой общины. На этом этапе только непрерывная внешняя экспансия может помочь приспособиться к быстрому росту производительности. Земля, собственность и особенно население являются основными объектами конкуренции. Из-за важности воспроизводительной функции женщин их образ стал частью военной коллекции» [朱飞镒, 谢建辉, 2014, с. 111]. В эпосе Зовинар, как символ женской красоты, естественным образом превращается в трофей и достояние мужчин, за которое они борются.

Исмил-ханум является очень сложным и спорным образом в эпосе. О. Меликян считал, «... как образец хитрой, умной и деспотичной женщины, стоящей во главе деспотического-же государства, Исмил-ханум не имеет себе равной в истории поэзии» [Меликян, 1939, с. 42]. Л. Мкртчян даже думал, что образ

Исмил-ханум является одной из замечательных особенностей эпоса: «Армянский эпос придал образу Исмил-ханум, женщины и матери, которая печется о судьбах мсырской державы, державы, враждебной армянам, – черты, возвеличивающие ее» [Мкртчян, 1982, с. 31]. Однако С. Гайсарьян критиковал отрицательные поступки героини, направленные против армян, и сделал вывод: «Отношение Исмил к Давиду определяется только политическим расчетом» (*Гайсарьян С. Женские образы. // Литературная газета. 1939. 15 сентября*). Но на такой вывод возразил другой учёный М. Джанполадян, он отметил, что «действительно, соглашаясь оставить в Мсыре младенца Давида и вскормить его, Исмил думает, что впоследствии Давид станет опорой ее сыну и они вместе будут править Мсыром, но когда ее сын Мсрамелик начинает враждебно относиться к Давиду и неоднократно пытается убить его, Исмил-ханум руководствуется уже не политическими, а чисто человеческими побуждениями и всякий раз отводит от Давида угрозу гибели» [Джанполадян, 2012, с. 36]. На данный момент анализ И. Орбели более рационален и объективен: «Исмил-ханум – женщина, наделенная и слабостями живого человека, и властолюбием царицы, и громадной любовью и заботой к своему сыну, и к тому, кто стал ее сыном, вкусив ее молока...» [Давид Сасунский: армянский народный эпос, 1939,

с. 38]. С точки зрения автора статьи, несмотря на благородность или хитрость Исмил, трагичность её судьбы очевидна. Для того, чтобы сохранить трон покойного мужа Мелика, Исмил нужно было родить нового наследника. По этой причине она без колебаний отказалась от целомудрия, предала свое тело и соблазнила Мгера Старого, и, наконец, родила сына Мсра-мелика (во имя её покойного мужа Мелика). Таким образом, её тело стало инструментом поддержания политической стабильности мужчин в патриархальной культуре.

Так совпало, что тело Армаган также выполнило аналогичную функцию в произведении. Как жена Мгера Старого, она раскусила уловки Исмил, но ей не удалось остановить своего мужа, который настаивал на принятии приглашения Исмил. Армаган даже пришлось поклясться в отчаянии, что «не взойдешь ко мне на ложе сорок лет» [«Давид Сасунский», 1982, с. 161]. Однако тот факт, что Сасун отчаянно нуждался в наследнике, заставил ее все-таки решиться и простить своего мужа и родить ему сына Давида, несмотря даже на то, что Армаган знала, что нарушение клятвы будет стоить ей жизни. Для того, чтобы помочь мужу в продолжении рода, Армаган отдала свою жизнь и умерла молодой.

В. Кирпотин выразил, что в эпосе очень характерно отношение народа к женщине. Взяв в пример Хандута, он отметил «Хандут-

хатун выходит за Давида не насильно, не по правилам обычая, а по своему свободному выбору. Женщина в народном представлении умеет владеть оружием, – Хандут-хатун принимает участие в сражениях. Зато свободная любовь независимой женщины рисуется как навеки верная и нерушимая» [«Давид Сасунский», 1939, с. 12]. Узнав о смерти Давида, Хандут, также не колеблясь, прыгнула с башни, чтобы её захоронили вместе с ее мужем. Такой сюжет показывает, что в патриархальной культуре тело женщины теряет необходимость с окончанием жизни ее возлюбленного. В действительности описанные выше ситуации присутствуют в тексте для того, чтобы показать, как мужчины устанавливают моральный ориентир для женских персонажей, и они надеются, что их жены поставят свое целомудрие и супружескую верность на первое место, даже превыше своих собственных жизней. Таким образом, тело Хандут становится инструментом выражения преданности мужчинам.

Французская писательница Симона де Бовуар указала в своей книге «Второй пол», что самой важной чертой женской идентичности является то, что женщины являются «другими» для мужчин [Бовуар, 2011, с. 9]. В данном эпосе женское тело выступает в качестве трофея, материнской утробы и инструмента для удержания власти и продолжения рода. Несмотря на то,

что трагическая судьба героинь давно уже предрешена, они об этом не подозревают. Можно сказать, что в произведении женщины добровольно приняли «идентичность других», данную им мужчинами, и стремились реализовать мужские ожидания относительно этой идентичности.

Самоотверженность Цовинар, самонаказание Дехцун, искушение Исмил, сопротивление и компромисс Армаган, мученичество Хандут и последние слова Гоар – все это их добровольный выбор. В их сознании мужчина является господином, сущностью и абсолютом. Женщины существуют благодаря привязанности к своим мужьям, и «жить для него» стало законом выживания всех женских персонажей в эпосе: за выбором Цовинар пожертвовать собой стоит моральное убеждение в том, что должна «умереть за своего отца»; Дехцун называет Санасара «свет очей моих» и «мой властелин» и готова умереть за него; Армаган убеждена, что «Муж – это голова, а жена – / Нога, послушанная голове!» [«Давид Сасунский», 1982, с. 168]. Исмил сказала спящему сыну: «Мелик, пусть мать твоя погибнет за тебя! / Сынок мой милый, свет очей моих, / Ты укрепи наш мсырский очаг, / Ты раздави сасунский очаг!» [«Давид Сасунский», 1982, с. 165]. Последней фразой Хандут перед смертью была: «Свет солнца отныне / Запретным мне будет, / После Давида не буду я жить!» [«Давид Сасунский», 1982, с. 319]. Будь то дочери,

жены или матери, мысли этих женщин чрезвычайно схожи. Данные образы в эпосе формируют психологический портрет женщин, готовых стать беспрекословными вассалами своих мужчин.

Глубоко укоренившееся мышление «другого», которое мужские персонажи внедряют в сознание женских, заставляет последних не только сознательно отказаться от статуса субъекта, но и превратиться в защитников идентичности мужчин. Такого рода «крайняя лояльность» не заканчивается даже со смертью героя. Из этого следует, что женщины в данном произведении играли роль соучастниц богатырей в формировании трагической судьбы самих героинь на пути к становлению личностью «другого». Китайский учёный Лю Юань считает, что «... патриархальное общество подавляет сопротивление женщин различными способами, особенно с помощью незаметного влияния культуры, которая делает иррациональность разумной. Представления о мужском превосходстве и женской неполноценности, мужской силе и женской слабости, а также о мужской мудрости и женской неуклюжести в культуре накопились в коллективном бессознательном, которое в первую очередь ограничивает суждения и выбор людей» [刘渊, 1995, с. 64]. Отрицание идентичности женщин как самостоятельных субъектов в тексте и принятие «идентичности других», присвоенной им мужчинами, явля-

ются коллективным бессознательным, что придает еще более трагический оттенок женской судьбе.

Заключение

Изображение прекрасных героинь в «Давиде Сасунском» показывает сильное поклонение женщине, сохраняющееся в матрилинейном обществе, а также отражает женскую эстетику армянского народа того времени, но функциональное значение женского тела в тексте отражает авторитет мужчин в патриархальную эпоху. Иными словами, эпос ставит женщин на очень высокое положение и пропагандирует женскую красоту и божественную силу, но на самом деле эти «красивые и сильные» женщины не обладают экономической, психологической и социальной независимостью, а скорее находятся в положении помощниц, выполняющих вспомогательные функции для мужчин.

Бовуар привела аргументы из биологии, психоанализа и исторического материализма, чтобы доказать, что существенное различие между женщинами и мужчинами не является физическим, психологическим и экономическим, а определяется социальными факторами, в которых они находятся. С изобретением новых орудий гендерное разделение труда привело к тому, что работа по дому, выполняемая женщинами, стала незначительной по сравнению с трудом, выполняемым мужчинами для получения

средств производства. Трансформация матрилинейной системы в патриархальную привела к тому, что женщины потеряли контроль над миром и стали собственностью мужчин, вассалами, заняв второстепенные роли, что привело к тому, что Энгельс назвал «неудачей женщин мирового значения» [Маркс, 1986, с. 54].

Таким образом, несмотря на то, что на первый взгляд эпос написан о поклонении женским образам, на глубоком уровне он выражает трагическую судьбу женщин и угнетение мужчин. Как «женщины в “Одиссее” активно организуют власть, которая принадлежит женщинам, но в конце концов они были решительно отвергнуты мужским миром (представленным

Одиссеем)» [陈汝女, 2009, с. 35], в «Давиде Сасунском» женская власть, активно организованная красивыми и сильными женщинами, также была полностью уничтожена в мужском мире, возглавляемом богатырями Сасуна. Возможно, именно из-за этого И. Розанов считал, что «это тем более изумительно, что женщина на Востоке, в частности и в Армении, была более порабощена, чем в европейских странах. В этих замечательных женских типах народ выразил свою мечту о свободной, равноправной женщине. И кажется, ни в каком другом эпосе эта мечта не выражена с такой силой и убедительностью, как в “Давиде из Сасуна”» [Розанов, 1939, с. 44].

Примечания

(1) Пентесилея – храбрая и очаровательная царица в греческой мифологии, была восхвалена Ахиллом и, как говорят, убита им.

Библиографический список

1. Давид Сасунский» (Армянский народный эпос). Ленинград : Советский писатель, 1982. 384 с.
2. «Давид Сасунский» / перевод с арм. В. Брюсова и М. Лозинского. Предисловие В. Кирпотина, И. А. Орбели. Москва : Гослитиздат, 1939. 80 с.
3. Давид Сасунский: армянский народный эпос / под ред. и с предисл. акад. И. А. Орбели. Москва-Ленинград : Наука, 1939. С. VII-XLIV.
4. Демирчян Д. «Давид Сасунский» как история и философия армянского народа // Давид Сасунский. Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса. Ереван : АрмФАН'а, 1939. С. 7-24.
5. Джанполадян М. «Давид Сасунский» в русских переводах и критике. Ереван : Изд-во РАУ, 2012. 178 с.
6. Маркс К. Избранные произведения: В 3-х т. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. Москва : Политиздат, 1986. 639 с.
7. Меликян О. Патриотизм, демократизм и идея труда в эпосе «Давид Сасунский» // Давид Сасунский. Юбилейный сборник, посвященный 1000-летию эпоса. Ереван, 1939. С. 25-54.

8. Мкртчян Л. Героико-патриотический эпос армянского народа // «Давид Сасунский». Армянский народный эпос. Ленинград : Советский писатель, 1982. С. 5-57.
9. Никипорец Н. Новые зарубежные издания эпоса народов СССР // Текстологическое изучение эпоса. Москва : Наука, 1971. С. 206-230.
10. Розанов И. Давид из Сасуна // Литературная учеба. 1939. №11. С. 44.
11. 陈戎女. 当代女性主义荷马批评. 外国语文. 2009. 第2期, 34-41页.
12. 范婷婷. 《萨逊的大卫》中女性形象的解读. 前沿. 2008. 第3期. 183-185页.
13. 郎樱. 论《江格尔》与《玛那斯》中的神女、仙女形象. 民族艺术. 1997. 第1期. 21-32页.
14. 刘渊. 同主题变奏——嫦娥奔月和美狄亚出逃的比较研究. 外国文学研究. 1995. 第4期. 63-65页.
15. 潘道正. 论《荷马史诗》中的女性美观念. 河南师范大学学报(哲学社会科学版). 2007. 第4期. 119-121页.
16. 王卫华. 试析《江格尔》与《荷马史诗》中的女性角色. 宁夏社会科学. 2007. 第2期. 155-158页.
17. 王艳凤, 阿婧斯, 吴志旭. 蒙古族史诗与印度史诗比较研究. 中国社会科学出版社, 2020.
18. 西蒙娜·波伏瓦. 第二性. 郑克鲁译. 上海: 上海译文出版社, 2011.
19. 朱飞镛, 谢建辉. 从夺妻母题看“英雄时代”的女性形象. 贵州民族研究. 2014. 第3期. 110-113页.

Reference list

1. «David Sasunskij» (Armjanskij narodnyj jepos) = David of Sasun (Armenian folk epic). Leningrad : Sovetskij pisatel', 1982. 384 s.
2. «David Sasunskij» = “David of Sasun” / Perevod s arm. V. Brjusova i M. Lozinskogo. Predislovie V. Kirpotina, I. A. Orbeli. Moskva : Goslitizdat, 1939. 80 s.
3. David Sasunskij: armjanskij narodnyj jepos = David of Sasun: Armenian folk epic / pod red. i s predisl. akad. I. A. Orbeli. Moskva-Leningrad : Nauka, 1939. S. VII-XLIV.
4. Demirchjan D. «David Sasunskij» kak istorija i filosofija armjanskogo naroda = “David of Sasun” as the history and philosophy of the Armenian people // David Sasunskij. Jubilejnyj sbornik, posvjashhennyj 1000-letiju jeposa. Erevan : ArmFAN'a, 1939. S. 7-24.
5. Džanpoladjan M. «David Sasunskij» v russkih perevodah i kritike = “David of Sasun” in Russian translations and reviews. Erevani: Izd-vo RAU, 2012. 178 s.
6. Marks K. Izbrannye proizvedenija = Selected works: V 3-h t. T. 3. / K. Marks, F. Jengel's. Moskva : Politizdat, 1986. 639 s.
7. Melikjan O. Patriotizm, demokratizm i ideja truda v jepose «David Sasunskij» = Patriotism, democracy and the idea of labour in the epic David of Sasun // David Sasunskij. Jubilejnyj sbornik, posvjashhennyj 1000-letiju jeposa. Erevan, 1939. S. 25-54.
8. Mkrтчjan L. Geroiko-patriotičeskij jepos armjanskogo naroda = Heroic and patriotic epic of the Armenian people // «David Sasunskij». Armjanskij narodnyj jepos. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1982. S. 5-57.

9. Nikiporec N. Novye zarubezhnye izdaniya jeposa narodov SSSR = New foreign publications of the USSR peoples' epic // Tekstologicheskoe izuchenie jeposa. Moskva : Nauka, 1971. С. 206-230.
10. Rozanov I. David iz Sasuna = David of Sasun // Literaturnaja ucbeba. 1939. №11. S. 44.
11. 陈戎女. 当代女性主义荷马批评. 外国语文. 2009. 第2期, 34-41页.
12. 范婷婷. 《萨逊的大卫》中女性形象的解读. 前沿. 2008. 第3期. 183-185页.
13. 郎樱. 论《江格尔》与《玛那斯》中的神女、仙女形象. 民族艺术. 1997. 第1期. 21-32页.
14. 刘渊. 同主题变奏——嫦娥奔月和美狄亚出逃的比较研究. 外国文学研究. 1995. 第4期. 63-65页.
15. 潘道正. 论《荷马史诗》中的女性美观念. 河南师范大学学报(哲学社会科学版). 2007. 第4期. 119-121页.
16. 王卫华. 试析《江格尔》与《荷马史诗》中的女性角色. 宁夏社会科学. 2007. 第2期. 155-158页.
17. 王艳凤, 阿婧斯, 吴志旭. 蒙古族史诗与印度史诗比较研究. 中国社会科学出版社, 2020.
18. 西蒙娜·波伏瓦. 第二性. 郑克鲁译. 上海: 上海译文出版社, 2011.
19. 朱飞镛, 谢建辉. 从夺妻母题看“英雄时代”的女性形象. 贵州民族研究. 2014. 第3期. 110-113页.

Статья поступила в редакцию 16.06.2024; одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 16.06.2024; approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024

Научная статья
УДК 82-31: 82-32: 821.581
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-51
EDN JLILBL

**«Республика Южного Креста» Валерия Брюсова
и «Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ:
нравственная зооморфизация в олигархических антиутопиях**

Леонид Викторович Дубаков^{1✉}, Ли Юйтин²

¹Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай.

²Аспирант филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Шэньчжэнь, Китай.

¹dubakov_leonid@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²kamikazeli@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9797-434X>

Аннотация. В статье производится сравнение рассказа В. Я. Брюсова «Республика Южного Креста» и романа Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе» с точки зрения их жанровой и стилевой принадлежности к антиутопии. Актуальность исследования определяется неослабевающим интересом литературоведения к жанру антиутопии, к особенностям его развития в литературе прошлого и литературе современной, также – особым вниманием российских и китайских учёных к параллелям между национальными литературами. Новизна исследования обуславливается отсутствием работ, посвящённых установлению образных, мотивных и идейных пересечений между указанными произведениями В. Я. Брюсова и Лао Шэ. В статье описываются жанровообразующие и стилеобразующие признаки антиутопии, которые можно обнаружить в «Республике Южного Креста» и «Записках о Кошачьем городе», осуществляется последовательное сравнение особенностей образов главных героев и жителей государств в целом, их внутреннего мира, их общественного и политического устройства, хронотопа и т. д. Устанавливается, что тип антиутопии в обоих произведениях может быть охарактеризован как олигархическая антиутопия, основной мотив существования которой – удержание власти и получение прибыли. При различных культурных установках и разном историческом контексте создания «Республики Южного Креста» и «Записок о Кошачьем городе» между ними имеется однозначное базовое сходство: в результате действия государственной системы и отхода жителей от духовной и психической нормы происходит их нравственная зооморфизация.

Ключевые слова: В. Я. Брюсов; Лао Шэ; олигархическая антиутопия; жанровообразующие и стилеобразующие признаки; образные и мотивные переклички; нравственная зооморфизация

Для цитирования: Дубаков Л. В., Ли Юйтин «Республика Южного Креста» Валерия Брюсова и «Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ: нравственная зоомор-

физация в олигархических антиутопиях // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 3 (21). С. 51-64. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-51>. <https://elibrary.ru/JLILBL>.

Original article

The Republic of the Southern Cross by Valery Bryusov and Cat Country by Lao She: moral zoomorphization in oligarchic dystopias

Leonid V. Dubakov¹✉, Li Yuting²

¹Candidate of philological sciences, associate professor, Faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China.

²Postgraduate student, Faculty of philology, Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China.

¹dubakov_leonid@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²kamikazeli@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9797-434X>

Abstract. The article presents a comparative analysis of V. Ya. Bryusov's story The Republic of the Southern Cross and Lao She's novel Cat Country from the point of view of their dystopian genre and style. The relevance of the study is due to the growing interest of literary criticism in the genre of dystopia, in the specifics of its development in the literature of both the past and the present. Russian and Chinese scholars pay special attention to the parallels between the national literatures. The novelty of the study is determined by the lack of works devoted to establishing figurative, motive and ideological parallels between V. Ya. Bryusov's and Lao She's works. The authors describe the genre-forming and style-forming features of dystopia in The Republic of the Southern Cross and Cat Country, and compare the specific features of the main characters and the inhabitants of the states as a whole, their inner world, their social and political structure, the chronotope and so on. It is stated that the type of dystopia in both works can be characterized as oligarchic dystopia, the main motive of its existence being to keep power and make profit. With different cultural attitudes and different historical backgrounds of The Republic of the Southern Cross and Cat Country, there is a clear basic similarity between them: as a result of the state system actions and the inhabitants' drifting away from the spiritual and mental norm, their moral zoomorphization takes place.

Key words: V. Ya. Bryusov; Lao She; oligarchic dystopia; genre-forming and style-forming features; figurative and motive parallels; moral zoomorphization

For citation: Dubakov L. V., Li Yuting The Republic of the Southern Cross by Valery Bryusov and Cat Country by Lao She: moral zoomorphization in oligarchic dystopias. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 3(21): 51-64. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-51>. <https://elibrary.ru/JLILBL>.

Введение

В российском литературоведении существуют различные взгляды

по поводу жанра «Записок о Кошачьем городе» (1932) Лао Шэ. Одни исследователи называют это произ-

ведение аллегорической сатирой, другие считают его научной фантастикой [Семанов, 1981; Лаврова, 1995], говоря о нём как о социально-фантастическом романе. Вместе с тем имеется множество работ, говорящих о «Записках о Кошачьем городе» именно как о романе-антиутопии [Антиповский, 1967; Минова, 2006; Корягина, 2016; Лазуткина, 2019; Ищенко, 2020].

О рассказе В. Я. Брюсова «Республика Южного Креста» (1905) в литературоведении более однозначная позиция. Например, по мнению Э. С. Даниеляна, В. Я. Брюсова вообще можно рассматривать как одного из первых писателей, начавших полноценно разрабатывать жанр антиутопии в России [Даниелян, 2002]. А. Е. Ануфриев рассматривает «Республику Южного креста» как антиутопию среди других брюсовских рассказов начала XX века, входящих в цикл «Земная ось» [Ануфриев, 2017]. С. А. Ильина исследует антиутопический хронотоп этого произведения [Ильина, 2017].

«Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ и «Республика Южного Креста» Валерия Брюсова написаны в разные годы и разных культурах. Очевидно, что русский писатель не мог быть знаком с «Записками о Кошачьем городе», потому что умер за несколько лет до его написания, также и Лао Шэ не читал брюсовского рассказа из-за отсутствия его перевода на китайский язык. Однако оба эти произведения

были написаны в переломные для России и Китая эпохи, и, вероятно, потому в контексте их жанровой близости можно обнаружить имеющиеся между ними образные и мотивные переклички.

Жанровообразующие и стилеобразующие признаки антиутопии: психология героя и массы

Б. А. Ланин в статье «Анатомия литературной антиутопии» выделяет *двенадцать признаков*, которые отличают антиутопию [Ланин, 1993]. *Во-первых*, это спор с утопией или утопическим замыслом. Речь идёт о возможном споре с конкретной утопией, актуальной для автора антиутопического произведения. *Во-вторых*, псевдокарнавал, в основе которого лежит тотальный страх. Этот страх сопряжён с благоговением перед властью и насилием и с желанием поиска врагов. Обнаружение врагов приносит героям антиутопии облегчение, поэтому широко распространённым явлением оказывается доносительство. *В-третьих*, театрализация действия, связанная с потерей героями, пребывающими в атмосфере тотального страха, ощущения подлинной реальности. *В-четвертых*, эксцентричность главного героя, вследствие своих сомнений выпадающего из мира, привычного и понятного для других действующих лиц антиутопии. *В-пятых*, ритуализация жизни, нарушаемая героем антиутопии, обретающим свой собственный жизненный путь. *В-шестых*, особая

роль сексуальности. С одной стороны, в мире антиутопии секс строго регламентирован и даже подавлен. С другой – главный герой рассматривает секс как способ сохранения своего «я». *В-седьмых*, аллегоричность, которая рассказывает о мире антиутопии посредством животных образов. Причём это является не только способом иносказания, но и маркером деградации жителей антиутопии. *В-восьмых*, присутствие утопии в антиутопии, которое обеспечивает выявление их генетического родства, их зеркального соприсутствия и, наконец, их саморазоблачения. *В-девятых*, наличие в антиутопии фантастических элементов, позволяющих вообразить мир будущего. *В-десятых*, застывшее время. Антиутопия изображает мир, основной характеристикой которого оказывается статичность. Мир утопии реализовался, и он как бы не требует перемен. *В-одиннадцатых*, замкнутое пространство, в котором находится частный человек, и обладающее реальным статусом пространство надличностное, принадлежащее обществу и государству. *В-двенадцатых*, аффективные состояния героев – страх, стремление к насилию, садомазохизм, желание смерти.

**Антиутопические миры
В. Я. Брюсова и Лао Шэ:
составляющие нравственной
зооморфизации**

Опираясь на жанровообразующие и стилиобразующие признаки антиутопии, выделенные Б. А. Ланиным, проанализируем сходства и отличия «Республики Южного Креста» и «Записок о Кошачьем городе».

1. В «Республике Южного Креста» существует скрытое противоречие с идеей утопии. У Лао Шэ оно не является одним из смысловых центров, Брюсов, напротив, делает спор между утопией и антиутопией зримым. Конституция Республики Южного Креста кажется воплощением крайней народной власти. Единственными гражданами, как бы обладающими полными правами, считаются рабочие металлургических заводов. Правительство обеспечивает рабочих всеми удобствами, учебными заведениями, местами развлечений и даже предметами роскоши. Однако «за демократическими установками скрывалась жёсткая иерархическая система отношений» [Ануфриев, 2017, с. 46], диктаторский режим, который представляет собой «самодержавную тиранию членов-учредителей бывшего треста» [Брюсов, 1989, с. 75]. Вся власть сосредоточена в руках Совета, который контролирует экономическую жизнь страны, внутренние и внешние дела. Но тирания Совета принимается жителями Республики, потому что большинство убеждено в её благотворности.

Кошкизм – утопическое учение, «согласно которому люди-кошки живут друг для друга <...> общество представляет собой большой слаженный механизм, каждый человек в нем играет роль винтика или шестерёнки, но все работают спокойно и счастливо» [Лао Шэ, 1969, с. 102] – в «Записках о Кошачьем городе» – также является учением-«ширмой». Высокая цель кошкизма, с одной стороны, и сопутствующие политические и общественные решения, вроде обобществления разного рода собственности и упразднения императорской власти и утверждения народоправства – с другой, в реальной истории оборачиваются большим количеством жертв, а также нравственным и политическим переждением лидеров кошкизма и деградацией гражданского сознания. Маленький Скорпион, рассказывающий главному герою о кошкизме, называет одной из причин провала этого учения то, что люди-кошки риторикой и софистикой подменяют реальные и последовательные действия. Вместе с тем между строк прочитывается и отсутствие учёта людьми-кошками специфики человеческой природы, легко отступающей от общих интересов ради своих собственных. Также – готовность легко поступаться национальными интересами ради реализации своих политических амбиций. Наконец, опасность пути радикальных и реактивных преобразований, приводящих ко всеобщему и умножающемуся насилию. Таким образом, утопия кошкизма естественным образом

сменяется антиутопией вырождающегося общества Кошачьего города. В конечном итоге, и мнимая демократия Республики, и несостоявшаяся демократия Кошачьего царства становятся одной из причин для распада государственности. В случае Республики этому распаду предшествует «противоречие» – массовое психическое заболевание.

2. Когда болезнь входит в полную силу, Республику поражает страх, который вызывает к жизни насилие. Оно охватывает Республику на всех уровнях. Насилие проявляют больные по отношению к здоровым. Насилие проявляют здоровые по отношению к больным. Насилие проявляют преступники по отношению к обывателям. Наконец, насилие проявляет государство по отношению к гражданам. Страх и отчаяние парализуют Республику подобно Кошачьему городу, сдавшемуся на милость завоевателю, что не знает никакой жалости. При этом важно заметить, что страх существовал в Республике всегда, но не выходил на поверхность: Совет инициировал политические убийства тех, кто всё-таки протестовал против сложившегося положения вещей, содержался штат шпионов, была тайная полиция.

В Кошачьем городе также много насилия и страха перед ним. Они обыденны и распространились повсеместно. Первая встреча с людьми-кошками путешественника, попавшего на Марс, оборачивается болью. Насилие и страх в Кошачьем городе проявляют себя в разных сферах – в образовании, в семейной жизни и

т. д. Кошачий город деградирует и возвращается на уровень первобытных инстинктов: простые желания и простые реакции. Страх обессиливает людей-кошек, и когда приходят иноземные захватчики, кошачья цивилизация оказывается уничтожена из-за неготовности к сопротивлению.

3. Среди первых ярких случаев «противоречия» Брюсов в «Республике Южного Креста» приводит эпизоды, связанные с искусством, похожие на театральные акции. Посетитель в музее переворачивает картины, скрипач в концерте нарушает пьесу «ужаснейшими диссонансами» [Брюсов, 1989, с. 78], артист в театре стреляет не в себя, как это должно было быть согласно роли, а в зрительный зал, в Театре Фейерверков наряд городской полиции поджигает сцену. Звёздный город, столица Республики, в которую стекались таланты со всей земли и где были «лучшие оперы, лучшие концерты, лучшие художественные выставки» [Брюсов, 1989, с. 76], переживает псевдокарнавал – помешательств, грабежей, насилия, смертей, убийств, самоубийств.

У Лао Шэ жизнь в Кошачьем городе – это театр абсурда, тогда как в Республике Южного Креста – театр, в котором ставится трагедия. Лао Шэ предлагает, в том числе комическую подачу абсурдной реальности, тогда как Брюсов избирает исключительно серьёзную интонацию. Кошачий город – это театральный мир, устроенный по законам карнавала. Так, каждый, кто претендует в нём на ту или иную власть, в результате оказывает-

ся более похож на псевдокороля, «шутовского короля», чем на серьёзную фигуру. Чем больше рассказчик узнаёт о Кошачьем городе, тем больше недоумевает. В связи с театрализацией действия по-особенному прочитывается и рассказ о посещении рассказчиком театра Кошачьего государства. Театральная жизнь людей-кошек напоминает театр абсурда, так как его развитие обращено вспять, в прошлое. В целом, карнавальное «шествие» – это перечень государственных учреждений Кошачьего города: «... министерство проституции, институт дурманных листьев, управление кошачьими, эмигрантами, министерство борьбы с иностранными товарами, палата мяса и овощей, комитет общественной торговли сиротами...» [Лао Шэ, 1969, с. 121-122]. Мир людей-кошек у Лао Шэ настолько ужасен, что рождается ощущение полной нереальности происходящего (помимо всех фантастических допущений). Если в технической и политической антиутопии «Республики Южного Креста» есть добрая память о мертвой традиционной гуманистической культуре и, вероятно, вера в свободу личности, то в антиутопии, созданной в «Записках о Кошачьем городе», нет ни того, ни другого.

4. В «Республике Южного Креста» есть герой, выпадающий из привычного мира. Но это не герой скептик, как Маленький Скорпион или Большой Ястреб, это герой-борец. Орас Дивиль, председатель Городского Совета, получает диктаторскую власть и в меру своих воз-

можностей наводит в Республике порядок или, как минимум, противопоставляет наступающему хаосу. В отличие от мудрых Маленького Скорпиона, уходящего от борьбы, и Большого Ястреба, приносящего в жертву свою жизнь (в целом, судьбы обоих этих героев – мрачная эксцентрика, при которой самоубийство выглядит как акт сохранения совести), Орас Дивиль сражается с болезнью как прагматик и в постоянном режиме. Он оказывается также летописцем происходящего в Республике: он ведёт журнал до последнего момента, когда потерявшая разум толпа взяла приступом Ратушу.

5. В «Записках о Кошачьем городе» жизнь ритуализирована. У Лао Шэ, впрочем, это своеобразная ритуализация, построенная на сочетании хаоса и попытке порядка. Кошачье общество социально и профессионально регламентировано, есть кошачьи солдаты, ученые, писатели, купцы и т. д. Причём их статус присвоен им ещё до рождения, он определяется происхождением и родословной. В свою очередь он устанавливает уровень образования, которое они могут получить. Жители Кошачьего города довольны своим уделом и охотно существуют в рамках соответствующих иерархий. Вместе с тем общественный порядок постоянно разрушается стайным коллективизмом людей-кошек. Кошачье общество – это относительно послушное, «среднее» общество, намекающее на традиционную китайскую культуру среднего положения, где сосуществуют лучшие и

худшие. Философия жизни людей-кошек является дурной интерпретацией этого срединного пути. В Кошачьем государстве такой путь омертвевает и становится саморазрушительным. Люди-кошки при этом оказываются чрезмерно осторожными перед лицом чужих культур и жестокими по отношению к любому другому – внешнему или внутреннему. Ритуализированность и срединность существования постепенно ведут к гибели Кошачьего государства.

В Республике Южного Креста «При кажущейся свободе жизнь граждан была нормирована до мельчайших подробностей [Брюсов, 1989, с. 75]. <...> Все получали одинаковую пищу в одни и те же часы» [Брюсов, 1989, с. 76] и т. д. Можно сказать, что форма правления в Республике – олигархический тоталитаризм, мимикрирующий под демократию рабочих и допускающий некоторые косметические отступления, вроде большей свободы частной жизни. Кошачье государство, где одними из самых влиятельных оказываются люди-кошки наподобие Большого Скорпиона, также можно охарактеризовать как олигархическую державу с поправкой на периодически проявляющуюся стихийную свободу демоса.

6. После того, как жители Республики заболели «противоречием» и наступил хаос, стремление к удовольствиям заменило сдержанность в желаниях, на поверхность вышел животный эротизм, «человек-зверь» [Брюсов, 1989, с. 86]. Матери се-

мейств и невинные девушки предаются разврату. «Падение нравственного чувства» [Брюсов, 1989, с. 86] доходит до сексуального насилия над детьми, садистических пыток и даже каннибализма. Однако этот разгул сексуального наступает не только вследствие чрезвычайных обстоятельств, его корни скрываются в тайной жизни Звёздного города. И раньше, вне упорядоченной государством жизни, жителей Республики «притоны соблазняли всеми формами разврата» [Брюсов, 1989, с. 76].

Если в рассказе Брюсова стихия дурной сексуальности поднимается со дна человеческих сознаний, где она пребывала в подавленном состоянии, то у Лао Шэ в Кошачьем городе сексуальное изначально не является скрытым или подавленным: люди-кошки изначально живут в согласии со своей животной природой и вследствие этого находятся в постоянном состоянии нравственного полураспада, который их обезличивает.

7. В «Записках о Кошачьем городе» животная образность заложена, начиная с названия повести. Люди-кошки – это аллегория многообразных дурных качеств, которые Лао Шэ наблюдал у своих современников. Также форма кошки – это знак деградации жителей государства, описываемого Лао Шэ. Так, Маленький Скорпион, говоря о системе воспитания у людей-кошек, замечает, что оно «превращает человека в зверя» [Лао Шэ, 1969, с. 90]. Причём в романе присутствует двойное «понижение»: кошки сравниваются с другими животными, и эти сравне-

ния имеют негативный характер. Кошки схватили рассказчика, и ему стало так противно, будто его всего «обвили змеи» [Лао Шэ, 1969, с. 15]. Листья дурмана рассказчик называет скотской пищей. Описывая Большого Скорпиона, он говорит, что нос и рот у него слиты, как у свиньи, шерсть у него как птичье оперение, и в целом он похож на «суеящегося муравья» [Лао Шэ, 1969, с. 25]. Сравнение с муравьём (скорее, положительным образом в культуре) «снижается» автором: «Улица по-прежнему была заполнена прохожими, которые напоминали муравьев – но только суматошностью, а не трудолюбием» [Лао Шэ, 1969, с. 107]. Люди-кошки словно недомуравьи: «Муравьи и пчелы тоже не размышляют о своем будущем, но их спасает инстинкт, а у вас и этого нет» [Лао Шэ, 1969, с. 109]. У избитого Большого Скорпиона шерсть слиплась, как у «водяной крысы» [Лао Шэ, 1969, с. 3]. Крики жителей Кошачьего государства напоминают рассказчику «треск цикад, пытающихся заглушить вой осеннего ветра» [Лао Шэ, 1969, с. 52]. Солдат-кошка замирает перед рассказчиком, как «лягушонок перед водяной змеей» [Лао Шэ, 1969, с. 129]. Политические объединения люди-кошки называют сворами (помня о собаках). Политики у них – это «старые лисы» [Лао Шэ, 1969, с. 104]. Наконец, двойное «понижение» проявляется в номинации главных героев – отца и сына Большого и Маленького Скорпионов.

Последнее, в усиленном виде, можно увидеть и в «Республике Южного Креста» Брюсова. Когда эпидемия захватила город, то проявился «человек-зверь», «зверское веселие и зверская злоба» [Брюсов, 1989, с. 88], «скотское сладострастие» [Брюсов, 1989, с. 87], а в финале рассказа люди уже «походили на диких животных по своей свирепости» [Брюсов, 1989, с. 90].

8. В повести Лао Шэ утопия, генетически связанная с антиутопией, присутствует лишь потенциально – в желании рассказчика найти в людях-кошках хоть что-то хорошее. Но стремление жителей Кошачьего государства реализовать кошкизм приводит их только к большей крови, к жертвам и государственному и общественному хаосу. В конце двенадцатой главы в мечтах рассказчика появляется образ альтернативного Кошачьего государства: «В моём воображении рисовались радужные картины: Кошачий город перестроен, превращен в огромный цветник. Кругом чистота, порядок, стоят красивые скульптуры, щебечут птицы, играет музыка...» [Лао Шэ, 1969, с. 60]. Настроение этого видения совпадает с настроением людей-кошек: они всё время пребывают в состоянии дурмана, но пассивность их мечты уничтожает возможность прекрасной реальности.

Брюсовская Республика Южного Креста выглядит именно как утопия, основанная в южнополярных областях, как бы на новом, чистом месте, за пределами территориальных и политических споров великих миро-

вых держав. Название столицы – Звёздный город – отсылает, например, к «Городу Солнца» Т. Кампанеллы и некоторым другим писателям и философам [Ануфриев, 2017, с. 46]. Но если «Город Солнца» описывает теократическую утопию, основанную на религии, магии и природном символизме, то Республика Южного Креста – это утопия олигархическая, капиталистическая: реальная власть находится у членов-учредителей бывшего треста, идеология которых – прибыль, которую обеспечивает порядок. Интересно, что утопию брюсовской Республики, кажется, не поколебала даже эпидемия: в конце рассказа говорится о предпринимателях, что уже снова открыли гостиницы и собираются ещё открыть кафе-шантан.

9. В «Записках о Кошачьем городе» фантастика сконцентрирована вокруг идеи о межпланетных перелётах. Рассказчик прибывает на космическом корабле на другую планету и видит существ как бы инопланетной расы.

В «Республике Южного Креста» фантастическим оказывается существование города в Антарктиде. Согласно рассказу, он освещается и отапливается электричеством, а над городом утроена огромная крыша. Мир Республики – это вариант земного технического рая. Фантастика для Лао Шэ – средство для создания ситуации, в которой он может говорить о современной ему реальности, для Брюсова – фантастика есть реальность будущего.

10. В брюсовской Республике действуют суровые установления. Одно из них – комендантский час, после сигнала о котором людям не разрешается выходить на улицу. Жизнь в Звёздном городе замерла на десятилетия без названной причины, хотя эта причина восстанавливается, исходя из логики государственного устройства: люди, прикрепленные к заводам, живут по рабочим часам, и это структурирование времени распространяется и на их частную жизнь. Кроме того, время в Республике статично: «Обозначая время, автор указывает лишь день и месяц, без отсылки к году» [Ильина, 2017, с. 96].

Время в «Записках о Кошачьем городе» также имеет иллюзорный характер, оно почти не связано с историей и социальными переменами. Кошачье государство – древнее, оно имело свою собственную политическую, экономическую и образовательную систему ещё, когда многие страны Марса были населены дикарями. «У людей-кошек была своя история и двадцатитысячелетняя цивилизация» [Лао Шэ, 1969, с. 25], но на протяжении этого времени их жизнь была наполнена бесстыдством и стяжательством правителей, политиков, помещиков и ученых – наверху, внизу – невежеством, эгоизмом и слепотой простых людей-кошек. «Свобода» была высшим идеалом для кошачьего народа, и на протяжении тысячелетий это понятие на кошачьем языке означало нежелание сотрудничать и нарушение дисциплины. Время в Кошачьем городе –

это время деградации, а приход завоевателей уничтожает время людей-кошек полностью, вместе с ними. Можно сказать, что происходит апокалипсис их культуры.

11. Рассказ «Республика Южного Креста» изображает замкнутое пространство. Звёздный город, как и Город Солнца Кампанеллы, расположен на земле, отъединённой от всех остальных (остров – у Кампанеллы, Антарктида – у Брюсова). «Республика противопоставлена остальному миру в самых разных аспектах: и по возрасту (это самое молодое государство), и по нетипичности своего происхождения (она возникла из треста сталелитейных заводов) <...> Обособленность территории подчёркивается и оппозицией север (Северная Европа) – юг (Южный полюс)» [Ильина, 2017, с. 96]. «Замкнутость пространства акцентируется отсутствием окон в зданиях, которые освещаются электричеством» [Ильина, 2017, с. 96]. Звёздный город (подобно задуманному Угрюм-Бурчеевым в виде «прямой линии» городу Непреклонску [Салтыков-Щедрин, 1950, с. 135]) выстроен геометрически: на полюсе, где проходит земная ось и от которой расходятся меридианы. По меридианам проложены его улицы, которые пересекаются с другими параллельными кругами. Город Солнца Кампанеллы пересечён крестом улиц – по сторонам света – и опоясан кругами других улиц по числу планет. Согласно закону, все городские здания построены по единому образцу, даже интерьеры комнат одинаковы. Во

всех стенах нет окон, потому что все здания освещаются изнутри электричеством.

В Кошачьем городе пространство подавляет не своей геометрической состоятельностью, но своей геометрической безликостью и архитектурной неполноценностью. Мир Кошачьего государства полон упадка и разложения как в отношении зданий, так и людей. Здесь нет ворот, поэтому единственный способ войти в город – это взобраться на стены. Отсутствие ворот – это метафора культурной изоляции и стагнации нации. Город людей-кошек выглядит оживлённым, но его планировка проста, как у военного лагеря: «Здесь не было улиц и переулков, только дома и пустырь, точнее – большой пустырь с множеством бесцветных домов» [Лао Шэ, 1969, с. 52-53]. У этих домов, как и в Брюсовской Республике, нет окон – здесь люди-кошки сами закрылись от внешней реальности. Пространство кошачьего мира – пространство естественного подавления психики, большое пространство Кошачьего города и малое, частное пространство (дома людей-кошек) – это пространство разрушения. Люди-кошки заражены энтропией, они черпают её из внешней реальности и одновременно проецируют её наружу из самих себя. В кошачьем мире – inferнальный ландшафт: «Душа этой культуры может попасть только в ад» [Лао Шэ, 1969, с. 133].

12. Жители антиутопического мира плодят множество аффективных состояний. Люди-кошки Лао Шэ ленивы и полны инертности, крайне

эгоистичны, невежественны, нечистоплотны, похотливы, наполнены страхом и склонны к насилию. В конце романа, когда враг уже рядом, люди-кошки по-прежнему, как и раньше, убивают друг друга, и в результате их остается только двое, и тех схватил враг и посадил в большую деревянную клетку. «Они продолжали драться в клетке, пока оба не покусали друг друга до смерти; таким образом, кошки сами завершили свое истребление» [Лао Шэ, 1969, с. 191]. Таким образом, страсть к убийству и направленность к самоубийству доходит у людей-кошек до буквального предела.

В жителях Брюсовской Республики просыпаются такие страсти, которые не часто встретишь у животных или представишь у первобытных людей. При погружении жизни в хаос в жителях Звёздного города возникает желание насилия, в том числе связанного с удовлетворением сексуальной страсти; их эрос соответствует силе их танатоса, и они устраивают «пир во время чумы». «Ростки этих аффектов-грехов – в подавленной свободе жителей Республики» [Ануфриев, 2017, с. 46]. Это также их протест против внеприродности существования и «бездуховности технократического общества, когда люди совершают алогичные и кровавые преступления» [Гречишкин, 1981, с. 152].

Заключение

«Республика Южного Креста» В. Я. Брюсова и «Записки о Кошачьем городе» Лао Шэ содержат жанрово-образующие и стилиобразующие

признаки антиутопии. Причём между этими произведениями, при отсутствии непосредственного соприкосновения, тем не менее существуют множественные образные и мотивные переклички. У жителей Кошачьего государства Лао Шэ и Республики Брюсова в целом разные причины превращения реальности, которая мыслилась или мечталась как утопическая в антиутопическую, что связано с различными культурными установками и разным истори-

ческим контекстом создания произведений. Однако в основе государственных антиутопий, описанных русским и китайским автором, лежит принцип тотального принуждения к несвободной жизни. В результате действий олигархической системы, там и там нацеленной на удержание власти и получение прибыли, и отхода жителей от духовной и психической нормы, люди в Кошачьем государстве и Республике превращаются в «животных».

Библиографический список

1. Антиповский А. А. Раннее творчество Лао Шэ. Темы, герои, образы. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Институт восточных языков Академии Наук СССР. Институт Дальнего Востока. Москва : Наука, 1967. 187 с.
2. Ануфриев А. Е. Фугурологические прозрения В. Брюсова в рассказах-антиутопиях начала XX века // *Advanced Science*. 2017. № 4(8). С. 46.
3. Брюсов В. Я. Республика Южного Креста // *Избранная проза*. Москва : Современник, 1989. С. 73-92.
4. Гречишкин С. С. Новеллистика Брюсова 1900-х годов (сборник рассказов и драматических сцен «Земная ось») // *Русская литература*. 1981. № 4. С. 150-160.
5. Даниелян Э. С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества. Ереван : Лингва, 2002. 175 с.
6. Ильина С. А. Антиутопический хронотоп в рассказе В. Я. Брюсова «Республика Южного Креста» // *Аллея науки*. 2017. Т. 1, № 14. С. 95-99.
7. Ищенко В. С. Жанр антиутопии в китайской литературе (на материале романа Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе») // *Языковая личность и перевод : материалы V Международного научно-образовательного форума молодых переводчиков, посвященного 100-летию Белорусского государственного университета, Минск, 12–13 ноября 2020 года*. Минск : Белорусский государственный университет, 2020. С. 229-231.
8. Кампанелла Т. Город Солнца. Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. 175 с.
9. Корягина Т. О. Критерии антиутопии на основе анализа романа Лао Шэ «Записки о Кошачьем городе» // *Молодой ученый: вызовы и перспективы : сборник статей по материалам XXIV международной научно-практической конференции*, Москва, 14–24 декабря 2016 года. Москва : Интернаука, 2016. С. 46-51.
10. Лаврова Т. Китайская фантастика: Краткий библиографический справочник // *Сверхновая американская фантастика*. Москва : Ладомир, 1995. №2. С. 123-157.

11. Лазуткина О. А. Проблема жанра «Записок о Кошачьем городе» Лао Шэ в контексте антиутопии Е. Замятина «Мы» // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы IV Международной научной конференции, Донецк, 31 октября 2019 года / под общ. ред. С. В. Беспаловой. Донецк : Донецкий национальный университет, 2019. С. 139-141.
12. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 154-163.
13. Ланин Б. А. Русская антиутопия XX века / Б. А. Ланин, М. М. Боришанская. Москва : Онега, 1994. 248 с.
14. Лао Шэ. Записки о Кошачьем городе // Записки о Кошачьем городе: Роман и рассказы : (Пер. с кит.) / [Сост. и предисл. В. И. Семанова] ; [Илл.: А. П. Плахов]. Москва : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969. 199 с.
15. Минова Р. Ю. «Записки о кошачьем городе» Лао Шэ: проблема жанра // Историческая поэтика жанра. 2006. № 1. С. 126-130.
16. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1950. 200 с.
17. Семанов В. И. От переводчика // Лао Шэ. Избранное / сост. и ред. А. А. Файнгар, предисл. Н. Т. Федоренко. Москва : Прогресс, 1981. С. 185.
18. Шадурский М. И. Литературная утопия от Мора до Хаксли: проблемы жанровой поэтики и семиосферы. Москва : ЛКИ, USSR, 2007. 162 с.

Reference list

1. Antipovskij A. A. Rannee tvorcestvo Lao Shje. Temy, geroi, obrazy = Lao She's early creative work. Themes, heroes, images / Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Institut vostochnyh jazykov Akademii Nauk SSSR. Institut Dal'nego Vostoka. Moskva : Nauka, 1967. 187 s.
2. Anufriev A. E. Futurologicheskie prozrenija V. Brjusova v rasskazah-antiutopijah nachala XX veka = V. Bryusov's futurological insights in his anti-utopian stories of the early twentieth century // Advanced Science. 2017. № 4(8). S. 46.
3. Brjusov V. Ja. Respublika Juzhnogo Kresta = The Republic of the Southern Cross // Izbrannaja proza. Moskva : Sovremennik, 1989. S. 73-92.
4. Grechishkin S. S. Novellistika Brjusova 1900-h godov (sbornikrasskazov i dramaticheskikh scen «Zemnaja os'») = Bryusov's novelistic work of the 1900s (collection of short stories and drama scenes "Earth Axis") // Russkaja literatura. 1981. № 4. S. 150-160.
5. Danieljan Je. S. Valerij Brjusov. Problemy tvorcestva. Erevan : Lingva, 2002. 175 s.
6. Il'ina S. A. Antiutopicheskij hronotop v rasskaze V. Ja. Brjusova «Respublika Juzhnogo Kresta» = Anti-utopian chronotope in V. Ya. Bryusov's short story The Republic of the Southern Cross // Alleja nauki. 2017. T. 1. № 14. S. 95-99.
7. Ishhenko V. S. Zhanr antiutopii v kitajskoj literature (na materiale romana Lao Shje «Zapiski o Koshach'em gorode») = The genre of dystopia in Chinese literature (on Lao She's novel Cat Country) // Jazykovaja lichnost' i perevod : materialy V Mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma molodyh perevodchikov,

posvjashennogo 100-letiju Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, Minsk, 12–13 nojabrja 2020 goda. Minsk : Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 229-231.

8. Kampanella T. Gorod Solnca = The City of the Sun. Moskva-Leningrad : Izdvo AN SSSR, 1947. 175 s.

9. Korjagina T. O. Kriterii antiutopii na osnove analiza romana Lao Shje «Zapiski o Koshach'em gorode» = Dystopia criteria based on the analysis of Lao She's novel Cat Country // Molodoj uchenyj: vyzovy i perspektivy : sbornik statej po materialam XXIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 14–24 dekabrja 2016 goda. Moskva : Internauka, 2016. S. 46-51.

10. Lavrova T. Kitajskaja fantastika = Chinese science fiction: Kratkij bibliograficheskij spravocnik // Sverhnovaja amerikanskaja fantastika. Moskva : Ladomir, 1995. №2. S. 123-157.

11. Lazutkina O. A. Problema zhanra «Zapisok o Koshach'em gorode» Lao Shje v kontekste antiutopii E. Zamjatina «My» = The genre issue of Lao She's Cat Country in the context of E. Zamyatin's dystopia We // Doneckie chtenija 2019: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti: Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Doneck, 31 oktjabrja 2019 goda / Pod obshh. red. S. V. Bepalovoj. Doneck : Doneckij nacional'nyj universitet, 2019. S. 139-141.

12. Lanin B. A. Anatomija literaturnoj antiutopii = The anatomy of literary dystopia // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1993. № 5. S. 154-163.

13. Lanin B. A. Russkaja antiutopija XX veka = Russian dystopia in the XX century / B. A. Lanin, M. M. Borishanskaja. Moskva : Onega, 1994. 248 s.

14. Lao Shje. Zapiski o Koshach'em gorode = Cat Country // Zapiski o Koshach'em gorode: Roman i rasskazy : (Per. s kit.) / [Sost. i predisl. V. I. Semanova] ; [Il.: A. P. Plahov]. Moskva : Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 1969. 199 s.

15. Minova R. Ju. «Zapiski o koshach'em gorode» Lao Shje: problema zhanra = Lao She's Cat Country : genre issues // Istoricheskaja pojetika zhanra. 2006. № 1. S. 126-130.

16. Saltykov-Shhedrin M. E. Istorija odnogo goroda = The History of a Town. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1950. 200 s.

17. Semanov V. I. Ot perevodchika = From the translator // Lao Shje. Izbrannoe / Sost. i red. A. A. Fajngar, predisl. N. T. Fedorenko. Moskva : Progress, 1981. S. 185.

18. Shadurskij M. I. Literaturnaja utopija ot Mora do Haksli: problemy zhanrovoj pojetiki i semiosfery = Literary utopia from More to Huxley: problems of genre poetics and semiosphere. Moskva : LKI, USSR, 2007. 162 s.

Статья поступила в редакцию 18.06.2024; одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 18.06.2024; approved after reviewing 17.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024

Научная статья
УДК 82.09(075.8)
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-65
EDN JNXIEZ

**Художественная реализация мотива семейного воспитания
в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых»**

Наталья Владимировна Лукьянчикова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль
lunavl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

Аннотация. В статье предпринята попытка анализа одного из важных аспектов автобиографической повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых», связанного с художественной реализацией мотива семьи и семейного воспитания в русской литературе. Традиционно в произведениях русских классиков XIX века о детстве и семейном воспитании изображается идиллическая атмосфера семейного гнезда, формирующая личность ребенка. Анализ произведения А. Я. Панаевой позволяет понять, каким образом и с какой целью писательница актуализирует тяжелые детские воспоминания в пространстве художественного текста, обозначить специфику изображения гнетущей атмосферы семьи в повести «Семейство Тальниковых». В данном произведении образ детства представлен в нетрадиционном для русской автобиографической прозы XIX века аспекте: детство показано как время жестокости и насилия, когда ребенок находится в полной зависимости от деспотичных родителей. В центре внимания А. Я. Панаевой – трагедия подрастающего человека, ставшего жертвой взрослых – бездушных и эгоистичных людей, человека, для которого родной дом становится тюрьмой. Автор статьи рассматривает различия в подходе к изображению семьи, родителей, воспитания детей в мемуарном произведении («Воспоминания») и автобиографической повести. Важным представляется то, что в повести «Семейство Тальниковых» трансформируется изображение традиционной для русской автобиографической повести триады «родители – няня (дядька) – учитель (гувернантка)». В автобиографическом произведении А. Я. Панаевой среди взрослых, чье влияние на ребенка должно быть наиболее значительным, нет никого, кто стал бы для юного человека поддержкой, наставником, добрым примером.

Ключевые слова: автобиографическая повесть; автобиографизм; творчество А. Я. Панаевой; мотивная структура; мотив семьи; мотив воспитания; мемуары; прототипизм

Для цитирования: Лукьянчикова Н. В. Художественная реализация мотива семейного воспитания в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» //

Original article

**Realization of the family upbringing motif
in A. Ya. Panayeva's story The Talnikov Family**

Natalia V. Lukyanchikova

Candidate of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
luнавl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

Abstract. The article attempts at analyzing an important aspect of A. Ya. Panayeva's autobiographical story *The Talnikov Family* connected with realizing the motif of family and family upbringing in Russian literature. Traditionally, the works of the XIX century Russian classics about childhood and family upbringing depict the idyllic atmosphere in the family forming the child's personality. The analysis of A. Ya. Panayeva's work helps to understand how and why the writer actualizes painful childhood memories within the literary text, to outline the specifics of depicting the oppressive family atmosphere in the story *The Talnikov Family*. This work presents the idea of childhood in an aspect that is unconventional for Russian autobiographical prose of the 19th century: here childhood is shown as a time of cruelty and violence, when the child is completely dependent on the despotic parents. The focus of A. Ya. Panayeva's attention is the tragedy of a growing up person who has become a victim of soulless and selfish adults, a person whose family home becomes a prison. The author of the article examines the differences in the approach to portraying the family, parents and upbringing of children in the memoir "Memories" and the autobiographical novel. It seems important that the story *The Talnikov Family* transforms the image of the triad "parents – nanny (uncle) – teacher (governess)" traditional for the Russian autobiographical story. In A. Ya. Panayeva's autobiographical story, there is no adult who could be a support, a mentor, a good example for a young person and whose influence on the child should be the most significant.

Key words: autobiographical story; autobiographism; A. Ya. Panayeva's work; motive structure; motive of family; motive of upbringing; memoirs; prototypism

For citation: Lukyanchikova N. V. Realization of the family upbringing motif in A. Ya. Panayeva's story *The Talnikov Family*. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 3(21): 65-79. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-65>. <https://elibrary.ru/JNXIEZ>.

Введение

В русской классической литературе проблемы семьи и семейного воспитания часто становились предметом художественного изоб-

ражения. Взаимоотношения между родителями и детьми, семейные конфликты и их преодоление, воспитание ребенка, нелегкий путь взросления и другие вопросы нахо-

дились в центре внимания как писателей XIX, так и авторов XX века. Наиболее ярко процесс становления личности ребенка, подростка реализуется в автобиографических произведениях, в которых автор встраивает собственное жизнеописание в пространство художественного текста. Среди автобиографических повестей о детстве, к которым обращено самое серьезное внимание не только читателей, но и литературоведов, необходимо упомянуть такие шедевры XIX века, как трилогия Л. Н. Толстого «Детство» (1852), «Отрочество» (1854), «Юность» (1857), роман С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова внука» (1854–1856), части автобиографической тетралогии Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы» (1892), «Гимназисты» (1895). К проблемам детства и семейного воспитания неоднократно обращались в своем творчестве и женщины-писательницы (упомянем повести Евгении Тур «Семейство Шалонских (Из семейной хроники)» (1880), С. В. Ковалевской «Воспоминания детства» (1890) и др.). В XX веке интерес писателей к указанной проблематике не угасает (М. Горький «Детство» (1912 – 1913), А. Н. Толстой «Детство Никиты» (1920), И. С. Шмелев «Лето Господне» (1927 – 1948) и др.). Проблемы воспитания, формирования личности ребенка и особенности ее художественного воплощения в русской литературе находятся в центре внимания современных

литературоведов (см., например, труды Л. Н. Савиной [Савина, 2018], Н. И. Николаева и Л. Ю. Шестаковой [Николаев, 2021]).

Особое место среди автобиографических произведений XIX века, поднимающих тему семейного воспитания, изображающих конфликт между родителями и детьми, занимает повесть А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» (1847). Авдотья Яковлевна Панаева (1820–1893) – автор ряда произведений, посвященных судьбе женщины, ее роли в общественной жизни XIX века. Перу А. Я. Панаевой принадлежат повести «Безобразный муж», «Степная барышня», «Домашний ад», роман «Женская доля» и другие; она автор интереснейших мемуаров, в которых отражена атмосфера литературных и – шире – творческих кругов эпохи. Повесть «Семейство Тальниковых (Записки, найденные в бумагах покойницы)» под псевдонимом Н. Станицкий была опубликована Н. А. Некрасовым в «Иллюстрированном альманахе» (1848) и запрещена цензурой, увидевшей в произведении «безнравственность и подрыв родительской власти» [Чуковский, 1928, с. 97]. Одно из ярких произведений автобиографической прозы, в котором была заявлена тема трагедии детства, несвободы в семье, домашней жестокости, стало доступно широкому читателю уже в XX веке (в издании, предпринятом К. И. Чуковским).

Методология исследования

Феномен автобиографической прозы в последнее десятилетие находится в центре внимания исследователей, о чем свидетельствует появление серьезных литературоведческих работ, в которых рассматривается автобиографизм в различных ракурсах (например, труды Е. М. Болдыревой). Проблема художественной реализации образов ребенка, мотива семейного воспитания также является актуальной в литературоведческой науке (труды Е. С. Седашовой, И. Б. Ничипорова, О. В. Резник). В последние десятилетия интерес к прозе А. Я. Панаевой (в том числе – к автобиографической прозе) растет, но при этом литературоведческих работ, посвященных ее творчеству, в современном литературоведении немного. Так наиболее полное исследование биографии (на основе архивных материалов) и творческого пути А. Я. Панаевой представлено в работах У. М. Долгих [Долгих, 1976]. Исследование С. В. Татаркиной посвящено гендерному аспекту творчества А. Я. Панаевой, литературовед рассматривает различные варианты жизненного сценария женщины, реализованные в произведениях А. Я. Панаевой [Татаркина, 2002]. Проза А. Я. Панаевой с точки зрения ее включенности «в самую актуальную литературно-политическую повестку» [Успенский, 2023, с. 223] журнала «Современник» рассматривается в ста-

тье П. Ф. Успенского и А. С. Федотова. Раннему творчеству А. Панаевой (в том числе – «Семейству Тальниковых») посвящено исследование А. В. Святославского, указавшего, что проза Панаевой наметила важные для современной ей литературы проблемы [Святославский, 2020]. Повесть «Семейство Тальниковых» становилась предметом интереса литературоведов в аспекте изучения автобиографических мотивов (У. М. Долгих) [Долгих, 1976], специфики хронотопа (О. А. Куянцева) [Куянцева, 2013], особенностей сюжетно-композиционной организации [Шпилевая, 2021], в компаративном аспекте (Е. И. Самородницкая, Е. С. Горшкова) [Самородницкая, 2021; Горшкова, 2019], в изучении мотивной структуры (Н. В. Лукьянчикова) [Лукьянчикова, 2020].

Результаты исследования и их обсуждение

Литературоведы, изучавшие специфику изображения детства, семьи в произведениях русской классической литературы XIX – XX веков, неоднократно отмечали, что детство в автобиографических повестях и романах многими авторами мыслится как идиллический мир, рай, благословенное время, когда человек находится в гармонии с собой и окружающими [Николаев, 2021]. Естественно, что в жизни ребенка происходят не только радостные события (например, Николенька Иртеньев в повести Л. Н. Толстого переживает из-за

конфликта с учителем Карлом Ивановичем, обижаются на Наталью Савишну и т. д.), но утрата детства и разрушение этого счастливого мира соотносится с каким-то по-настоящему трагическим событием (смерть матери). В то же время необходимо отметить среди автобиографических произведений о детстве ряд таких, в которых существование ребенка в семье изначально не является идиллическим, ощущение несвободы, жестокости, подавления свойственно автобиографическому герою на протяжении всего повествования («свинцовые мерзости» жизни не только общественной, но и домашней изображает, например, М. Горький в повести «Детство»). Повесть А. Я. Панаевой показывает семью бесконечно далекую от идиллии, напоминающую не о «потерянном рае», гнезде, которое не хочется покидать, а об «аде», тюрьме, кладбище. Если в автобиографических повестях о детстве и воспитании в семье утрата близкого является трагедией, ведущей к утрате детского восприятия мира, к взрослению, то в «Семействе Тальниковых» мотив смерти является одним из ключевых, утраты сопровождают героиню постоянно. Полагаем, что с повестью «Семейство Тальниковых» обязательно нужно знакомить всех готовящихся к работе с детьми, так как это произведение, изображающее мир семьи, в которой к детям относятся жестоко, где дети страдают от боли, страха,

одиночества, морального насилия со стороны взрослых, пробуждает у читателей сочувствие, сострадание, учит понимать, что может произойти с ребенком, растущим в небедной семье, среди множества, на первый взгляд, близких людей.

Прототипизм, по мнению ряда исследователей произведений А. Я. Панаевой (П. Ф. Успенский, А. С. Федотов), является одной из специфических особенностей творчества писательницы («Прототипизм Панаевой тотально определяет ее письмо и в этом плане отличает ее от других литераторов» [Успенский, 2023, с. 211]), черты многих ярких представителей эпохи, с которыми была знакома Панаева, отчетливо видятся в образах персонажей ее повестей и романов (например, в некоторых героях романа «Женская доля» угадываются черты В. Г. Белинского, В. П. Боткина, Н. А. Добролюбова, а в героях романа «Мелочи жизни» – черты И. И. Панаева и Н. П. Огарева). Образы видных писателей, критиков, актеров были воспроизведены А. Я. Панаевой не только в беллетристических произведениях, но и в знаменитых мемуарах – «Воспоминаниях» (1889), являющихся, безусловно, значимым документом эпохи (несмотря на обвинения, звучавшие в адрес мемуаристики, в недостоверности, субъективности, да и просто забывчивости). Родители Панаевой Я. Г. Григорьев (псевдоним – Брянский) и А. М. Степанова – актеры Александринского те-

атра – выведены писательницей и в повести «Семейство Тальниковых», и в «Воспоминаниях». При этом необходимо отметить, что в нехудожественном произведении Панаева упоминает об отце и матери (особенно о матери) достаточно сдержанно, приглушая эмоции. Жесткость, а порой и злобность отца, равнодушные матери, ее склонность к сплетням и интригам, любовь к азартным играм упоминаются в мемуарах, но внимание акцентируется на положении родителей в театральном мире, их влиянии (преимущественно, когда речь идет о Якове Брянском). Кроме того, в «Воспоминаниях» отец представлен и как человек чрезвычайно смелый (мемуаристка рассказывает о спасении утопающих во время наводнения), с чувством собственного достоинства (о чем свидетельствует сообщение о конфликте с директором Императорских театров П. И. Тюфякиным), бескорыстный и щедрый (упоминание о помощи молодым нуждающимся актерам). В повести же «Семейство Тальниковых» отец (музыкант) показан как настоящий тиран и садист, неестественно жестоко относящийся к своим детям, мать – бессердечная эгоистка, для которой дети – обуза. Естественно, художественный текст предоставляет автору куда большую свободу в изображении персонажей, нежели «Воспоминания», позволяет усилить эмоциональное воздействие на читателей за счет гиперболизации отрица-

тельных качеств героев, многочисленности ситуаций, показывающих, как страдают дети в доме Тальниковых. Однако, думается, что в повести реальность отражена более достоверно, нежели в «Воспоминаниях», где перед А. Я. Панаевой стояла задача рассказать о родителях прежде всего как о представителях театрального мира современного им Петербурга. Свидетельства окружавших А. Я. Панаеву людей (Валериан Панаев, Н. А. Некрасов и др.) говорят о том, что жизнь ее в родительском доме была тяжелой. Мучительные воспоминания о жизни в семье приводят А. Я. Панаеву к замыслу показать ужасы собственного детства и юности в художественном произведении. Хотя среди современников, несмотря на цензурный запрет, знакомых с содержанием «Семейства Тальниковых», далеко не все одобряли молодую писательницу (так поэт Н. Ф. Щербина саркастически высказывался в своем «Альбоме ипохондрика»: «Станицкого (Авдотью) во сне видеть предвещает отца и мать в грязь втоптать – лишь бы только плохую повестушку написать...» [Щербина, 1929, с. 148]), у Панаевой оказалось достаточно творческой смелости, чтобы представить в повести не традиционную модель семейного воспитания и формирования личности ребенка, а трагическую историю загубленного детства.

Повесть «Семейство Тальниковых» имеет подзаголовок «Записки,

найденные в бумагах покойницы» и выстроена как воспоминания девушки, которую зовут Наталья, о жизни в родительском семействе, о том воспитании, которое получили рассказчица и ее многочисленные сестры и братья. Семейство Тальниковых чрезвычайно велико: героями воспоминаний Натальи становятся родители, братья и сестры, родственники, упоминаются гувернантка, прислуга, соседи. Семейство Тальниковых – густонаселенный мир (рассказчица упоминает, что в доме, помимо родителей и детей, «жило много родных: две сестры матери, сестра и мать отца» [Панаева, 1928, с. 104]), который организован хаотично, неупорядоченно. Но главное – в этом мире, к сожалению, нет любви, заботы друг о друге, доброты: «Мать <...> мало занималась нами, зато мы мало от нее и терпели; но свирепость, в которую иногда впадал отец, была для нас слишком ощутительна» [Панаева, 1928, с. 105]. Необходимо отметить, что в произведении писательница приступает к изображению горестной жизни детей и жестокости взрослых сразу, читателю не предоставляется возможность как-то эмоционально подготовиться к тем шокирующим подробностям существования в доме Тальниковых, о которых вспоминает Наталья (уже в первой главе рассказчица представит во всем своем ужасе сцену избиения разъяренным отцом своих маленьких детей («Мы были окровавлены» [Панаева, 1928,

с. 106]), затем расскажет о том, что и между детьми порой происходили конфликты, заканчивавшиеся «ударами в лицо», упомянет, что и «милой» тетушке «доставляло особенное удовольствие наказывать меня» [Панаева, 1928, с. 108]).

В отличие от того, как изображают семейное воспитание в автобиографических произведениях современники А. Я. Панаевой, автор «Семейства Тальниковых» показывает детство как период, когда ребенок полностью подчинен деспотизму родителей. Единственный взрослый, о котором Наталья вспоминает без страха, неприязни, испытывая сочувствие, – это бабушка («Бабушку мы очень любили, потому что она нас баловала...» [Панаева А., 1928, с. 104]), поэтому смерть бабушки становится для рассказчицы настоящим горем. Безусловно, необходимо отметить, что в автобиографических произведениях русских писателей, которые изображают детство как «рай», «идиллию», а родной дом как гнездо, которое не хочется покидать, обязательны эпизоды, рисующие печальные или неприятные события и переживания (например, Николенька Иртенев («Детство» Л. Н. Толстого), помимо, разумеется, сильнейших чувств, связанных с болезнью, а затем смертью мамочки, испытывает злость на учителя, обижается на экономку Наталью Савишну, расстраивается из-за высокомерия Сережи Ивина, впоследствии стыдится из-за презрительно-

го отношения к Илиньке Грапу). Но при этом светлые воспоминания преобладают над мрачными, семья, дом остаются для автобиографического героя местом, где он познает любовь, где формируется его душа. Напротив, в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» дом изображен исключительно в мрачных тонах, становится олицетворением жестокости, равнодушия. В сознании рассказчицы родительский дом соединяется с образами тюрьмы, могилы.

Начиная с XVIII века в произведениях русской литературы, рассматривающих проблему (и процесс) воспитания, можно наблюдать наличие своеобразной «триады» участников этого процесса – взрослых, оказывающих влияние на формирование личности ребенка. В эту триаду входят, в первую очередь, родители – главные люди в жизни юного человека, затем няня (или дядька) – простой человек, приносящий в процесс воспитания ребенка народность, естественность, доброту, и наконец, учитель (гувернантка) – образованный человек, ведущий своего воспитанника в мир цивилизации, просвещения. В зависимости от того, каковы эти воспитатели, насколько они гуманны, мудры, терпеливы, ребенок чувствует или не чувствует себя счастливым. Одну из наиболее ярких художественных реализаций такой триады можно видеть в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» (родители (мать,

обожающая своего ребенка, и бессловесный отец) – няня Еремеевна (готова вцепиться в каждого, кто обидит уже великовозрастного воспитанника) – учителя (Д. И. Фонвизин представляет разные типы: от совестливого, стремящегося хоть чему-то научить Цыфиркина до нахального и совершенно непросвещенного Вральмана). В произведениях XIX века о детстве (в особенности, в автобиографических повестях и романах) наблюдаем, какую роль в становлении личности юного героя, в формировании мира вокруг него играют родители, няня, учителя.

В повести «Семейство Тальниковых» атмосферу несвободы, недоверия, страха создают прежде всего родители. Наталья подчеркивает, что мать – Марья Петровна – внешне выглядит довольно привлекательной, заботится о своей внешности, но при этом одевает дочерей в лохмотья, видит в подрастающих девочках своих соперниц. Дети для Марьи Петровны – обуза, лишние рты, мать стремится как можно реже их видеть, поэтому в доме Тальниковых пространство родителей отделено от пространства детей. Отец (в повести указано только его имя – Андрей) – музыкант, чья жизнь протекает по большей части вне дома. Его появление в доме понастоящему опасно для детей («В минуты своей раздражительности он колотил всех встречных и ло-

мал все, что попадалось ему под руку» [Панаева, 1928, с. 104]). В русской литературе XIX века трудно найти подобного садиста по отношению к своим близким. Тальниковых-родителей даже смерть ребенка не способна заставить искренне переживать. Повесть начинается с изображения одного из сильнейших горестных воспоминаний рассказчицы – смерти одной из ее младших сестер («В комнате, освещенной нагорелой свечой, омывали тело умершей – шестимесячной моей сестры. Ее глаза с тусклым и неподвижным взором наводили на меня ужас» [Панаева, 1928, с. 103]). Однако родители не разделяют переживаний героини, они проявляют абсолютное равнодушие к смерти собственного ребенка: «ни отец мой, ни мать не плакали» [Панаева, 1928, с. 103]). Подобное отношение к ребенку в данном эпизоде и в последующих свидетельствует о неестественности атмосферы в семье Тальниковых.

Рассказчица подробно говорит о бесчеловечных условиях существования в семье детей, лишенных родительской любви, внимания. Система воспитания в доме Тальниковых напоминает тюрьму, приют, казарму, но только не жизнь в любящей семье. С воспитанием у родителей Тальниковых связано прежде всего насилие над детьми: побои («Прочь! Надоели! Выдеру уши!» [Панаева, 1928, с. 106]), унижения, голод (так, Ната-

лю часто оставляют без обеда и без ужина, строго наказывая брата, посмеявшегося принести сестре еды). Обращает на себя внимание то, что в семействе жестокость по отношению к детям начинают проявлять не только родители, но и тетушки, которые сами вынуждены порой терпеть несправедливость от хозяев дома.

Далее Наташа вспоминает, что, когда умерла ее маленькая сестренка, плакала только кормилица – и читатель готов вздохнуть с облегчением: вот он – простой человек с добрым сердцем, для которого смерть дитяти – настоящее горе. Однако рассказчица уточняет, что кормилица плачет не из-за жалости к умершему ребенку, ее печалит, что «золоченого повойника и шубы», которых лишилась из-за ранней кончины младенца, она не получит («погоди она [девочка] умирать пять, шесть месяцев, дело кормилицы было бы кончено, и обещанная награда не ушла бы от ее рук» [Панаева, 1928, с. 104]). Это воспоминание рассказчицы производит на читателя страшное впечатление, получается, что гнетущая атмосфера дома Тальниковых и второго члена рассматриваемой «триады» (кормилицу, нянюшку) трансформирует в чудовище, думающее лишь о материальном вознаграждении. Далее Наталья упомянет, что «умерло и было схоронено три сестры и один брат» [Панаева, 1928, с. 126], сообщит о смерти любимой бабуш-

ки, о гибели старшего брата Миши, который отправился на войну на Кавказ, чтобы только быть подальше от ненавистного родительского дома, о самоубийстве помещавшегося дядюшки. Еще раз отметим, что название повести сопровождается мрачным подзаголовком «Записки, найденные в бумагах покойницы». Таким образом, дом-тюрьма превращается в дом-кладбище.

Моменты, когда взрослые обращают внимание на детей, решают заняться ими, становятся для маленьких страдальцев еще более горестными, нежели те, когда на них не смотрят, не пускают в родительские комнаты. С ужасом Наталья вспоминает, как мать заставляет ее учиться читать: «Чтение началось; за каждую ошибку я получала толчок то в голову, то в спину» [Панаева, 1928, с. 119]).

С особой болью рассказчица вспоминает момент, когда в семье появилась гувернантка. Образы гувернеров, домашних учителей в произведениях литературы XVIII – XIX веков весьма разнообразны (среди них встречаются лжеучителя – Вральманы и Бопре, пьяницы и невежды, но есть и добрейшие Карлы Иванычи, искренне относящиеся к своим воспитанникам), однако монстра, подобного гувернантке Тальниковых в русской литературе еще поискать. Само ее появление в доме не предвещает детям ничего хорошего, так как этой девице недавно отказала зна-

комая Тальниковых за жестокость по отношению к детям. Действительно, гувернантка представляется настоящей садисткой: «уши бедных малюток были всегда в крови; она нарочно отрачивала себе средний ноготь и стригла его остроконечно, чтобы невинное наказание было чувствительней» [Панаева, 1928, с. 120]. Внешность гувернантки, ее манеры вызывают у детей отвращение и ужас, а воспитание заключается прежде всего в наказании, жестокой расправе над правыми и виноватыми. Таким образом, и третий член триады становится для детей тираном, лишаящим радости, приносящим только боль и унижения.

Особенно детей мучает отсутствие в их жизни свободы, нормального дружеского общения, прогулок, игр. Братья и сестры Наташи буквально заперты в детской, рассказчица подчеркивает, что дети Тальниковых почти никогда не бывают вне дома. Одним из немногих отрадных моментов в жизни юных Тальниковых становится день, когда «рыжая» гувернантка принимает решение покинуть надоевшее ей семейство.

Настоящей бедой для Феди – брата рассказчицы – становится решение родителей отдать его в учение к дядюшке. Вместо желанного освобождения от тяжелой атмосферы дома Тальниковых Федор попадает в еще более страшную обстановку дома дядюшки. «Палач», как называет дядюшку рас-

сказчица, издевается над племянником, беспощадно сечет его, доводя несчастного мальчика до помешательства.

В традиционной для произведений отечественной литературы XIX века триаде, включающей родителей (отца, мать) – нянюшку (кормилицу, дядьку) – гувернантку (домашнего учителя), реализованной А. Я. Панаевой в повести «Семейство Тальниковых», нет ни одного взрослого человека, который стал бы для детей опорой, примером, другом, любящим сердцем. Поэтому неудивительно стремление детей Тальниковых вырваться из стен этого дома, ставшего для них тюрьмой. Но «семейство Тальниковых» не отпускает детей-жертв: мы упоминали, что для братьев и сестер Натальи возможен один путь – в могилу. Однако и те дети, которые не умерли в детстве, несчастны, дом остается для них местом, стесняющим свободу.

Библиографический список

1. Болдырева Е. М. Автобиографизм и автобиография: самоконструирование и семиотизация субъекта // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 242–251.
2. Горшкова Е. С. Автобиографизм повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» и Л. Н. Толстого «Детство» // Человек в информационном пространстве: сборник научных статей. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 36–40.
3. Долгих У. М. Автобиографические мотивы в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» // XXVIII Герценовские чтения. Литературоведение: Научные доклады. Ленинград : ЛГПИ, 1976. С. 21–25.
4. Куянцева О. А. Специфика хронотопа в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2013. № 10 (88). URL: <http://jurnal.org/articles/2013/fill32.html> (дата обращения: 26.08.2024).
5. Лукьянчикова Н. В. Пространство дома в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» // Буслаевские чтения: сб. науч. статей по

Заключение

Говоря о воспитании в «Семействе Тальниковых», К. И. Чуковский не случайно назвал его «уродливым», «варварским». А. Я. Панаевой важно показать, как влияет удушающая атмосфера нелюбящей семьи на ребенка, делает его жизнь трагической.

Таким образом, повесть А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» является интереснейшим художественным произведением, в котором по-новому представлена модель семейного воспитания, произведением, обвиняющим окружение, не дающее ребенку чувствовать себя счастливым. Полагаем, что книга писательницы XIX века обязательно должна войти в круг чтения педагогов и студентов – будущих педагогов – как произведение, позволяющее познакомиться с яркой художественной реализацией трагедии детства.

материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Пенза : Пензенский государственный университет, 2020. С. 35–41.

6. Лукьянчикова Н. В. «Ты под своим родимым кровом врагов озлобленных наша...»: мотив семьи в повести А. Я. Панаевой «Семейство Тальниковых» // «Нежданный, как цветок над бездной, очаг семейный и уют...»: семейный дискурс русской и мировой литературы / под науч. ред. Е. М. Болдыревой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. С. 101–110.

7. Николаев Н. И. Детство в русских литературных представлениях XVIII–XIX столетий / Н. И. Николаев, Е. Ю. Шестакова. Москва : Флинта, 2021. 160 с.

8. Ничипоров И. Б. Детство как травма в современной русской литературе (повесть Павла Санаева «Похороните меня за плинтусом») // Art Logos. 2019. № 1 (6). С. 47–52.

9. Новокрещенных Е. Г. Языковые особенности автобиографического текста: автобиографическая проза А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. А. Григорьева // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2019. № 3. С. 133–136.

10. Панаева А. Семейство Тальниковых. Ленинград : АCADEMIA, 1928. 279 с.

11. Панаева (Головачева) А. Я. Воспоминания. Москва : Правда, 1986. 529 с.

12. Резник О. В. «Мысль семейная» как жанрообразующая категория в эпическом наследии Марины Степновой (на примере романа «Сад») // Наследие веков. 2021. № 4 (28). С. 79–84.

13. Савина Л. Н. Пространство детства и способы его репрезентации в автобиографических произведениях второй половины XIX века / С. В. Перевалова, Л. Н. Савина, Н. Е. Тропкина // Пространство детства в русской литературе XIX – начала XXI века : монография. Волгоград : Перемена, 2018. С. 4–69.

14. Самородническая Е. И. Мотив детства в компаративном аспекте: «Семейство Тальниковых» А. Я. Панаевой // Некрасов в XXI веке: материалы Международного научного конгресса. Ярославль : Академия-76, 2021. С. 128–134.

15. Святославский А. В. Семейная тема в прозе Авдотьи Панаевой 1840-х – 50-х годов // Сборник материалов XX Свято-Троицких ежегодных международных академических чтения в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2020. С. 231–238.

16. Седашова Е. С. Жанр семейной саги в современной отечественной прозе // Символ науки. 2021. № 5. С. 81–82.

17. Татаркина С. В. Диалог «женского» и «мужского» в жанровой структуре прозы А. Я. Панаевой // Проблемы литературных жанров: материалы X Международной научной конференции, посвященной 400-летию г. Томска. Ч. 1. Томск : Изд-во Национального исследовательского Томского государственного университета, 2002. С. 219–224.

18. Успенский П. Ф. Быть женщиной в «Современнике»: поэзия и правда в беллетристике Авдотьи Панаевой / П. Ф. Успенский, А. С. Федотов // Новое литературное обозрение. 2023. Т. 181, № 3. С. 205–225.

19. Чуковский К. Некрасов и Авдотья Панаева // Панаева А. Я. Семейство Тальниковых. Ленинград : Academia, 1928. С. 3-96.

20. Шестакова Е. Ю. Особенности художественного воплощения темы детства в повести Н. Г. Гарина-Михайловского «Детство Темы» // Вестник Удмуртского университета. 2024. Т. 34, Вып. 2. С. 489–496.

21. Шпилевая Г. А. «Семейство Тальниковых» А. Я. Панаевой: аспекты поэтики и проблематики повести // Некрасов в XXI веке: материалы Международного научного конгресса. Ярославль : Академия 76, 2021. С. 166–173.

22. Щербина Н. Ф. Альбом ипохондрика. Эпиграммы и сатиры. Ленинград : Прибой, 1929. 216 с.

Reference list

1. Boldyreva E. M. Avtobiografizm i avtobiografija: samokonstruirovanie i semiotizacija sub#ekta = Autobiographism and autobiography: self-construction and semiotization of the subject // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. 2017. № 4. S. 242 – 251.

2. Gorshkova E. S. Avtobiografizm povesti A. Ja. Panaevoj «Semejstvo Tal'nikovyh» i L. N. Tolstogo «Detstvo» = Autobiographism of A. Y. Panayeva's story The Talnikov Family and L. N. Tolstoy's Childhood // Chelovek v informacionnom prostranstve: sbornik nauchnyh statej. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2019. S. 36–40.

3. Dolgih U. M. Avtobiograficheskie motivy v povesti A. Ja. Panaevoj «Semejstvo Tal'nikovyh» = Autobiographical motifs in A. Y. Panayeva's story The Talnikov Family // XXVIII Gercenovskie chtenija. Literaturovedenie: Nauchnye doklady. Leningrad : LGPI, 1976. S. 21–25.

4. Kujanceva O. A. Specifika hronotopa v povesti A. Ja. Panaevoj «Semejstvo Tal'nikovyh» = The specifics of the chronotope in A. Y. Panayeva's story The Talnikov Family // Zhurnal nauchnyh publikacij aspirantov i doktorantov. 2013. № 10 (88). URL: <http://jurnal.org/articles/2013/fill32.html> (data obrashhenija: 26.08.2024).

5. Luk'janchikova N. V. Prostranstvo doma v povesti A. Ja. Panaevoj «Semejstvo Tal'nikovyh» = The space of home in A. Y. Panayeva's story The Talnikov Family // Buslaevskie chtenija: sb. nauch. statej po materialam VIII Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Penza : Penzenskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 35–41.

6. Luk'janchikova N. V. «Ty pod svojim rodimym krovom vragov ozloblennyh nashla...»: motiv sem'i v povesti A. Ja. Panaevoj «Semejstvo Tal'nikovyh» = “You found bitter enemies under your native roof...”: the family motif in A. Y. Panayeva's story The Talnikov Family // «Nezhdannyy, kak cvetok nad bezdnoj, ochag semejnij i ujut...»: semejnij diskurs russkoj i mirovoj literatury / pod nauch. red. E. M. Boldyrevoj. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. S. 101–110.

7. Nikolaev N. I. Detstvo v russkih literaturnyh predstavlenijah XVIII-XIX stoletij = Childhood in Russian literary ideas of the XVIII-XIX centuries / N. I. Nikolaev, E. Ju. Shestakova. Moskva : Flinta, 2021. 160 s.

8. Nichiporov I. B. Detstvo kak travma v sovremennoj russkoj literature (povest' Pavla Sanaeva «Pohoronite menja za plintusom») = Childhood as a trauma in con-

temporary Russian literature (Pavel Sanayev's story *Bury Me Behind the Baseboard*) // *Art Logos*. 2019. № 1 (6). S. 47-52.

9. Novokreshennyh E. G. Jazykovye osobennosti avtobiograficheskogo teksta: avtobiograficheskaja proza A. A. Feta, Ja. P. Polonskogo, A. A. Grigor'eva = Linguistic features of autobiographical text: autobiographical prose of A. A. Fet, Y. P. Polonsky, A. A. Grigoriyev // *Vestnik BGU. Jazyk, literatura, kul'tura*. 2019. № 3. S. 133–136.

10. Panaeva A. *Semejstvo Tal'nikovyh = The Talnikov Family*. Leningrad : ACADEMIA, 1928. 279 s.

11. Panaeva (Golovacheva) A. Ja. *Vospominaniya = Memories*. Moskva : Pravda, 1986. 529 s.

12. Reznik O. V. «Mysl' semejnjaja» kak zhanroobrazujushhaja kategorija v jepicheskom nasledii Mariny Stepnovoj (na primere romana «Sad») = “Family thought” as a genre-forming category in Marina Stepnova's epic heritage (the case study of the novel *The Garden*) // *Nasledie vekov*. 2021. № 4 (28). S. 79–84.

13. Savina L. N. Prostranstvo detstva i sposoby ego reprezentacii v avtobiograficheskikh proizvedenijah vtoroj poloviny XIX veka = The space of childhood and its representation in autobiographical works of the latter part of XIX century / S. V. Perevalova, L. N. Savina, N. E. Tropkina // *Prostranstvo detstva v russkoj literature XIX – nachala XXI veka : monografija*. Volgograd : Peremena, 2018. S. 4–69.

14. Samorodnickaja E. I. Motiv detstva v komparativnom aspekte: «Semejstvo Tal'nikovyh» A. Ja. Panaevoj = The motif of childhood in comparative aspect: The Talnikov Family by A. Y. Panayeva // *Nekrasov v XXI veke: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa*. Jaroslavl' : Akademija-76, 2021. S. 128–134.

15. Svjatoslavskij A. V. Semejnaja tema v proze Avdot'i Panaevoj 1840-h – 50-h godov = The theme of family in Avdotya Panayeva's prose in 1840s-50s // *Sbornik materialov XX Svjato-Troickih ezhegodnyh mezhdunarodnyh akademicheskikh chtenija v Sankt-Peterburge*. Sankt-Peterburg : Izd-vo Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii, 2020. S. 231–238.

16. Sedashova E. S. Zhanr semejnoj sagi v sovremennoj otechestvennoj proze = The genre of family saga in contemporary Russian prose // *Simvol nauki*. 2021. № 5. S. 81–82.

17. Tatarkina S. V. Dialog «zhenskogo» i «muzhskogo» v zhanrovoj strukture prozy A. Ja. Panaevoj = Dialogue between “feminine” and “masculine” in A. Ya. Panayeva's prose genre structure // *Problemy literaturnyh zhanrov: materialy X Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 400-letiju g. Tomska*. Ch. 1. Tomsk : Izd-vo Nacional'nogo issledovatel'skogo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2002. S. 219–224.

18. Uspenskij P. F. Byt' zhenshinoj v «Sovremennike»: poezija i pravda v belletristike Avdot'i Panaevoj = Being a woman in “Sovremennik”: poetry and truth in Avdotya Panayeva's fiction / P. F. Uspenskij, A. S. Fedotov // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2023. T. 181, № 3. S. 205–225.

19. Chukovskij K. *Nekrasov i Avdot'ja Panaeva = Nekrasov and Avdotya Panayeva* // Panaeva A. Ja. *Semejstvo Tal'nikovyh*. Leningrad : Academia, 1928. S. 3-96.

20. Shestakova E. Ju. Osobennosti hudozhestvennogo voploshhenija temy detstva v povesti N. G. Garina-Mihajlovskogo «Detstvo Temy» = Specifics of literary expression of the childhood theme in N. G. Garin-Mikhailovsky's story Tyoma's Childhood // Vestnik Udmurtskogo universiteta. 2024. T. 34. Vyp. 2. S. 489–496.

21. Shpilevaja G. A. «Semejstvo Tal'nikovyh» A. Ja. Panaevoj: aspekty pojetiki i problematiki povesti = The Talnikov Family by A. Ya. Panayeva: some aspects of the poetics and problematics // Nekrasov v XXI veke: materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa. Jaroslavl' : Akademija 76, 2021. S. 166–173.

22. Shherbina N. F. Al'bom ipohondrika. Jepigrammy i satiry = The hypochondriac's album. Epigrams and satires. Leningrad : Priboj, 1929. 216 s.

Статья поступила в редакцию 16.06.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 16.06.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024

Научная статья
УДК [811.161.1:811.158]37
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-80
EDN ASUFPM

**Пространственные концепты «правое – левое», «Восток – Запад»
в языковой культуре Китая и России**

Татьяна Дмитриевна Попкова^{1✉}, Чэн Янь²

¹Доктор культурологических наук, профессор кафедры педагогики, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь.

²Аспирант кафедры русского языка, Тяньцзиньского университета иностранных языков, Китай.

¹tatyana3@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0267-217X>

²cy3261099677@163.com, <https://orcid.org/0009-0000-8743-8192>

Аннотация. История развития межнациональных контактов подтверждает неизменную актуальность установления продуктивного взаимодействия с представителями разных стран мира с целью развития устойчивых связей в сфере экономики, политики, культуры. Основой межкультурного общения выступает диалог культур, функциональным предназначением которого является многосторонняя трансляция духовных ценностей и идей, осуществляемая посредством языка. В работе приводится анализ культурных истоков, народных суеверий и способов представления понятия «пространственное направление» в китайском и русском языках. Концептуальное понимание пространства представлено во многих языковых аспектах, однако существующие культурные различия создают препятствия для непосредственной межкультурной коммуникации. Цель статьи – выявить сходство и различие языковых коннотаций пространственных понятий «правый» и «левый», «Запад» и «Восток» на примере китайской и русской культур. В процессе анализа национальных лингвистических значений выявляются репрезентации исследуемых концептов в языковых единицах. В статье конкретизируются смысловые корреляты языкового сознания, установившиеся в культурных традициях китайского и русского народа, отраженные в их специфических представлениях о мире. Авторы приходят к выводу о том, что в процессе коммуникации важно учитывать дискурсивный аспект перевода пространственных концептов, что непосредственно влияет на качество понятийного контента. Знание стилистической специфики и разнообразия пространственных концептов, рассмотренных на примере китайского и русского языков, окажет позитивное влияние на инте-

грацию культурных связей, способствуя улучшению взаимопонимания и устранению препятствий в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; концепты «правый», «левый»; «Восток»; «Запад»; пространство; китайская и русская культуры

Для цитирования: Попкова Т. Д., Чэн Янь Пространственные концепты «правое – левое», «Восток – Запад» в языковой культуре Китая и России // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 3 (21). С. 80-100. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-80>. <https://elibrary.ru/ASUFPM>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

Spatial concepts of “right – left”, “East – West” in the linguistic culture of China and Russia

Tatyana D. Popkova¹✉, Cheng Yan²

¹Doctor of cultural sciences, professor, department of pedagogy, Perm state national research university, Perm.

²Postgraduate student, department of the Russian language, Tianjin university of foreign languages, China.

¹tatyana3@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0267-217X>

²cy3261099677@163.com, <https://orcid.org/0009-0000-8743-8192>

Abstract. The evolution of international contacts confirms the constant relevance of establishing productive interaction between people from different countries of the world in order to develop sustainable ties in the spheres of business, politics, and culture. The basis of intercultural communication is the dialog of cultures, whose functional purpose is to express spiritual values and ideas in a variety of ways through language. The article analyzes cultural backgrounds, folk superstitions and ways of representing the concept of “spatial direction” in Chinese and Russian languages. The conceptual understanding of space is represented in many linguistic aspects, but existing cultural differences create barriers to direct intercultural communication. The aim of the article is to find out similarities and differences between linguistic connotations of space concepts “right” and “left”, “West” and “East” in Chinese and Russian cultures. While analyzing national linguistic meanings, the authors identify representations of the concepts under study in linguistic units. The article specifies semantic correlates of linguistic consciousness, established in Chinese and Russian cultural traditions and reflected in their specific perceptions of the world. The authors conclude that in communication it is important to take into account the discursive aspect of space concept translation, which has a direct impact on the quality of the conceptual content. Knowing the stylistic specificity and diversity of the space concepts in Chinese and Russian languages will have a positive impact on the cultural integration, contributing to better mutual understanding and eliminating obstacles in cross-cultural communication.

Key words: cross-cultural communication; concepts “right”, “left”; “East”; “West”; space; Chinese and Russian cultures

For citation: Popkova T. D., Cheng Yan Spatial concepts of “right – left”, “East – West” in the linguistic culture of China and Russia. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 3(21): 80-100. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-80>. <https://elibrary.ru/ASUFPM>.

Введение

Слово «коммуникация» происходит от латинского слова “communicatio” – «сообщение, передача». Первоначально этот термин использовался в информатике (К. Шеннон, 1848), кибернетике (Н. Винер, 1970-е гг.), а впоследствии в социологии и психологии (Г. Трейдер, Э. Холл, 1954). Понятие «коммуникация» интерпретировалось в разных вариантах: как наука и деятельность по передаче информации; как социальный контакт; как способы взаимодействия людей друг с другом посредством письменных или речевых посылов. В последнем варианте синонимом «коммуникации» стал термин «общение», то есть обмен между людьми информацией, мыслями, представлениями, эмоциями и т. п.

Термин «межкультурная коммуникация» впервые был использован в европейской научной среде в 1972 г. при анализе особенностей межкультурного общения представителей разных культур [Samovar, 2004]. Одно из самостоятельных определений межкультурной коммуникации было дано в книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура»: «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта,

принадлежащих к различным национальным культурам» [Верещагин, 1990, с. 26]. Учитывая эти характеристики речевого акта, становится очевидным, что *межкультурная коммуникация – это активный двусторонний (или многосторонний) процесс, в котором участвуют люди с разными культурными традициями.*

В современной лингвистике используют два термина: «межкультурная коммуникация» (“Intercultural Communication”) и «кросскультурная коммуникация» (“Cross-cultural Communication”). Первое подразумевает коммуникацию с представителями разных культур, а второе – как «пересекающая культурная коммуникация», то есть поэтапный процесс выстраивания отношений с представителями своей культуры, а затем с носителями другой культуры. Исследованиями в области кросскультурной коммуникации в настоящее время занимаются культурологи, философы, социологи, психологи, педагоги и филологи, что характеризует эту область изучения как интегративное, междисциплинарное пространство.

В современном мире проблемам межкультурной коммуникации уделяется большое внимание, что

обусловлено расширением международных связей в различных областях жизнедеятельности. В связи с чем обозначается проблема взаимопонимания представителей разных культурных традиций в процессе непосредственных речевых актов. Изучение и выявление лингвистических особенностей структуры речи и форм другого языка может значительно облегчить переводческий дискурс.

Одной из ключевых проблем, с которой сталкиваются участники общения, является определение значения слов. Так, в китайском языке понятие «культура» – обозначается двумя иероглифами: «文» – «письменность» и «化» – глагол, а в буквальном переводе сочетаний двух иероглифов – «окультуривание людей» (то есть культура посредством языка влияет на мышление людей). В русском языке слово «культура» имеет широкое и объемное понятие, в которое включены ценности, нормы, традиции, обычаи, верования, знания, творческая деятельность, мышление, коммуникация и многое другое, что позволяет говорить о кумулятивной природе этого термина. Зная и понимая эти семантические различия в китайском и русском языках, можно уменьшить степень разночтения тех или иных культурных явлений в процессе коммуникации. Важными вопросами в этой сфере является проблема языкового взаимодействия между представителями разных национальных культур. Раскрытие и по-

нимание особенностей «другой» культуры возможно посредством диалога, который осуществляется при устном и письменном общении.

Методы исследования

В работе использован комплексный подход в выборе методов исследования: системно-структурный, историко-этимологический, культурологический, а также контекстуальный анализ двух языковых единиц пространственного направления: «правый» и «левый», «Восток» и «Запад».

Теоретические основания исследования

Способы осознания человеком «чужого» языкового пространства начинаются с его активного взаимодействия с партнером по общению и погружением (реальным или опосредованным способом) в культурную среду. Анализируя понятия «правый», «левый» – направления пространства, мы ориентируемся на положение о том, что и само слово «пространство» является многозначным. Согласно идеям В. Н. Топорова, в научной среде существуют две интерпретации понимания этого слова – по Ньютону и по Лейбницу, – эти различия заключаются в том, «что одно – отвлечено от человека-наблюдателя, другое, напротив, “одушевлено” его присутствием» [Топоров, 1983, с. 228]. Исходя из этого, процесс восприятия человеком пространственных объектов включает в себя не только образное их представление, но и субъективное к ним от-

ношение, исходя из собственной картины мира, сформированной в конкретной культурной среде. Именно эти факторы лежат в основе национальных различий интерпретации смысловых категорий языка.

Язык – носитель культуры: «Язык – это средство для передачи осмысленного (интерпретированного) образа действительности от говорящего к слушающему» [Кошелев, 2000, с. 40]. Посредством языка культура может восприниматься и передаваться людьми. Сущность передачи определенного смысла той или иной информации «состоит не в характере отдельных выражений, а в сочетании их в некоторые единства, в художественной конструкции словесного материала» [Спешнев, 2017, с. 15]. Учитывая динамичность развития языков, следует констатировать, что в процессе культурного наследования происходит формирование новых функций, приводящих нередко к изменению семантики языковых единиц. При этом базовые языковые конструкции преимущественно остаются неизменными. В частности, понятия, определяющие пространственные направления.

Понятия «пространственная ориентация» или «пространственное направление» являются системой образов, отраженных в языковой семантике, кроме того, они служат важным невербальным средством общения, так как люди разных культур формируют в своем сознании различные простран-

ственные представления, а их восприятие отражается в повседневном использовании этих слов. Как отмечают русские исследователи (Вяч.Вс. Иванов, Н. И. Толстой, Б. А. Успенский и др.) понятия «правый» и «левый», а также «Восток» и «Запад» занимают важное место в культуре и сознании людей.

У каждого индивида в течение жизни складывается определенная картина мира, в которой *языковая* картина служит базовой единицей культуры, сформированной как на основе субъективного жизненного опыта, так и коллективного опыта народа, говорящего на определенном языке. При этом следует отметить, что совокупный образ пространства в языковом сознании не привязан к конкретному понятию «место», «среда» или «объект», он может интерпретироваться как парный образ, «объект – местоположение», «объект – процесс», «объект – деятельность», определяя таким образом *что* видит человек и *где* это находится, какая *ситуация* происходит в настоящее время и каково *действие* (подобную характеристику дала Е. С. Кубрякова [Кубрякова, 2000]).

**Концепты «левый» и «правый»
в языковом сознании народов
Китая и России**

Оппозиция «правый – левый» традиционно имеет большее значение в культуре этносов. Эти понятия нередко воспринимаются в качестве аксиологических противопоставлений, основанных на национальных традициях, выполняющих

важную роль в различных сферах быта, культуры и религии, отражая мировоззрение, обыденные представления носителей языка, а также этические, эмоциональные и нравственные нормы.

Религиозная тематика – одна из традиционных областей русской культуры, в которой отражено представление русских людей о концептах «правый» и «левый». Православное вероучение, как свод догматических определений о взглядах, оценках, правилах и образных представлениях о природе и обществе имеют особую систему ценностного понимания жизни. В христианстве считается, что рядом с каждым человеком находятся два начала: справа стоит ангел (добро), а слева – дьявол (зло) [Бо Цзин, 2013]. В «Повести временных лет» летописец рассказывает об эпизоде крещения Руси как греческий философ показывает князю Владимиру «запону» с изображением Страшного суда, на которой справа располагались праведники, а слева грешники [Греческий философ показывает ...]. На иконе распятого Христа правая сторона означает веру, а левая – неверие, при этом правая сторона связывается с верхом, а левая – с низом; Христос – это правая рука Бога (десница Бога); на изображениях распятого Христа справа от него фигура раскаявшегося разбойника, а слева – нераскаявшегося.

Когда православные верующие крестятся, то движение руки осуществляется справа – налево.

Очевидно, будь то крестное знамение или изображение на иконах, в религиозных представлениях правая сторона символизирует «добро» и «справедливость», а левая – «зло и грех».

В *повседневной жизни* русских людей многие суеверия и табу также тесно связаны с определением левого и правого пространственного расположения, например, пословица «Никогда не плюй на правый бок, на правую сторону, потому что ангел-хранитель при правом боку, а дьявол при левом, на него и плюй...», «Кто на правом боку спит, заспит своего ангела-хранителя» [Киселева, 2011, с. 96], «Бес слева ходит да на грех наводит». В былинах также отражается предпочтительность правой стороны при выборе пути следования героев: «Кто вправо поедет, тот царем будет; кто влево поедет, тот убит будет».

Китайцы выражают свою жизнь в *философских культурных кодах*, основанных на конфуцианских традициях, таких как: «Ли» (礼 [禮]) – нормы поведения; «И» (义 [義]) – «правда», «справедливость»; «Жень» (仁) – человеколюбие и др.). В китайской системе культурных кодов нет понятия «добра» и «зла». Под влиянием древнекитайской философии и закреплённой в сознании многими поколениями социальной (феодальной) системы китайцы верят, что «левые пользуются уважением, а правые имеют низкий статус». В философии дао-

сизма установлено положение о том, что Вселенная имеет две противоположные стороны «Инь» и «Ян» [Лю Шэньфэй, 2007], представленных в категориях «верх и низ», «левый и правый», «фасад и тыл», «высокое и низкое» и т. д. В книге «Дао Дэцзин» сказано, что «君子居则贵左, 用兵则贵右; 吉事尚左, 凶事尚右, 是以偏将军居左, 上将军居右» ('Благой государь в своем доме чтит левое, а идя войной, чтит правое. В счастливых событиях ценится левое, в несчастных событиях ценится правое. Младший полководец стоит слева, старший полководец стоит справа') [Книга о Пути жизни. Дао-Дэцзин ... , 2017].

В военных действиях правая сторона символизирует честь. Это связано с тем, что в войнах в большинстве случаев правая рука держала оружие, а левая нога использовалась в качестве опоры. Поэтому самый знатный человек или самая важная персона располагается справа для защиты. Это также отражает отношение китайцев к войне: даже если оружие приходится применять в качестве крайней меры, к войне следует относиться как к похоронам, что отражает уважение к жизни и негативное отношение к войне.

В нормах *повседневного этикета* при проведении торжественных мероприятий, таких как банкеты, жертвоприношения, свадьбы и т. п., левая сторона символизирует честь, уважение и статус – именно с этой стороны стоят / сидят наиболее по-

четные гости. В китайском языке есть фразеологизм «虚左以待» ('Освободите место слева, чтобы поприветствовать высоких гостей').

В свою очередь, такие события как похороны, природные и техногенные катастрофы, убийства и т. п., в основном, воспринимаются китайцами как совершенные справа, что констатирует, в том числе почтительное отношение к неудачным и печальным событиям. Это отражает понимание и применение пространственных ориентиров левых и правых почестей в древнем Китае.

Суеверия о «левом» и «правом», связанные с частями тела. Многие языковые информационные единицы, выражающие концепты «левого» и «правого» в национальных культурах, связаны с лицевыми и телесными знаками. Как в китайском, так и в русском фольклоре, принято использовать «знаки» частей тела для предсказания удачи, судьбы, богатства или беды, несчастья, невезения.

В телесный код человека входят такие части тела как рука, нога, глаз, ухо и др. Примером использования этих слов в русском языке служат многочисленные пословицы: «В правом ухе звенит – к добрым вестям, в левом – к худым», «Если левое ухо горит – плохое о тебе говорят, правое – хорошее», «Правый глаз чешется – к смеху, левый – к слезам», «Правая бровь чешется – к свиданию с другом, левая – с лицемером», «Зудит левый локоть – человек скоро будет плакать, правый – радоваться»,

«Правая ладонь чешется – к прибыли, левая – к убытку» [Киселева, 2011, с. 96]. В сознании русских, когда они встают утром с постели, если правая нога опускается первой, день пройдет гладко, а если левая нога опускается первой, этот день будет неудачным: «Вставать надо с правой, а не с левой ноги». В повседневной жизни, если человек злится без причины, над ним будут подшучивать и говорить: «Он встал с левой ноги».

Кроме того, в русских пословицах может быть использована лексика, связанная с одеждой, что также демонстрирует связь с пространственным положением: «Если начать надевать одежду с левой руки, жди беды»; «Надеть одежду на левую сторону (наизнанку) – жди неприятность».

Китайское суеверие о «левом» и «правом» относится только к лицевым знакам – «глазам». Например, есть несколько пословиц, которые наиболее часто употребляются в повседневной речи: «左眼跳财, 右眼跳灾» («Подергивается левый глаз – знак богатства, а правый – знак беды»); «左眼跳福, 右眼跳祸» («Подергивается левый глаз – предзнаменование счастья, а правый глаз – предзнаменование беды»); «左跳喜, 右跳愁, 左跳发, 右跳杀» («Подергивается левый глаз – предзнаменование радости, а правый глаз – предзнаменование печали, подергивается левый глаз – предзнаменование богатства, а правый глаз – предзнаменование убий-

ства»). Эта культурная коннотация есть в тексте песни «左眼皮跳跳» («Ваньцзян»): «左眼皮跳跳, 好事要来到, ... 左眼皮跳跳, 吉祥的预兆» («Левое веко дёргается – приближаются хорошие события... Левое веко – дёргается благоприятное предзнаменование»).

Функциональное значение «левый» и «правый»

В процессе длительной истории развития трудовой деятельности люди обнаружили, что правая рука более гибкая, сильная, чем левая, и, хотя сенсорное восприятие одинаково, метафорическое и эмоциональное значение правой и левой руки в языке различны.

В русском языке слово «правый», помимо обозначения направления, имеет положительное значение «закон», «право», «справедливость» и «правосудие» [Дин Синь, 1998, с. 45, 64]. Например, выражение «правая рука» в русском языке означает сильного помощника, заслуживающего доверия человека; фразеологизм «левой ногой делать что-либо» имеет переносное значение – «делать что-либо небрежно и “так себе”». В пословице «Правая рука всегда права» первое слово относится к пространственному положению, а последнее означает «правильное», «верное». Функциональное значение «правая рука» в русском языке имеет положительную оценку, фиксируя ее активное начало.

В китайском языке функциональное значение «левый» и «правый» не имеет преимуществ в про-

странственном местоположении. Например, в фразеологизмах «左右手» ('левая и правая рука') и «左膀右臂» ('левое плечо, правая рука') слова «левый» и «правый» одинаково важны и не имеют оценочной позиции (ни положительной, ни отрицательной). Значение этих двух фразеологизмов идентично русскому пониманию значимости правой руки: «Самый могущественный помощник». В понимании китайцев оба пространственных положения частей тела равнозначны.

Гендерное значение левого и правого

Китайский концепт «мужчина – левая сторона, женщина – правая». Во множестве китайских преданий и мифов можно найти описания деяний богов, которые научили людей пользоваться божественными дарами, среди которых больше представителей мужского пола: верховный бог Цзюнь (Выдающийся Предок), Чжан Ши (Нежная Забота), Фу Си (создатель письменных символов в виде восьми триграмм), Шень Нун (Крестынский бог), Чи Ю (бог войны). Женский пантеон китайских богинь: Мать – Правительница Запада (Сиванму), мать солнца Си Хэ (Дыхание – Слияние) и мать луны Чан Си (Вечное дыхание), Юаньцзюнь (Дева горы Тай) и др. Есть и бог попеременно меняющий

свое мужское и женское начало – Хоу-цзы (даровавший людям просо). Более двух сотен мифологических божеств упоминается в древнем каноне «Книге гор и морей» [Каталог гор и морей ... , 2004].

В Китае существуют разные мнения об источнике концептов «мужчина – это левая сторона, женщина – правая». В одном из самых ранних мифов о сотворении мира указывается богиня Нюй Ва (Женщина Ва) – прародительница всего живого на Земле. В наиболее известных мифах, относящихся к III в., рассказывается о гигантском первочеловеке Паньгу (Свернутая в кольцо Древность) – перворожденном человеческом существе, полубоге [Бирелл, 2005]. В этом мифе говорится, что после смерти Паньгу, бог солнца был преобразован из левого глаза Пангу, а бог луны – из правого. В народе принято считать, что бог солнца – это Фуси (мужчина), а бог луны – Нюй Ва (женщина) [Бай Лиин, 2009]. Исходя из этих мифов, мы можем сделать вывод о том, что концепты о гендерной оппозиции пространственных представлений укоренились в сознании китайцев с древних времен.

Другая коннотация этих понятий связана с философией даосизма: Вселенная имеет два противоположных начала «Инь и Ян» (см. рис. 1).

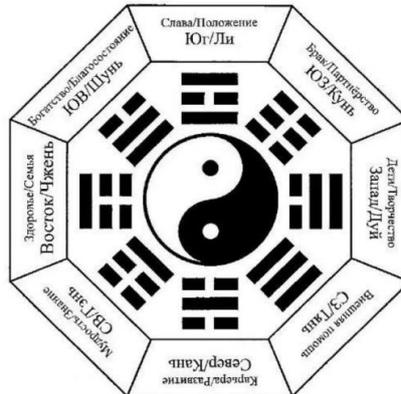

Рис. 1. Изображение символики Багуа (Фэньшуй)

В середине этого рисунка черно-белая «рыба Инь и Ян». Белый цвет – «Ян», черный – «Инь». Сильный характер мужчины принадлежит энергии «Ян» (слева – небо, солнце, день, жара, верх), а слабый характер женщины принадлежит энергии «Инь» (справа – земля, луна, ночь, холод, низ).

В китайских популярных детских песнях и книжках также встречаются антропоморфные об-

разы «太阳公公» («Солнечный дедушка») и «月亮婆婆» («Лунная бабушка»), которые между собой связаны как Инь и Ян. День – мужской род, ночь – женский род. Когда говорят о Солнечном дедушке, это означает, что уже рассвело, пора вставать и работать; говорят о Лунной бабушке – уже темнеет, надо завершать работу. Приведем тексты детских песенок:

《太阳公公》
太阳公公早上好
小鸟叽叽喳喳叫
阳光和雨露
浇灌我成长
月亮婆婆唱歌谣
小蜜蜂也休息了
清风陪着我
慢慢的睡着

Солнечный дедушка,
Доброе утро! Солнечный дедушка,
птицы поют шумно-шумно.
Солнце, дождь и роса –
Я рос здоровым благодаря им.
Лунная бабушка поёт песенку.
И Маленькой пчелке пора отдыхать.
И я в прохладном ветерке.
И я сладко сплю.

А этой песне учат китайских детей в начальной школе: «早晨起来面对太阳, 前面是东, 后面是西, 左面是北, 右面是南» («Когда вы

встаете рано утром и смотрите на солнце, передняя сторона находится на востоке, задняя – на западе, левая – на севере, а правая – на

юге') [Учебник китайского языка, 2016, с. 90]. Таким легким способом детей с раннего возраста приобщают к пониманию пространственных ориентиров, настраивая сознание на восприятие национальной языковой картины мира.

Концепты «мужчина – левая сторона», «женщина – правая» стали общепринятыми понятиями для китайцев и широко используется в их повседневной жизни. Например, когда люди идут на прием к хироманту, мужчины протягивают левую руку, а женщины – правую. В традиционной китайской медицине пульс у мужчин должен определяться преимущественно на левой руке, а у женщин – на правой. А для полноты представления о состоянии организма врач обязательно «слушает» пульс на обеих руках, так как в организме человека присутствуют две энергии – Ян и Инь.

В китайском зодчестве и архитектурных постройках также используется символика правого и левого месторасположения. Так, традиционно перед входом во дворец императора или дом высокого сановника у входа стояли каменные фигуры справа львицы-самки и слева льва-самца, чтобы отгонять злых духов – шиши (石獅). Подобная традиция сохраняется и сегодня, как правило, в городе около входа в учреждение, банк или перед воротами административного здания установлены парные каменные фигуры львов-храниителей.

Следует подчеркнуть, что не смотря на разделение на «правую»

и «левую» сторону, в жизни китайцев важно сохранить их равновесное взаимодействие, обеспечивая таким образом гармонию существования.

Русские концепты «мужчина – правая сторона», «женщина – левая». В языковом сознании русских, как мы выяснили выше, «левая сторона» символизирует «негатив», «слабость» и «бессилие», качества, которые присущи женщине; а «правый» – «позитив», «силу и власть» – которые присущи мужчине.

До XV в., как отмечает В. В. Колесов, слово «правый» обозначало не пространственное расположение (такое определение имело слово *десный*), а то, что считалось правильным, честным, справедливым; аналогично, слово «левый» имело значение «кривой, ложный, нечестный» [Колесов, 2023]. В русских пословицах это отразилось такими рассуждениями: «Суд правого кривого дела не выправит», «Чья воля старее, та и правее», «Толковый сын – правый глаз отца» [Даль, 2006, с. 386].

В бытовой речи указание на левую или правую сторону может предсказать пол человека, с которым предстоит встретиться в ближайшее время («Правая бровь чешется – к свиданию с мужчиной, левая – с женщиной»); у беременной женщины – пол будущего ребенка («Будущая мама встает с пола и при этом опирается на левую руку – к девочке, а если на правую – к мальчику»; «Малыш впер-

вые шевелится в левом боку – это девочка, в правом – мальчик»; «Если женщина ставит на возвышение первую ногу левую – родится дочь, правую – сын») [Приметы для беременных]. В книге А. Афанасьева «Мифы, поверья и суеверия славян» есть такое народное поверье: скорую смерть предвещают глаза усопшего: «Если у покойника остается открытым правый глаз, в доме умрет кто-нибудь из мужчин, если же – левый, то скончается кто-нибудь из женщин» [Афанасьев, 2002, с. 762, 765].

Как мы можем убедиться, в китайском и русском языках слова «правый» и «левый» используются достаточно активно. Общими сферами применения для обеих языковых культур являются повседневность, народные представления (закрепленные в фольклоре) и гендерные характеристики, при этом семантические различия значительные. В русской языковой культуре область применения этих концептов, проявляется также в религиозных установлениях, в определении сторон горизонта, в то время как в китайской языковой культуре они конкретизированы в философских кодах, мифологии, государственном и военном этикете, архитектуре и зодчестве. В отличие от китайского представления о природных явлениях и объектах, использование пространственных понятий в русском языке не метафизируется, а наделяется оценочными критери-

ями, нравственными качествами личности.

Концепты «Восток» и «Запад»

Жизнь китайских людей с древних времен была сосредоточена на сельском хозяйстве, и их жизненный опыт проистекает из наблюдения за природой. Солнце восходит с востока и напитывает все растущее на земле – это символ света и новой жизни. На западе во время заката свет и тепло угасают – это символ упадка жизни и смерти. Например, фразеологизм «东山再起» («Гора на востоке снова возвышается») относится к восстановлению сил после постигшей человека неудачи, а «日落西山» («Солнце садится за западные горы») обозначает человека, умирающего от старости, или то, что скоро придет в упадок. Древние китайские поэты использовали строку «夕阳西下, 断肠人在天涯» («Солнце садится на западе, люди с разбитым сердцем находятся на краю света»), чтобы выразить состояние упадка в конце жизни.

В китайской философии символ «Инь – восток» – представляет собой весну, когда все оживает, – это символ жизни, а «Ян – запад» – осень, когда все увядает, погибает [Лю Цзин, 2019, с. 22-24].

В китайском языке «东风» («Восточный ветер») означает весенний бриз, что используется как метафора важных или значимых событий, таких как «万事俱备, 只欠东风» («Все готово, остается только восточный ветер»), а иногда обозна-

чает подходящее время для начинаний, например: «改革的东风» ('Восточный ветер реформ') – «Конг Мин позаимствовал восточный ветер». В свою очередь, «西风» ('Западный ветер') означает «осенний ветер», эта метафора часто использовалась древними поэтами для выражения сентиментальной, грустной осени и отражения печальных эмоций:

«О западный ветер,
Скажи мне,
Скажи на милость,
Зачем ты их всех
Пригоняешь к моей подушке?»
[Лю Дайбай]

С точки зрения порядка старшинства, в сознании китайцев понятия «восток выше запада», а «лево выше права» – сходны. Китайцы считают, что «山南水北谓之阳» ('Юг от гор и север от воды назы-

ваются Ян'), поэтому большинство зданий в Китае выходят фасадом на юг. За обеденным столом важные гости сидят лицом к югу слева, то есть к востоку. Китайские выражения «做东» ('Быть хозяином; платить за угощение') и «东道主» ('Страна-хозяйка; Государство-устроитель, организатор') также свидетельствуют о важности указания Востока в традиционных китайских культурных концептах.

Степень языковой сочетаемости «востока-запада-юга-севера» демонстрирует тенденцию к порядковому уменьшению значимости. При построении фраз слово «восток» будет всегда первым, в то время как «запад» присутствует только в двух позициях, соответственно, «юг» – в единичных случаях, а «север» отсутствует (см. табл. 1).

Таблица 1.

Соотношение пространственных значение сторон света в языковом сочетании

东: 东→西 东→南 东→北 西: 西→南 西→北 南: 南→北 北: X	Восток	восток – запад	восток – юг	восток – север
	Запад	запад – юг	запад – север	×
	Юг	юг – север	×	×
	Север	×	×	×

«Восток» обладает самой сильной комбинационной способностью и может сочетаться с любым другим азимутом, а «Север» может по-

являться только после других слов. Приведем примеры:

东西 (Восток – запад): 这条河流是东西流向 – Эта река течет с востока на запад.

东北 (Восток – север): 东北的冬天漫长而寒冷, 常常有漫天飞舞的雪花 – Зима на северо-востоке долгая и холодная, в небе часто летают снежинки.

东南 (Восток – юг): 东南风吹来了芬芳的花香 – Юго-восточный ветер доносил благоухающий цветочный аромат.

西南 (Запад – юг): 这条河流向西南汇入大西洋 – Река течет на юго-запад в Атлантический океан.

西北 (Запад – север): 西北的夜空, 繁星闪烁, 似乎在诉说着一段古老而浪漫的故事, 让人陶醉在这神奇的意境之中 – Ночное небо на северо-западе с мерцающими звездами, кажется, рассказывает древнюю и романтическую историю, заставляя людей погружаться в этот волшебный художественный образ.

В буддизме Запад – это чистая земля блаженства, куда люди отправляются после смерти. Поэтому о смерти часто говорят как о «驾鹤西去» ('движении журавля на запад'), «归西» ('возвращении на запад') и «上西天» ('переходе на Запад').

В гендерном значении, подобно понятию «левое и правое», «Восток» символизирует мужчин, а «Запад» – женщин. Например, в древние времена название «东宫» ('Восточный дворец') относилось к месту, где жил принц (наследник

императора), «西宫» ('Западный дворец'), где жили жены императора; «西厢» ('Западное крыло') также определяет место, где жили женщины, именно это словосочетание постоянно использовалось в художественных произведениях для обозначения дворцовых помещений для женщин. Так в романе Юань Чжэня «莺莺传» ('Легенда об Иньин'), написанном во времена династии Тан, мы читаем: “待月西厢下, 迎风户半开, 隔墙花影动, 疑是玉人来” ('Луна перемещается в западную сторону, дверь с наветренной стороны полуоткрыта, за стеной тень цветов шевелится, кажется, что любимая дама подошла'). Под западной стороной подразумевается дворец героини Иньин [Юань Чжэнь, 2020]. В драме Ван Шифу «西厢记» ('История западного флигеля') Западный флигель – это одновременно и дворец героини Иньин, а также место, где главные герои встречаются наедине (Инь Жун. «Образ Западного Флигеля». Газета: *Guangming Daily*, 2020, 17 фев., 13-е издание).

Поскольку Китай расположен на востоке земного шара, понятие «东方» («Восток») является и символом Китая. Этот концепт присутствует во многих культовых наименованиях: «东方红» – Дунфанхун ('Заалел восток') – название революционного фильма и первого искусственного китайского спутника Земли (Дунфанхун-1); в

тексте песни, фраза «Красное солнце встает на Востоке, его улицы полны сияния...» – иносказательно говорится о Китае.

Несмотря на отсутствие конкретных определений, связанных с концептами «Восток» и «Запад» в сочетании с пространственным местоположением «правый» и «левый», в языковой культуре Китая, тем не менее имплицитно присутствует понимание гендерных разделений в пространственных понятиях и сопряженных с ними контекстов.

Концепт «Востока» и «Запада» в русском языке. Россия территориально расположена на пересечении Востока и Запада, поэтому она так или иначе оказывалась под влиянием культур стран Азии и Европы. И тем не менее она имеет собственную культуру, не относящуюся напрямую к восточной или западной: «Мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого» [Чаадаев, 2006, с. 21-22].

В православных храмах алтарь расположен на восточной стороне, олицетворяя эту сторону с восходом солнца, источником тепла и света (в «Священном писании» Иисуса Христа называют «Солнцем правды»); главный вход чаще всего располагается на западе (исключения бывают крайне редки и, как правило, они связаны с тем, что церкви размещались в зданиях, не связанных с христианскими устоями, например: в деревенских избах,

музеях, клубах и т. п.). Над входом в церковь изображались сцены Страшного суда: с позиции христианства, «Запад» олицетворяет суд, определяющий после смерти новопреставленную душу в рай или ад.

Оппозиция «Восток – Запад» соответствует в русской речи лексическим парам: «правый – левый», «мужской – женский», «хороший – плохой». В этой бинарности Восток символизирует «святость, праведность, справедливость, благополучие и изобилие, жизненность, изначальность», а Запад – «нечистоту, несправедность, бедствие, смертность, завершенность»; «если идти все время на Запад, можно дойти до ада, а на Восток – дорая». Восток связывался с понятием начала, а Запад – конца [Славянские древности ... , 1995, с. 445].

В русском фольклоре «Восток» символизирует мир, счастье и успех, а «Запад» – несчастье, неудачу и смерть. Примерами могут служить некоторые суеверия: «Если кошка лежит мордой к востоку и умывается, то это предвещает хорошую погоду, если же к западу – то дурную»; «Если при рождении голова теленка обращена к востоку – он доживет до зрелого возраста, если к западу – падёт».

В бытовых ситуациях смысловые отношения пространственного местоположения также имели свое значение: на праздничном застолье по случаю свадьбы молодые сидели с восточной стороны; по правую руку от главы семейства за столом

сидел старший сын или следующий по старшинству.

В русских сказках левая сторона символизировала злую силу: «налево пойдёшь – смерть найдёшь», «левый царь – недобрый царь, левая часть – подземное царство» [Колесов, 2023, с. 113].

Исконно фольклорным представлением о сторонах света является фразеологизм «На все четыре стороны», который часто встречается в русских сказках, отражая представление о естественно-научном миропонимании народов России. Семантическое значение этой фразы таково: «открытый мир, свободное пространство, вольная ширь». В повседневной речи этот фразеологизм имеет негативный оттенок, так говорят, когда хотят отделаться от неприятного человека: «Ну, ежели (если) тебе не по нраву здесь, можешь идти на все четыре стороны» [Цит. по: Мокиенко, Фелицина, 1990, с. 139].

Доминирующей парой считается сочетание «Восток – Запад», фиксирующее направление перемещения солнца, а пара «Север – Юг» имела второстепенное значение. Исходя из пространственного положения частей света, как и все народы мира, русские определяют природные явления идентично: «восход солнца на востоке и закат солнца на западе». Однако, в отличие от китайского языка, в словосочетаниях этих понятий в русском языке, первоначально указывается «Север» и «Юг» (северо-восток,

северо-запад, юго-восток, юго-запад), в то время как китайцы главными ориентирами считают «Восток» и «Запад».

Сравнительный анализ концептов «Запад» и «Восток» также выявил значительные различия семантической интерпретации. Так, в русской языковой культуре использование этих оппозиций представлено в культовой православной архитектуре и иконописи, повседневной жизни, быту, фольклоре. Противопоставление проявляется в определении пространственного направления, гендерных характеристик, нравственной оценки, качестве жизни. В китайской культуре эти языковые единицы наиболее частотны в философско-религиозных представлениях о начале и завершении жизни, жизненной энергии человеческого тела, гостевом этикете, архитектурных постройках, кроме того, они нередко выступают в роли символов и метафор важных событий.

Заключение

В сознании каждого человека присутствует представление пространства как визуальной среды, в которой он себя воспринимает одновременно и как субъекта, и как материального объекта. При этом в сформировавшейся картине мира пространственные концепты помогают ему, прежде всего, вербализировать свое положение относительно других объектов с тем, чтобы определить местоположение, и

только во вторую очередь – «одушевить» эти понятия в культурном контексте. Такой алгоритм осознания пространственных понятий обусловлен многими факторами развития культуры как социального феномена. Коллективное сознание народов включало в понимание пространственного положения объектов множество аспектов: природное окружение, местоположение в пространстве, гендерные отличия, особую характеристику и качества человека, эτικο-нравственные устои национального самосознания (отраженные в религии, философии, мифологии и фольклоре). Семантическая оппозиция данных понятий отражает физические («верх – низ», «правое – левое», «Восток – Запад», «женщина – мужчина», «жизнь – смерть» и др.) и духовные («правда – кривда», «добро – зло», «ад – рай» и т. п.) компоненты, существующих в сознании народов представлений как о пространственной модели мира, так и аксиологическом аспекте миропонимания, что является универсальным феноменом национально-культурного своеобразия языкового сознания.

Выделенные в настоящем исследовании концептуальные понятия «правый» и «левый», «Запад» и «Восток» позволили выявить в язы-

ковых картинах мира Китая и России специфику функционирования этих единиц, а также обобщить их содержание в культурной символике народов. Выступая в роли устойчивых понятий, они отражают бинарную композицию языкового сознания, которая, в свою очередь, представляет собой концептуальное единство, выполняя важные функции и в мировоззрении, и в понимании иерархического мироустройства, составляя красочную языковую картину мира двух народов.

Результаты сопоставительного анализа показали, что концепты пространственных направлений в языковых культурах Китая и России имеют как сходства, так и различия. Несомненное сходство обнаруживается в признании первичности природы, проявлении уважения к ней; в понимании этих культурных концептов с позиции традиций, обычаев, этических, моральных норм и оценок. В процессе межкультурной коммуникации это проявляется и фиксируется в конкретных ситуациях общения, содержательных аспектах речи, что непременно должно учитываться в переводческом дискурсе, это может помочь коммуникантам избежать поведенческих и речевых недоразумений.

Библиографический список

1. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян: Поэт. Воззрения славян на природу: в 3 т. Том 3 / сост., подгот. текста и коммент. К. Королев. Москва : Эксмо; Санкт-Петербург : Terra Fantatica, 2002. 765 с.
2. Бирелл А. Китайские мифы / пер. с англ. М. Звонарева. Москва : ФАИР-Пресс, 2005. 128 с.

3. Верещагин Е. Язык и культура / Е. Верещагин, В. Костомаров. Москва : Русский язык, 1990. 246 с.
4. Греческий философ показывает князю Владимиру «запону» с изображением Страшного суда. Миниатюра Радзивиловской летописи. Владимир Святой. Алексей Юрьевич Карпов. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Vladimir-Svyatoyi.64.html> (дата обращения: 24.04.2024).
5. Даль В. И. Пословицы русского народа : [2-х томах]. Москва : Академический проект, 2018. 1228 с.
6. Киселева И. В. Правый и левый в пословицах и приметах // Язык и образы фольклора: научный академический журнал Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина и Российской академии наук. 2011. №6. С. 94-97.
7. Колесов В. В. История русского языка в рассказах. Санкт-Петербург : Ломоносовъ, 2023. 208 с.
8. Каталог гор и морей. Шань хай цзин : лит. Памятник / пред., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. 2-е изд., испр. Москва : Наталис : Рипол Классик, 2004. 326 с.
9. Кошелев А. Д. Еще раз о значении имени существительного // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. Москва : Языки русской культуры, 2000. С. 38-47.
10. Книга о Пути жизни. Дао-Дэ цзин. Текст с комментариями и объяснениями / Лао-цзы; издание подготовлено Вл. Малявиным / пер. с кит.; сост., пред., ком. Вл. Малявина. Москва : АСТ, 2017. 249 с.
11. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. Москва : Языки русской культуры, 2000. С. 84-92.
12. Лю Дайбай. Стихи. О западный ветер... / пер. Л. Е. Черкасского. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=678 (дата обращения: 10.05.2024).
13. Мокиенко В. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь / В. Мокиенко, В. Фелицина. Москва : Русский язык, 1990. 220 с.
14. Приметы для беременных. URL: <https://prisnilos.su/primeti/beremennost.html> (дата обращения: 07.05.2024).
15. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1 / под общ. ред. Н. И. Толстого. Москва : Международные отношения, 1995. 687 с.
16. Спешнев Н. А. Вступительная статья // Цицай Фэн «Чудаки»: книга для чтения на китайском языке / пер. Н. А. Спешнева. Санкт-Петербург : КАРО, 2017. 288 с.
17. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. Москва : Наука, 1983. 299 с.
18. Чаадаев П. Я. Философические письма (сборник). Письмо первое. Москва : Эксмо, 2006. 763 с.
19. Бай Лиин. Различия и сходства между русским и китайским языками и культурами с точки зрения концепта «левого и правого» направления // Фуцзяньское общество иностранных языков и литератур : материалы ежегодной конференции и симпозиума (Publisher unknown), 2009. С. 900-908.

20. Бо Цзин. «Левые» и «правые» в картине мира русского языка // Молодые литераторы. 2013. № 26. 124 с.

21. Дин Синь. Концепт левого и правого превосходства и неполноценности и его отражение в русском языке // Изучение иностранных языков. 1998. № 01. С. 41-45.

22. Лю Шэньфэй. Сопоставление концептов правого и левого превосходства и неполноценности в китайском и русском языках и культуре // Success (Education). 2007. № 06. С. 136-137.

23. Лю Цзин. Исследование конспиративной категории «левых» и «правых» кросс-культурных репрезентаций // Журнал Цилиньского университета радио и телевидения. 2019. № 11. С. 22-24.

24. Учебник китайского языка. Китайский язык. Том 1 для первого класса / гл.ред. Вэнь Жуминюм. Пекин : Народная образовательная пресса, 2016. 120 с.

25. Юань Чжэнь (династия Тан). Легенда об Инъин [М]. Корпорация «Китайская онлайн-цифровая издательская группа», 2020: Глава 1 (из 3). URL: <https://weread.qq.com/web/bookDetail/b2c324b0592914b2c33659b?wfrom=sys> (дата обращения: 01.05.2024).

26. Samovar L. A., Samovar McDaniel, Porter R. E. Communication between cultures Wadsworth / Thomson Learning, 2004. 370 p.

Reference list

1. Afanas'ev A. N. Mify, pover'ja i sueverija slavjan: Pojet. Vozzrenija slavjan na prirodu = Myths, beliefs and superstitions of the Slavs: Poet. The Slavs' views on nature : v 3 t. Tom 3 / sost., podgot. teksta i komment. K. Korolev. Moskva : Jeksmo; Sankt-Peterburg : Terra Fantatica, 2002. 765 s.

2. Birell A. Kitajskie mify = Chinese myths / per. s angl. M. Zvonareva. Moskva : FAIR-Press, 2005. 128 s.

3. Vereshhagin E. Jazyk i kul'tura = Language and culture / E. Vereshhagin, V. Kostomarov. Moskva : Russkij jazyk, 1990. 246 s.

4. Grecheskij filosof pokazyvaet knjazju Vladimiru «zaponu» s izobrazheniem Strashnogo suda. Miniatury Radzivilovskoj letopisi. Vladimir Svjatoj. Aleksej Jur'evich Karpov = The Greek philosopher shows Prince Vladimir "zapona" with the picture of the Last Judgment. A Miniature of the Radzivil Chronicle. Vladimir the Saint. Alexei Yurievich Karpov. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Vladimir-Svyatoyi.64.html> (дата обращения: 24.04.2024).

5. Dal' V. I. Poslovicey russkogo naroda = Proverbs of the Russian people : [2-h tomah] / V. I. Dal' . Moskva : Akademicheskij proekt, 2018. 1228 s.

6. Kiseleva I. V. Pravyj i levyj v posloviceah i primetah = Right and left in proverbs and superstitions // Jazyk i obrazy fol'klora: nauchnyj akademicheskij zhurnal Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN, Gosudarstvennogo instituta russkogo jazyka im. A. S. Pushkina i Rossijskoj akademii nauk. 2011. №6. S. 94-97.

7. Kolesov V. V. Istorija russkogo jazyka v rasskazah = The history of the Russian language in stories. Sankt-Peterburg : Lomonosov', 2023. 208 s.

8. Katalog gor i morej. Shan' haj czin : lit. Pamjatnik = A catalog of mountains and seas. Shan hai jing : a literary monument / pred., per. i komment. Je. M. Janshinoj. 2-e izd., ispr. Moskva : Natalis : Ripol Klassik, 2004. 326 s.

9. Koshelev A. D. Eshhe raz o znachenii imeni sushhestvitel'nogo = Once again about the meaning of the noun // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv / otv. red. N. D. Arutjunova, I. B. Levontina. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 38-47.
10. Kniga o Puti zhizni. Dao-Dje czin. Tekst s kommentarijami i objasnenijami = The book about the Path of life. Tao-De Ching. The text with comments and explanations / Lao-czy; izdanie podgotovleno Vl. Maljavinyim / per. s kit.; sost., pred., kom. Vl. Maljavina. Moskva : AST, 2017. 249 s.
11. Kubrjakova E. S. O ponjatijah mesta, predmeta i prostranstva = On the concepts of place, object and space // Logicheskij analiz jazyka. Jazyki prostranstv / otv. red. N. D. Arutjunova, I. B. Levontina. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S. 84-92.
12. Lju Dajbaj. Stihi. O zapadnyj veter... = Poems. Oh the western wind... / per. L. E. Cherkasskogo. URL: https://chinese-poetry.ru/poems.php?action=show&poem_id=678 (data obrashhenija: 10.05.2024).
13. Mokienko V. Russkie frazeologizmy: Lingvostranovedcheskij slovar' = Russian phraseological units. Linguocultural dictionary / V. Mokienko, V. Felicina. Moskva : Russkij jazyk, 1990. 220 s.
14. Primety dlja beremennyh = Superstitions for the pregnant. URL: <https://prisnilos.su/primeti/beremennost.html> (data obrashhenija: 07.05.2024).
15. Slavjanskije drevnosti: jetnolingvisticheskij slovar' = Slavic antiquities: ethnolinguistic dictionary : v 5 t. T. 1 / pod obshh. red. N. I. Tolstogo. Moskva : Mezhdunarodnye otnoshenija, 1995. 687 s.
16. Speshnev N. A. Vstupitel'naja stat'ja = Introductory article // Czicaj Fjen «Chudaki»: kniga dlja chtenija na kitajskom jazyke / perev. N. A. Speshneva. Sankt-Peterburg : KARO, 2017. 288 s.
17. Toporov V. N. Prostranstvo i tekst = Space and text // Tekst: semantika i struktura. Moskva : Nauka, 1983. 299 s.
18. Chaadaev P. Ja. Filosoficheskie pis'ma (sbornik). Pis'mo pervoe = Philosophical letters (collection). Letter one. Moskva : Jeksmo, 2006. 763 s.
19. Baj Liin. Razlichija i shodstva mezhdu russkim i kitajskim jazykami i kul'turami s točki zrenija koncepta «levogo i pravogo» napravlenija = Differences and similarities between Russian and Chinese languages and cultures in terms of the concept “left and right” directions // Fuczjan'skoe obshhestvo inostrannyh jazykov i literatur : Materialy ezhegodnoj konferencii i simpoziuma (Publisher unknown), 2009. S. 900-908.
20. Bo Czin. «Levyje» i «pravye» v kartine mira russkogo jazyka = “Left” and “right” in the Russian linguistic worldview // Molodye literatory. 2013. № 26. 124 s.
21. Din Sin'. Koncept levogo i pravogo prevoshodstva i nepolnocennosti i ego otrazhenie v russkom jazyke = The concept of left and right superiority and inferiority and its reflection in the Russian language // Izuchenie inostrannyh jazykov. 1998. № 01. S. 41-45.
22. Lju Shjen'fjej. Sopostavlenie konceptov pravogo i levogo prevoshodstva i nepolnocennosti v kitajskom i russkom jazykah i kul'ture = Comparing the concepts of right and left superiority and inferiority in Chinese and Russian languages and culture // Success (Education). 2007. № 06. S. 136-137.
23. Lju Czin. Issledovanie konspirativnoj kategorii «levyh» i «pravyh» kross-kul'turnyh reprezentacij = Exploring the conspiratorial category of “left” and “right”

cross-cultural representations // Zhurnal Czilin'skogo universiteta radio i televidenija. 2019. № 11. S. 22-24.

24. Uchebnik kitajskogo jazyka. Kitajskij jazyk. Tom 1 dlja pervogo klassa = Textbook of the Chinese language. The Chinese Language. Volume 1 for the first grade / gl. red. Vjen' Zhuminom. Pekin : Narodnaja obrazovatel'naja pressa, 2016. 120 s.

25. Juan' Chzhjen' (dinastija Tan). Legenda ob In#in [M]. = Yuan Zhen (Tang Dynasty). Legend of Yingying [M]. Korporacija «Kitajskaja onlajnovaja cifrovaja izdatel'skaja grupa», 2020: Glava 1 (iz 3). URL: <https://wread.qq.com/web/bookDetail/b2c324b0592914b2c33659b?wfrom=sys> (data obrashhenija: 01.05.2024).

26. Samovar L. A., Samovar McDaniel, Porter R. E. Communication between cultures Wadsworth / Thomson Learning, 2004. 370 p.

Статья поступила в редакцию 19.06.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 19.06.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024

Научная статья
УДК 378.145.3:316
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-101
EDN AUUVZG

**Медиатекст как продукт искусственного интеллекта:
основные направления междисциплинарных исследований**

Светлана Сергеевна Распопова

Доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций им. М. Ф. Ненасева, Московский политехнический университет, г. Москва

ccpmiass@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4169-7361>

Аннотация. Традиционно медиатекст рассматривается коммуникативистами, медиалингвистами, лингвопсихологами как часть массовой информации, которая обладает определенной текстовой модальностью, особым типом автора, спецификой канала распространения информации, адресованной массовой аудитории. С активным использованием искусственного интеллекта в производстве информационного контента круг исследований медиатекста заметно расширился, придав ему междисциплинарный характер: лингвистика, психология, философия, информационные технологии, этика, право. Одним из приоритетных направлений становится проблема авторства. Рассмотрению феномена автора медиатекста новостного формата, созданного ИИ, посвящены уже многочисленные исследования. Они касаются автоматизированного алгоритма, который применяется для оперативного освещения новостей, сбора, хранения и канализации информации, подходам к генерации текстов на заданные темы. В ближайшей перспективе в повестку дня встанет вопрос об авторе медиатекстов публицистического стиля. В связи с этим уже сегодня намечается необходимость исследовать возможные этические риски, так как автором очерка, репортажа, интервью, рецензии может стать не человек как производитель речи и ее субъект, а технологии, которые не способны создавать оригинальные тропы и фигуры речи. Поэтому этика искусственного интеллекта сегодня является одним из важных направлений техноэтики, лигвоэтики и профессиональной этики журналиста. Деятельность искусственного интеллекта приобретает сегодня творческий характер, который исторически рассматривался только применительно к человеку, а новые условия функционирования медиатекстов с учетом практики применения ИИ ставят перед исследователями вопрос об объектах авторских прав, созданных искусственным интеллектом.

Ключевые слова: медиатекст; искусственный интеллект; автор; информационный контент; техноэтика; профессиональная этика журналиста; объекты авторских прав

© Распопова С. С., 2024

Для цитирования: Распопова С. С. Медiateкст как продукт искусственного интеллекта: основные направления междисциплинарных исследований // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 3 (21). С. 101-118. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-101>. <https://elibrary.ru/AUUVZG>.

Original article

Media text as an artificial intelligence product: the main directions of interdisciplinary research

Svetlana S. Raspopova

Doctor of philology, professor, department of journalism and mass communications named after M. F. Nenashev, Moscow polytechnic university, Moscow
ccpmiass@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4169-7361>

Abstract. Traditionally, media text is viewed by communication researchers, media linguists, and linguo-psychologists as part of mass information, possessing a certain textual modality, a special type of author, and a specific channel for spreading information addressed to general public. Due to the active use of artificial intelligence in producing information content, the range of media text research has expanded considerably, making it interdisciplinary: linguistics, psychology, philosophy, information technologies, ethics, and law. The problem of authorship is becoming a priority. Numerous studies have already been devoted to the issue of the author of a news-format media text created by an AI. They concern an automated algorithm that is used for prompt news coverage, collecting, storing and channeling information and approaches to generating texts on given topics. In the near future, the issue of the journalistic media texts' author will be on the agenda. In this regard, it is necessary to study possible ethical risks, since the author of an essay, report, interview, or a review may become not a human being as a producer of speech and its subject, but technologies that are not capable of creating original tropes and speech figures. Therefore, the artificial intelligence ethics is now one of the important areas of technoethics, linguoethics and journalist professional ethics. The work of artificial intelligence today has acquired a creative character, which historically was regarded only in relation to humans, and the new conditions of media texts functioning raise the question of copyright objects created by artificial intelligence, taking into account its practical application.

Key words: media text; artificial intelligence; author; information content; technoethics; journalist's professional ethics; copyright objects

For citation: Raspopova S. S. Media text as an artificial intelligence product: the main directions of interdisciplinary research. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 3(21): 101-118. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-101>. <https://elibrary.ru/AUUVZG>.

Введение

Техника и технологии социаль-
ны по своей природе, потому что

они меняют мир и способ мышле-
ния людей. Печатный станок, со-
зданный Иоганом Гутенбергом,

изобретение радио, телевидение, интернета внесли кардинальные изменения в деятельность человека. В 1953 году немецкий философ Мартин Хайдеггер в своей работе «Вопрос о технике» сказал о том, что в технике нет ничего технического, и что техника имеет человеческую суть, поскольку именно человек делает такой, какой она является миру. Хайдеггер, опровергая суждения об угрозе человеку со стороны техники и технического прогресса, отмечал, что в технике нет никакого демонизма, вместе с тем существо техники двусмысленно. С одной стороны, техника постоянно совершенствуется, за счет чего происходит наращивание производства, с другой стороны, сдерживает это производство, которое может нести угрозу миру. Изобретение искусственного интеллекта (*далее ИИ*) кардинальным образом может изменить функционирование сложившихся социальных институтов. Отсюда многочисленные дискуссии в обществе о рисках и перспективах ИИ, которые ставят перед исследователями из разных научных сфер новые задачи. Активно обсуждаются те изменения, которые уже произошли или могут произойти в ближайшем будущем в медицине, на транспорте, в образовании, в сфере управления и др. В контексте данной статьи мы приняли попытку рассмотреть основные направления исследований медиатекстов, созданных ИИ.

Свой анализ мы не ограничили современным периодом, когда к использованию ИИ научное сообщество стало проявлять большой интерес. Мы посчитали для себя необходимым также проанализировать направления исследований особенностей медиатекстов, при создании которых человек всегда тесно взаимодействовал с технологиями.

Цель статьи – показать аспекты научных дискуссий об использовании технологий в медийной практике, которые могут сегодня поднять проблему использования ИИ при создании медиатекста на уровень осмысления академическим и профессиональным сообществом проблемы взаимодействия человека и техники и, тем самым выработать необходимые рекомендации.

Методы исследования

Медиатекст – это целостная система, вместе с тем его системные характеристики являются объектом исследований разных областей научных знаний: коммуникативистики, журналистики, лингвистики, стилистики, этики, социологии, психологии, стилистики, культурологии, права. Междисциплинарность медиатекста обуславливает использование нами системного подхода, и в его рамках типологического и системно-структурного методов исследования. Типологический и системно-структурный методы позволяют выделить и охарактеризовать направления исследований медиатекста по институ-

циональному типу, способу производства, каналу распространения, форме создания и по предмету установления связей.

Источниковая база исследования. В своей работе мы использовали:

– международные акты (например: «Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений» от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979).

– нормативно-правовые акты: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ, закон РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-I «О средствах массовой информации», Указ Президента РФ № 124 от 15.02.2024 г. «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом».

– этические нормативные документы: медиаэтический стандарт Общественной коллегии по жалобам на прессу от 01.09.2021, Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России 23 июня 1994. Данные материалы предоставляют возможность изучить понятийный аппарат правового и этического регулирования СМИ и журналистики. Кроме того, анализ данной группы источников позволит выявить особенности положения «автора» в системе

правовых отношений, возникших в истории развития авторского права;

– труды Г. Я. Солганика, Н. С. Валгиной, Т. Г. Добросклонской, Л. Е. Кройчика, Е. Л. Варгановой, Г. В. Лазутиной и др.

Дискуссии

Научные исследования феномена текста в доинтернетовскую эпоху в основном касались разных аспектов функционирования единого текстового пространства, состояния его формальных и содержательных структур. Текст также рассматривался как результат речетворческого процесса, который завершен и объективирован в виде материального носителя (письменного документа).

Ю. М. Лотман, И. Р. Гальперин, Н. С. Валгина и другие исследователи отмечали его коммуникативную направленность. Текст как единица коммуникативного процесса может существовать в пространстве массовых коммуникаций, потому что одной из важных его функций является удовлетворение коммуникативных потребностей людей. В советский период в практике отечественных исследований термин «массовые коммуникации» отсутствовал, вместо него использовался термин «средства массовой информации». Термин «СМИ» закреплен на законодательном уровне. Так, в законе РФ «О средствах массовой информации» (1991) под СМИ понимается «печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, ви-

деограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)» [Федеральный закон от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.12.2019) «О средствах массовой информации»].

Кроме того, в России средства массовой информации достаточно продолжительное время отождествлялись с журналистикой. Например, в исследованиях известного теоретика журналистики Е. П. Прохорова синонимом журналистики выступают средства массовой информации, это исследователи связывают с тем, что «одной из существенных стала особенность развития академических подходов в России – традиции приоритетного внимания к журналистике, понимавшейся в условиях идеологически детерминированной публичной коммуникации и как инструмент работы с общественным мнением, и как творческая профессия, вокруг которой сформировалась газетно-издательская и телерадиовещательная система» [Варганова, 2020, с. 13]. Е. Л. Варганова, рассматривая особенности сложившихся академических и профессиональных представлений о характере массовой коммуникации, констатировала неразрывную связь текстовой деятельности человека, которая всегда направлена на отображение действительности, с выпуском книги, газеты, журнала, благодаря феноменологической природе которых на

страницах печатного издания фиксируются и отражаются самые сложные и разноплановые процессы материального и духовного мира.

Термин «медiateкст» вошел в научный оборот отечественных исследователей после того, как в медийном сообществе сложилось представление о медиа не как средстве распространения информации или средстве коммуникации, а как о коммуникационном процессе, охватывающем все сферы жизни общества. Но этому предшествовал довольно продолжительный период времени, когда центральной категорией массовой коммуникации оставался текст. Здесь важно заметить, что текст как связное речевое высказывание был воспринят научным сознанием тоже не сразу, а лишь, когда стал тиражироваться и массово распространяться.

В современном языкознании существуют разные подходы к исследованию текста, это обусловлено многообразием сфер его употребления. В аспекте данной статьи предметом нашего внимания является текст как коммуникативная единица высшего порядка, посредством которой осуществляется речевое общение. Сошлемся на Н. С. Валгину, по мнению которой «в тексте заключена речемыслительная деятельность пишущего (говорящего) субъекта, рассчитанная на ответную деятельность читателя (слушателя), на его восприятие» [Валгина, 2003, с. 6]. Г. Я. Солганик характеризует текст как один из сложнейших объ-

ектов изучения, многоаспектный и практически и теоретически неисчерпаемый [Солганик, 2005]. Выдвижение в центр интересов лингвистики и других гуманитарных наук исследователь объясняет тем, что в нем скрещивается действие всех факторов, формирующих речь, речевое общение.

Текст является не только предметом анализа языковых единиц, он рассматривается в рамках междисциплинарных исследований разных направлений: семиотических, стилистических, психолингвистических, коммуникативно-прагматических и др. Он анализируется со стороны структурных (как лингвистический объект) и содержательных категорий (с позиции отражения в тексте действительности). В исследованиях акцент делается на установлении границ между текстуальностью и действительностью. О. С. Гилязова объясняет эту тенденцию введением в научный словарь термина «дискурс», который с развитием коммуникаций теряет свою лингвистическую определенность и приобретает статус междисциплинарного методологического принципа социально-гуманитарного знания [Гилязова, 2007]. Исследование текста сопряжено также с рассмотрением категории «авторства». В отдельную группу исследований важно отнести труды, рассматривающие категорию «модальности», которая выражает отношение автора к тому, что он сообщает. Субъ-

ективная авторская модальность текста анализируется со стороны структурных и содержательных категорий. Структурные категории представляют текст как лингвистический объект, а содержательные категории определяют процесс отражения в тексте объективной действительности.

В контексте сказанного важно отметить, что в тысячелетней истории человечества можно проследить *два разновекторных процесса*. *С одной стороны*, преобразование коллективного (фольклорного) автора в индивидуального творца, обладающего конкретным духовным опытом, знаменует собой движение в сторону персональной авторской ответственности за высказывание. Благодаря чему в тексте звучат сугубо индивидуальные интонации автора, через которые текст приобретает смысловую целостность как фрагмент культуры. *С другой стороны*, после прохождения текста по каналам массовой коммуникации он освобождается от автора, который теряет свою связь с текстом. Печатный станок сделал книги, журналы, газеты доступными широким массам и открытыми для их интерпретаций. Благодаря чему текст в определенном смысле утратил свою сакральность, а чтение литературы позволило простым людям развить свое мировоззрение, которое способствовало в дальнейшем реформированию и общественного порядка, и экономического уклада жизни.

Таким образом, широкое толкование текста продиктовано его многоаспектностью. В изучении природы текста наряду с сугубо лингвистическими подходами еще в доинтернетовскую эпоху стали использоваться коммуникативный, дискурсивный подходы, тем самым подчеркивая междисциплинарный характер в исследовании феномена текста, а также феноменологический подход к анализу печатного издания, который показывает неразрывную связь текста с каналом его распространения. Все это подчеркивает диалектическую взаимосвязь текста с технологиями, которая носит глубинный характер.

Медиа и медиатекст

В контексте сказанного выше отметим, что медиатекст как термин оформился относительно недавно. Он впервые появился в англоязычных источниках в конце XX века, во многом благодаря развитию таких каналов коммуникации как радио, телевидение, интернет. М. Маклюэн, Ю. Хабермас ввели в научный оборот термин «медиа» как средство коммуникации, используемое в его связях с человеком. Стремительное развитие информационных технологий привело к усилению влияния средств массовой коммуникации на социум, текст-продукт трансформировался в текст-процесс. Сошлемся на Т. Г. Добросклонскую, которая отмечает, что текст при переносе в сферу медиа расширяет

свои границы и, имея сложный комплексный характер, становится объектом междисциплинарных исследований. «Здесь концепция медиатекста выходит за пределы знаковой системы вербального уровня, приближаясь к семиотическому толкованию понятия “текст”, которое подразумевает последовательность любых, а не только вербальных знаков <...> уровень массовой коммуникации придает понятию “текст” новые смысловые оттенки, обусловленные медийными свойствами того или иного средства массовой информации» [Добросклонская, 2005, с. 28]. Т. Г. Добросклонская вводит понятие «коммуникативного фона», которое по своей направленности близко категории “дискурса” как сложного коммуникативного явления, которое дает представление о контексте, участниках коммуникации, особенностях производства, распространения и восприятия информации, культурно-идеологическом фоне» [Добросклонская, 2005, с. 30].

Здесь важно заметить, что медиатекст своим появлением нарушил монополию журналистского текста, который долгое время практически единолично транслировал происходящие события через СМИ. И хотя в исследовании авторской деятельности журналиста бытовало понятие «журналистский текст», фактически объектом изучения был не текст, а дискурс как социально упорядоченный механизм порождения

дения речи в контексте ситуативных условий функционирования.

Присутствие в современной медиапрактике одновременно двух понятий «медiateкст» и «журналистский текст» обусловлено тем, что при общей близости – воплощение реальности – у них разное назначение. Медiateкст более широкое понятие, которое обозначает разные типы текстов, среди которых есть и журналистский текст, который несет знание оперативного назначения. Журналистский текст может рассматриваться как один из типов знания, вырабатываемого специальной отраслью информационного производства. Журналистский текст несет в себе оперативное знание об изменениях действительности, благодаря чему происходит социальная ориентация людей в обществе. Поэтому профессиональный долг журналиста как автора текста – гарантировать людям получение достоверной информации, честно отображая объективную реальность.

Медiateкст – это текст в действии, в основе которого лежит механизм взаимодействия между адресатом и адресантом. Объектом исследователей медиа являются дискурсивные практики журналистики – нормы, которые дают правовую и этическую регуляцию действиям журналистов при создании ими текстов. «Значимыми дискурсивными практиками, идентифицирующими журналистику, являются, во-первых, отбор тем по признаку

актуальности и общественной значимости для публикации в прессе. Во-вторых, практики выявления и обнаружения разных мнений аудитории по заявленным информационным поводам. В-третьих, практики соблюдения жанровых признаков в газетных и журнальных текстах или практики устойчивой, четко структурированной организации нарратива радио- и телепрограммы» [Чепкина, 2011, с. 83]. А также диалоговые особенности текста, который рассматривается как «факт и условие социального общения». Обратимся к исследованиям Л. Е. Кройчика, который выделяет и анализирует *ресурсы организации диалога в публицистическом тексте*:

- равноправие участвующих в коммуникативном процессе сторон;
- релевантность – соответствие текста интересам аудитории;
- декодируемость сообщения, содержащегося в тексте;
- конвенционность – интерес аудитории к точке зрения автора (более общо – к личности автора или к источнику информации);
- понимание того, что интересы аудитории учтены автором [Кройчик, 2015].

Исследователи и практики медиа отмечают, что основой авторской деятельности журналиста является духовный опыт, который журналист черпает из своего активного взаимодействия с конкретной действительностью. Журналистское творчество как специали-

зированный вид творчества относится к духовно-практической деятельности. Журналист в процессе познания действительности всегда исходит из своих ценностных представлений о мире, он всегда субъект – человек, управляющий своей деятельностью. Идея журналистского произведения – это информация о системе ценностей, на которые опирается журналист, интерпретируя происходящее. Сошлемся на Г. В. Лазутину, по мнению которой благодаря этому адресат публикации получает возможность соотносить их с собственными ценностями и принять или не принять авторскую оценку ситуации и трактовку проблемы [Лазутина, 2006]. Согласно мысли исследователя, освоение профессии – это не только технологический процесс, с учетом того, что в результате деятельности может происходить перелом в сознании человека, который в результате может привести к изменению самой деятельности. Профессиональная деятельность, в результате которой появляется текст, преобразовывает самого журналиста, и он может перейти из одного в другой тип поведения, «тип жизни». Процесс создания текста, творческий процесс, который не сводится только к освоению «техники делания» [Лазутина, 2006].

Исследователи С. С. Распопова и И. В. Топчий фиксируют внимание на социальной функции автора журналистского текста, отмечая, что он транслирует определенные

нормы и ценности. В журналистике в отличие от художественной литературы на первый план выходит не эстетическая, а социальная функция, поэтому журналист как автор – всегда социальный субъект [Расопова, 2022]. Но в журналистских текстах «удельный вес» авторского «я» разный. В новостных текстах традиционно наблюдалось минимальное присутствие автора, в очерке – максимальное.

Медиакоммуникации, прежде ориентированные на нормативность использования литературного языка, под воздействием блогосферы все больше теряют позиции носителя коммуникативной нормы [Лебединская, 2023]. О. С. Гилязова характеризует медиатекст, функционирующий в пространстве интернета как текст-интерактив, для которого характерна постоянная перестановка акцентов: с автора на читателя и обратно, при этом автор не устраняется окончательно: переставая считаться творцом, он объявляется функцией, необходимой дискурсу [Гилязова, 2007].

Несмотря на то, что сегодня система СМИ дифференцируется по каналу коммуникации, весь контент, произведенный печатными, телевизионными, радио СМИ, актуализируется в интернете, за счет чего приобретает массовость, интегральность, открытость. Эти свойства медиатекста становятся предметом пристального внимания филологов, лингвистов, социологов, культурологов, теоретиков медиа,

позволяя им выявить и рассмотреть особенности функционирования медиатекстов с позиции характера медиапроизводства и специфики медиапотребления. Благодаря высокому уровню развития массовых коммуникаций медиатекст получает новые характеристики, что позволяет исследователям говорить о новом направлении лингвистики, которая изучает медиаречь. В сфере массовой коммуникации устойчивая дихотомия «речь устная – речь письменная» приобретает ряд специфических черт и особенностей. «Здесь многие тексты, создаваемые как устные, доходят до потребителя в письменном виде, а тексты первоначально письменные реализуются затем в устной форме» [Добросклонская, 2005, с. 28]. Исследователи, отмечая роль технологий, в системе которых сегодня функционирует медиатекст, говорят о смене его целеполагания: от традиционного сообщения – к выстраиванию индивидуально-эмоционального общения с аудиторией.

Отдельное направление исследований касается вопросов авторства медиатекста. Изобретение интернета изменило место автора в тексте и продолжило процесс его освобождения от автора. В активную речевую практику вошли такие понятия как «технический автор», «публикатор», которые представляют новый тип автора, ранее неизвестный. В аспекте сказанного выше важно отметить, что цифровые технологии сделали возможным

распространять контент с учетом разных каналов передачи информации. В результате чего возникли различные комбинации текста (письмо, звук, видео, анимация и др.). Это новая реальность изменила исторически сложившиеся представления о тексте как вербальном письменном или устном высказывании. Современные технологии, доступ к которым сегодня открыт широкой массовой аудитории без жесткой привязки к профессиональной деятельности, в частности, к журналистике, сделали медиа средой, где аудитория становится соавтором и зачастую автором текста. Причем, если текст сохраняет свою вербальную монополию и не перемещается в другую семиотическую плоскость, информация, которую он транслирует, не отличается необходимой полнотой.

Современный медиатекст отличается максимальной контекстностью, так как высказывание всегда обращено к другому человеку. Автор медиатекста характеризуется открытой речью, многообразием авторского «Я» с учетом адресата-массового читателя, слушателя, зрителя. Он сокращает дистанцию в общении с аудиторией, становится на позиции равноправного участника коммуникации: поэтому характерной особенностью проявления автора в медиатексте становится его речь, которая приобретает разговорный характер. Эта речь сложилась в интернете, в блогах, форумах, чатах непрофессионалов,

которые во многом формируют речевое поведение и профессиональных авторов. Медiateкст – это всегда результат коллективных усилий субъектов глобального мира, его смысловое ядро составляет система ценностей. Журналисты и другие участники массовой коммуникации формируют массовое сознание (идеи, нормы, настроения, переживания, привычки). Отсюда в повестке дня возникает вопрос об ответственности автора медiateкста перед аудиторией, так характер текстообразования определяет ментальные миры. Медiateкст, функционируя в условиях развития информационных технологий, становится мультимедийным, так как тема текста раскрывается с помощью фотографии, аудио-, видео-, графики, анимации и др. Этот текст становится гипертекстуальным, за счет внутренних и внешних ссылок, которые расширяют пространство текста через отсылки его к другим текстам. Интерактивность, которой обладает текст, функционирующий в интернет-пространстве, видоизменяет конфигурацию участников коммуникации, а также значительно расширяются форматы взаимодействия (форумы, письма по электронной почте, чаты и др.). Исследователи отмечают, что для создания мультимедийного текста чаще всего используют специальные веб-платформы, так как подготовка мультимедийного проекта с нуля требует много времени и трудозатрат.

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что технологии существенным образом меняют текст, делая его открытой, устремленной во внешний мир системой, и в то же время придавая ему незавершенность и фрагментарность.

Медiateкст и искусственный интеллект

В начале XXI века произошло поистине революционное событие, к которому человечество шло в течение столетий, был изобретен ИИ, который стал активно внедряться во все сферы жизнедеятельности человека. Это открытие вызвало одновременно восторг и ужас, так как впервые в истории человечества технологии начинали влиять на реальность. Поиски возможностей создания интеллекта у машины начались в середине XX века, впервые об этом заговорили на конференции в Стэнфордском университете. А термин «искусственный интеллект» в научный оборот вел Джон Маккарти. В течение последующих десятилетий велись дискуссии, в рамках которых обсуждались как перспективы, так и возможные риски, вызванные появлением ИИ. В 2022 году искусственный интеллект стал применяться как в повседневной, так и в профессиональной жизни человека, вызвав большой общественный интерес. Что касается научного сообщества, то тематика исследований ИИ пока

ограничена сферами медицины, маркетинга, дизайна, финансов.

Использование нейросетей в создании медиатекстов рассматривается наиболее активно в аспекте авторских прав, этики и технологии работы с информацией. В контексте сказанного выше отметим, что в соответствии с п. 1 ст. 1259 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (*далее ГК РФ*) объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства, а также программы для ЭВМ. Для того, чтобы произведение было защищено на законодательном уровне, оно должно быть самобытным и творческим. Но в связи с тем, что в перспективе ИИ сможет создавать оригинальные произведения, в этом сверхзадача его создателей, то по формальным признакам и репортаж, и реклама, и художественные произведения, и кино могут квалифицироваться как творчество, а нейросети как автор.

Л. С. Артений, комментируя ст. 1257 части четвертой ГК РФ, о том, что автором произведения науки, литературы или искусства признается гражданин, творческим трудом которого оно создало, отмечает, что в соответствии с законом автором произведения науки, литературы и искусства может являться только человек (гражданин), но не машина или программа ЭВМ, хотя нематериальный объект, созданный такой программой или машиной, и может обладать при-

знаками объекта авторских прав [Артений, 2019].

Исследователь М. О. Кухно полагает, что в век информационных технологий, беспрепятственного доступа к большому объему данных практически невозможно создать что-то, чего еще не повторял другой человек в схожей манере в другой период времени. Следовательно, некорректно с экономической и моральной точек зрения пытаться правоприменителям расширительно толковать и применять понятие об исключительных правах на произведения, поскольку копирование стиля еще вовсе не свидетельствует о плагиате в творчестве ИИ [Кухно, 2023]. Исследователи отмечают, что сегодня ИИ выступает уже как автор и соавтор даже в литературе, машины пока обобщают все то, что создано человеком. Поэтому ни в одной стране мира пока не сложилась нормативно-правовая практика авторских прав ИИ. Вместе с тем есть исследователи (Марвин Мински и др.), которые полагают, что творчество – это набор установок, который можно выстроить как операционную систему. Отсюда предположение того, что открытие и дальнейшее развитие ИИ будет способствовать реформированию авторского права, которое с 1886 года (Бернская конвенция) определяла нормы авторского права.

Одним из приоритетных направлений исследований использования ИИ является этическая ко-

дировка текстов, им созданных. С учетом того, что сегодня нейросеть уже производит новостной контент и обсуждается вопрос об ее использовании при написании более сложных текстов (публицистических, художественных, научных). По мнению М. М. Лукиной, А. В. Замкова М. А. Крашенинниковой, Д. Ю. Кульчицкой, важно применение транспарентности со стороны редакций и право аудитории на информацию об ИИ в редакционных практиках, запрет на передачу полномочий ИИ в вопросах нравственного выбора при подготовке медиаконтента, совместная ответственность редакции и разработчиков программного обеспечения за последствия работы систем ИИ, определение круга потенциальных тем, к которым этически неприемлемо применение искусственного интеллекта и др. [Лукина, 2022].

С появлением ИИ в повестку дня поставлен также вопрос о необходимости корректировки существующих представлений об этике. А. В. Миронов говорит о необходимости формирования техноэтики: «этика поступка, преумноженного технической мощностью, требует современной рациональной разработки. На современном этапе снова требуется рациональная этика как “recta ratio agibilium” – поведение согласно разуму. Необходимо создание и трансляция при помощи образования норм этической ответственности за использование

технических средств (научных достижений)» [Миронов, 2021, с. 103].

По мнению А. В. Разина, должны быть разработаны ограничения и заложены в искусственные интеллектуальные системы, но называть эти ограничения этикой нельзя, так как этика – свод норм для поведения человека как обладателя свободной волей [Разин, 2019].

С учетом того, что медиатекст представляет собой сконструированную реальность, в рамках которой транслируются ценности, мнения, представления о мире, а также выступает как способ хранения, передачи и трансляции ценностей в повестку научных дискуссий может быть поставлен вопрос о том, как нейросеть в процессе текстообразования будет отбирать национальные паттерны, которые бы были адекватны социально политическим условиям. Активное проникновение ИИ в авторскую деятельность ставит вопрос о соавторстве человека и машины. Сошлемся на Р. А. Есенина, который полагает, что процесс активного взаимодействия естественного с ИИ может вызывать вопросы психологической сферы с учетом переменчивости человеческой природы [Есенин, 2023].

Отдельную группу исследований составляют работы, в которых рассматриваются рекомендательные алгоритмы, которые активно используются сегодня при создании медиаконтента для сортировки,

классификации и оптимизации. «Применительно к новым медиа это задачи подбора контента отдельным читателям, зрителям, слушателям, или группе аудитории» [Шестерин, 2023 с. 404]. Н. О. Шестерин отмечает, что алгоритмы приоритизации потенциально уязвимы. Они могут понизить качество контента на платформе за счет несправедливой или чрезмерно жесткой деприоритизации «нежелательного» контента. А также из-за несправедливого обращения с создателями контента (жесткие или вовсе ошибочные баны или страйки, низкая оплата труда, перекладывание обязанностей контроля качества с платформы на создателей. «Видеоблогерам приходится зачастую исходить не из интересов аудитории или темы, а из параметров, которые учитывает алгоритм» [Шестерина, 2022, с. 110]. Таким образом, использование ИИ в производстве текстов снижает роль автора. Рекомендательные алгоритмы кардинальным образом изменяют процесс создания текста, сказываясь на самом контексте и условиях его продвижения.

Результаты

Сказанное выше позволяет говорить о том, что человек на протяжении тысячелетий, стремился к развитию научно-технического прогресса. Все средства коммуникации, начиная с печатного станка до компьютера и интернета, кардинальным образом меняли жизнь

людей, становясь существенным подспорьем для них. Триумфом развития технологий стало изобретение ИИ, который сегодня стремительно вытесняет человека из многих сфер жизни. В медиасфере нейросети также активно заявили о своем присутствии. Сегодня нейронные сети применяются в сфере искусства и творчества для создания генеративных моделей, генерации новых музыкальных композиций, рисунков, фотографий и других произведений искусства. Остановить развитие технологий невозможно, это цивилизационный процесс. Вместе с тем развитие нейросетей как любые технологические достижения должно регулироваться со стороны этики и права. Исследователи отмечают, что в повестку дня должен быть поставлен вопрос о необходимости реформулирования традиционных представлений о взаимоотношениях машины с человеком. Как справедливо отмечает А. В. Миронов, сегодня во взаимоотношениях человека с техникой преобладает техника. Все традиционные формы межличностного общения отходят на второй план по сравнению с общением при посредстве технических устройств [Миронов, 2021]. В этих условиях обсуждение вопросов правового и этического регулирования взаимоотношений человека и техники в медиасфере становится приоритетным направлением научных дискуссий.

Заключение

Завершая свое исследование, мы пришли к выводу о необходимости пересмотра существующих норм и стандартов с учетом того, что мир, в котором мы живем, становится все более технологичным, где машина в определенном смысле претендует на признание субъектности. Таким образом, одним из актуальных вопросов становится вопрос о сохранении субъектности человеком. Наше утверждение мы строим на анализе процессов, которые происходят в медиасфере, где техника исторически выполняла вспомогательную роль. Движение текста к медиатексту, существующему в пространстве массовых коммуникаций, и дальше – к тексту, созданному ИИ – путь, который прошло человечество в своем цивилизационном развитии. Теория медиатекста пока базируется на научных идеях теоретиков классического текста, вместе с тем интерес к исследованию медиатекста как «нового» типа текста вызвал к жизни новые направления в лингвистике (медиалингвистика), в этике (медиаэтика), в праве (медиаправо) и др. Медиатекст по своей текстовой модели – это дискурс, который устанавливает связи между действительностью и контентом, автором и адресатом, вербальной и невербальной информацией, звуком, видео. Он может существовать только в условиях массовой коммуникации, где он по природе своей включен всегда в разные медий-

ные структуры. Специфику текста, созданного ИИ, научному сообществу еще предстоит осознать. С этой целью будут предприниматься междисциплинарные исследования, цель которых – выявить и охарактеризовать «искусственный» текст: структуру, ведущие признаки, обстоятельства функционирования, сферу потребления, этические риски и правовые нормы, а также психологические вызовы человеку, который в новых технологических условиях поставлен перед необходимостью пересмотреть свои отношения с техникой.

Мы не ставили перед собой цель выработки рекомендаций по внедрению ИИ в процесс производства медиатекста, так как функционирование нейросетей в медиа – явление новое как для практиков, так и для академических исследователей. В рамках данной статьи мы предприняли попытку рассмотреть «движение» текста от формата письменного сообщения, созданного человеком к медиатексту как результату развития цифровых технологий.

В ходе исследования мы пришли к следующим заключениям. Техника и человек на протяжении всего развития массовых коммуникаций теснейшим образом взаимодействовали между собой. Точкой преломления этих отношений всегда являлся текст, который, благодаря технологиям, постепенно терял свои первородные качества, такие как связь с автором-человеком, наделенным духовным опытом,

прежде всего. Изобретение ИИ можно рассматривать как результат взаимоотношений человека и техники. С одной стороны, это процесс цивилизационно обусловленный, который нельзя остановить, с другой стороны, непредсказуемый и опасный, так как лидирующее по-

ложение человека в состязании с машиной исторически формировала его социальную субъектность. Новые реалии вызывают к жизни новый формат исследований, характеризующихся многоаспектной междисциплинарностью.

Библиографический список

1. Артений Л. С. Искусственный интеллект в авторском праве // Вестник науки и образования. 2019 – Ч. 1. №(7) 61. С. 76-81.
2. Валгина Н. С. Теория текста. Москва : Логос, 2003. 91 с.
3. Варганова Е. Л. Развивая понимание медиа: от технологии к социальному пространству // Журнал Меди@льманах. 2020. №5. С. 12-22.
4. Гилязова О. С. Текст и действительность: сравнительный анализ онтологически-темпоральных статусов. Екатеринбург, 2007. 25 с.
5. Добросклонская Т. Г. Медиатекст: теория и методы изучения // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 28-34.
6. Есенин Р. А. Психологические вызовы цифровых реалий: ИИ сегодня и его зона ближайшего развития // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т.11, № 2. С. 121-128.
7. Кройчик Л. Е. Диалоговые ресурсы публицистики // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. № 4. С. 139-148.
8. Кухно М. О. Искусственный интеллект – новый субъект авторского права: недалекое будущее или фикция? // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Сентябрь 2023. № 3 (41). С. 72-86.
9. Лазутина Г. В. Основы творческой деятельности журналиста. Москва : Аспект-пресс, 2006. 239 с.
10. Лебединская В. Г. Медиатекст как носитель коммуникативных норм / В. Г. Лебединская, Е. Г. Сомова // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. №1(127). С. 1-3.
11. Лукина М. М. Искусственный интеллект в российских медиа : к дискуссии об этической кодификации / М. М. Лукина, А. В. Замков, М. А. Крашенинников, Д. Ю. Кульчицкая // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. № 4. С. 680-694.
12. Миронов А. В. Техноэтика: прикладная философия устойчивого ноосферогенеза // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. 2021. №7. С. 97-111.
13. Разин А. В. Этика искусственного интеллекта // Философия и образование. 2019. №1. С. 57-73.
14. Распопова С. С. Жизненный нарратив автора в текстах российских журналистов / С. С. Распопова, И. В. Топчий // Известия УрФУ. Серия 1. 2022. Т. 28, №3. С. 6-16.

15. Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2005. № 2. С. 7-15.
16. Федеральный закон от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.12.2019) «О средствах массовой информации». URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (дата обращения: 25.04.2024).
17. Чепкина Е. В. Журналистский дискурс: анализ практики / Е. В. Чепкина, Л. В. Енина // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. 2011. № 2 (89). С. 76-85.
18. Шестерина А. М. Влияние технологий искусственного интеллекта на видеопроизводство в сфере продвижения сетевого контента // Вестник ЮУрГУ. 2022. №1. С. 108-112.
19. Шестерин Н. О. Искусственный интеллект и проблемы приоритизации медиаконтента // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2023. №5 (50). С. 402-409.

Reference list

1. Artenij L. S. Iskusstvennyj intellekt v avtorskom prave = Artificial intelligence in copyright law // Bulletin of science and education. 2019. Ch. 1. №(7) 61. S. 76-81.
2. Valgina N. S. Teorija teksta = The theory of text. Moskva : Logos, 2003. 91 s.
3. Vartanova E. L. Razvivaja ponimanie media: ot tehnologii k social'nomu prostanstvu = Developing media understanding: from technology to social space // Zhurnal Medi@l'manah. 2020. S. 12-22.
4. Giljazova O. S. Tekst i dejstvitel'nost': sravnitel'nyj analiz ontologicheski-temporal'nyh statusov = Text and reality: comparative analysis of ontological-temporal statuses. Ekaterinburg, 2007. 25 s.
5. Dobrosklonskaja T. G. Mediatekst: teorija i metody izuchenija = Media text: theory and methods of studying // Vestn. Mosk. Un-ta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2005. № 2. S. 28-34.
6. Esenin R. A. Psihologicheskie vyzovy cifrovyh realij: II segodnja i ego zona blizhajshego razvitija = Psychological challenges of digital realities: AI today and its area of development in the near future // Professional'noe obrazovanie i rynek truda. 2023. T.11, № 2. S. 121-128.
7. Krojchik L. E. Dialogovye resursy publicistiki = Dialogue journalistic resources // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2015. № 4. S.139-148.
8. Kuhno M. O. Iskusstvennyj intellekt – novyj sub#ekt avtorskogo prava: nedalekoe budushhee ili fikcija? = Artificial Intelligence – a new subject of copyright: the near future or fiction? // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. Sentjabr' 2023. № 3 (41). S. 72-86.
9. Lazutina G. V. Osnovy tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista = The basics of a journalist's creative work. Moskva : Aspekt-press, 2006. 239 s.
10. Lebedinskaja V. G. Mediatekst kak nositel' kommunikativnyh norm = Media text as a bearer of communicative norms / V. G. Lebedinskaja, E. G. Somova // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. 2023. №1(127). S. 1-3.
11. Lukina M. M. Iskusstvennyj intellekt v rossijskih media : k diskussii ob jeticheskoy kodifikacii = Artificial intelligence in Russian media : towards a discussion on

ethical codification / M. M. Lukina, A. V. Zamkov, M. A. Krashennikov, D. Ju. Kul'chickaja // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2022. № 4. S. 680-694.

12. Mironov A. V. Tehnojetika: prikladnaja filosofija ustojchivogo noosferogeneza = Technoethics: applied philosophy of sustainable noospheric genesis // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. 2021. №7. S. 97-111.

13. Razin A. V. Jetika iskusstvennogo intellekta = Artificial intelligence ethics // Filosofija i obrazovanie. 2019. №1. S. 57-73.

14. Raspopova S. S. Zhiznennyj narrativ avtora v tekstah rossijskih zhurnalistov = The author's life narrative in Russian journalistic texts / S. S. Raspopova, I. V. Topchij // Izvestija UrFU. Serija 1. 2022. T. 28, №3. S. 6-16.

15. Solganik G. Ja. K opredeleniju ponjatij «tekst» i «mediatekst» = Towards defining the concepts “text” and “media text” // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika. 2005. № 2. S. 7-15.

16. Federal'nyj zakon ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. ot 02.12.2019) «O sredstvah massovoj informacii» = Federal Law of 27.12.1991 No. 2124-1 (ed. of 02.12.2019) “On Mass Media”. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/ (data obrashhenija: 25.04.2024).

17. Chepkina E. V. Zhurnalistiskij diskurs: analiz praktiki = Journalistic discourse: practice analysis / E. V. Chepkina, L. V. Enina // Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1. 2011. № 2 (89). S. 76-85.

18. Shesterina A. M. Vlijanie tehnologij iskusstvennogo intellekta na videoprodukciju v sfere prodvizhenija setevogo kontenta = The impact of artificial intelligence technologies on video production in promoting online content // Vestnik JuUrGU. 2022. №1. S. 108-112.

19. Shesterin N. O. Iskusstvennyj intellekt i problemy prioritizacii mediakontenta = Artificial intelligence and the challenges of prioritizing media content // Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. №5 (50). S. 402-409.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 17.06.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024

Научная статья
УДК 168.522
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-119
EDN BZMYBF

**Художественная и философская трансформация образа Волги
в контексте идеи «новой визуальности»**

Анна Николаевна Таланова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии и культуры Института филологии и журналистики, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород
tango7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4480-6474>

Аннотация. Среди полноводных российских рек Волга занимает центральное место в национальном образе мира, несмотря на то, что по величине она всего лишь пятая. «Матушка-Волга», «исток русской души», «царица рек русских», «главная улица России» и «русский Нил», «река-богатырь» – так в разные времена Волга звучала в народном сознании в зависимости от исторического контекста. Интересно, что штампы «великая русская река», «самая крупная и величественная река России», «Волга – всем рекам мать», «Волга-матушка раздольная и могучая, кормилица и спасительница» так прочно укоренились в нашем сознании, что кажется, будто они существовали всегда, и никто никогда иначе не говорил. Для писателей, поэтов, художников, композиторов, режиссёров и скульпторов именно «Волга-матушка» стала музой, героиней историй, свидетельницей больших и маленьких событий. Образ этот, немного видоизменяясь в зависимости от исторического контекста, до определенного времени был одним из концептуальных в искусстве, а потом вдруг практически исчез. Что же послужило причиной такого явления? Значит ли это, что Волга утратила для нас свое значение «великой русской реки»?

В результате исследования автор приходит к выводу, что образ Волги в современном изобразительном искусстве потерял свою неизменность и узнаваемость, разбившись на симулякры или на визуальные коды, обращенные на интерпретацию какой-либо авторской идеи. В сознании россиян Волга постепенно утрачивает статус «великой русской реки», связанной с национальной идеей. Художественные исследования Волги приобретают исключительно личный характер, на первое место выступают темы памяти, утраты, травмы. Более того, сложность визуализации того, чего не существует, переносит исследование образа Волги из пространственных видов искусств во временные. Предложенный анализ особенностей образа Волги в контексте идеи «новой визуализации»

© Таланова А. Н., 2024

можно использовать в литературоведческих и междисциплинарных исследованиях.

Ключевые слова: образ Волги; волжский текст; новая визуальность; современное искусство; память; изобразительное искусство; трансформация; симулякр; культура

Для цитирования: Таланова А. Н. Художественная и философская трансформация образа Волги в контексте идеи «новой визуальности» // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 3 (21). С. 119-132. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-119>. <https://elibrary.ru/BZMYBF>.

Original article

Artistic and philosophical transformation of the Volga image in the context of the “new visuality” idea

Anna N. Talanova

Candidate of philological sciences, associate professor, department of Slavic philology and culture, Institute of philology and journalism, Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod
tango7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4480-6474>

Abstract. Among great Russian rivers, the Volga occupies a central place in the national world view, despite the fact that it is only fifth in size. “Mother Volga”, ‘the source of the Russian soul’, ‘the queen of Russian rivers’, ‘the main street of Russia’ and ‘the Russian Nile’, ‘the hero river’ – this is how the Volga is called in people’s minds at different times, depending on the historical context. It is interesting that such clichés as “the great Russian river”, “the largest and most majestic river in Russia”, “the Volga is the mother of all rivers”, “the Mother Volga is vast and mighty, the breadwinner and savior” are so firmly rooted in Russian consciousness that it seems as if they have always existed, and no one has ever said otherwise. For writers, poets, painters, composers, directors and sculptors, the “Mother Volga” has been a muse, a heroine of stories, a witness of big and small events. This image, slightly modified depending on the historical context, was one of the conceptual images in the arts until a certain time, and then, all of a sudden, it practically disappeared. What caused this change? Does it mean that the Volga has lost its significance to us as a “great Russian river”?

Based on the research, the author concludes that the image of the Volga in contemporary fine art has lost its immutable and recognizable character, splitting into simulacra or visual codes aimed at interpreting a certain authorial idea. In the Russian mind, the Volga is gradually losing its status as a “great Russian river” associated with the national idea. Artistic studies of the Volga become extremely personal, with themes of memory, loss, and trauma taking center stage. Moreover, the difficulty of visualizing what does not exist moves the study of the Volga image from spatial art forms to temporal ones. The proposed analysis of the Volga image features in terms of the idea of “new visualization” can be used in literary criticism and interdisciplinary studies.

Key words: image of the Volga; Volga text; new visuality; modern art; memory; fine art; transformation; simulacrum; culture

For citation: Talanova A. N. Artistic and philosophical transformation of the Volga image in the context of the “new visuality” idea. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 3(21): 119-132. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-119>. <https://elibrary.ru/BZMYBF>.

Введение

Размышляя о Волге и ее художественном воплощении в пространственных видах искусства в период с XIX по XXI век, стоит вспомнить о том, что в середине этого временного периода, в XX веке, происходит трансформация визуальности, связанная с развитием технических средств, способных тиражировать образ, вследствие чего он теряет свою подлинность, первичность и становится массовым. Визуальные копии обретают статус равнозначных и равноценных оригиналу, а культовая функция оригинального изображения исчезает. Образ, утративший свою исключительность, начинает «обрастать» визуальными метафорами, и тогда возникает необходимость уточнения, что мы имеем ввиду, считая тот или иной образ первичным. Феномен «новой визуальности как новой модели восприятия обусловлен неизменностью и узнаваемостью вещи, однако сам метод созерцания изображения всегда предполагает додумывание увиденного, интерпретацию идеи в контексте эмпирического опыта зрителя и его “насмотренности” и

способности памяти творчески включаться в аналитический процесс» [Розин, 2016].

Проблемы визуальности входят в круг научных интересов гуманитарных наук и активно исследуются не только культурологами, но и литературоведами, искусствоведами и? конечно, философами, сформулировавшими теорию «философских поворотов», важнейший из которых – иконический (визуальный) [Савчук, 2013]. Вопрос о бытии переводится в план анализа визуальных образов: «образы подменяют реальность, что, в свою очередь, ведет к утрате подлинности, рождая феномен симуляции реальности. Образы переходят в нас, мы начинаем видеть образами, симулируя, они замещают непосредственный опыт, становясь незаменимыми для здоровья экономики, для стабильности общества и реализации желаний» [Савчук, 2013, с. 96].

В данном исследовании мы обратимся к образу, казалось бы, знакомому любому жителю России – к образу Волги. *Чем отличается наше восприятие Волги от восприятия ее россиянами, жившими в XIX – XX веках?* Обращение к иде-

ям «новой визуальности» способно, на наш взгляд, объяснить, почему культовый, значимый для русского сознания образ Волги утрачивает свою подлинность в XXI веке и распадается на многочисленные симулякры.

Если оттолкнуться от определения, что образ – «род собранности сущего, т. е. не только видимого, но и, а может и в первую очередь, мыслимого, представляемого, продуманного» [Савчук, 2013, с. 97], то логично будет проследить, как мысленные формы генерируют визуальный образ Волги: «Река движется как через время, так и через пространство. Реки сформировали облик нашего мира; в них заключены, как выразился в “Сердце тьмы” Джозеф Конрад, “мечты мужчин, семена республик, зачатки империй”. Они неизменно манили к себе людей и потому несут, подобно мусору, отвергнутые свидетельства прошлого» [Лэнг, 2019, с. 16].

Данная статья посвящена особенностям художественного осмысления образа Волги в отечественном изобразительном искусстве XIX–XXI веков и предпринимает попытку объяснить факт отсутствия Волги в поле внимания современных художников. Для раскрытия образа Волги необходимо сделать небольшой экскурс в историю ее художественной визуализации.

Результаты исследования

Начнем с того, что появление любого образа в системе искусств имеет свой мотив: любое наше представление о чем-либо есть мысленная модель действительности [Флоренский, 1993]. В национальном образе мира Волга заняла свое место только, когда наши предки обратили на нее внимание как на реку, объединившую российские земли. А это могло произойти только в середине XVI века, после покорения Иваном Грозным Казанского и Астраханского ханств и объединения всей Волжской речной системы в пределах России. Только тогда у Волги появилась возможность стать предметом «особого внимания» и сформироваться в сознании русского народа как «великая русская река».

Любопытно, что обыденное сознание соотносит появление «Волги-матушки» со стародавними временами, предполагая, что это название восходит к устному народному творчеству. Однако в исследовании М. В. Строганова «Большая Волга в русском фольклоре» [Строганов, 2017] говорится о том, что «Волга, как и любая другая конкретная река, практически не встречается ни в сказке, ни в былине, ни в обрядовой песне <...> Конкретная Волга появляется в фольклорных жанрах, которые сформировались в более позднее время: в исторических песнях и преданиях» [Строганов, 2017, с. 312], происходит это, по

утверждению автора в XIX веке [Строганов, 2017]. Любопытно, что «подавляющее большинство фольклорных песен, в которых Волга приобретает символическое значение в сочетании с эпитетом «матушка», восходит к авторским произведениям, и они поддаются более или менее точной атрибуции» [Строганов, 2017, с. 323]. Таким образом, штамп «Волга-матушка» представляет собой одну из моделей, позволяющую осмыслить национальную и государственную идентичность: «за сто лет от Языкова и Цыганова до Лебедева-Кумача и Михалкова сформировался образ Волги-матушки, который кажется теперь естественным и “старинным”, хотя возраст его, как выходит на поверку, очень невелик» [Строганов, 2017, с. 324].

Можно сказать, что Волга как великая русская река начинает осмысливаться в эпоху становления нового государства Российского: она не просто природный объект, но река, протекающая через всю страну. Ее воспевают А. П. Сумароков, Н. М. Карамзин и И. И. Дмитриев. В оде «Долины, Волга, потопляя...» (1760) А. П. Сумароков называет ее «Преславна мати многих рек», у Карамзина в стихотворении «Волга» (1793) появляются образы «священной реки», «царицы», «матери», ставшие устойчивыми штампами художественного образа этой реки. Только к началу XIX века

Волга приобретает «сущность»: благодаря литературным произведениям, она мыслима, представляема, продуманна, ее легко можно визуализировать.

Коренной перелом, сделавший Волгу объектом пристального изучения художников и писателей, произошел к 1840-х годам, когда по реке стали ходить пароходы, и она превратилась в «главную улицу России». С этого момента Волга, выражаясь словами П. Флоренского, – «мысленная модель действительности» [Флоренский, 1993, с. 37], соотношенная с настоящим настолько, насколько это может быть возможным. Здесь важно отметить именно соотношение реки с настоящим. Волга воспринимается исключительно в контексте «здесь и сейчас», активное освоение реки, развитие судоходства, актуализируют ее образ.

В 1838 году художники братья Г. Г. и Н. Г. Чернецовы отправились в путешествие по Волге от Рыбинска до устья Волги, итогом которого стала 746-метровая панорама ее берегов, названная «Параллель берегов Волги». Это была длинная бумажная лента, склеенная из 1982 листов, на которой один из братьев рисовал правый берег, а другой – левый. Принцип демонстрации был следующим: зрители находились в помещении похожем на каюту, живописное полотно, закрепленное на двух вертикальных цилиндрах, располагалось за окном помещения и пе-

рематывалось с одного цилиндра на другой. Так создавалась иллюзия движения, а зрители наблюдали пейзажи волжских берегов. Необходимость познания пространства страны через детальное описание всех «сторон жизни» по географическому принципу не просто была осознана обществом, но воплощалась в разнообразных формах [Лескинен, 2013].

В 1856 году, по инициативе Великого князя Константина Николаевича, организуется, так называемая «литературная» экспедиция по Волге, ставшая рубежным этапом [Лескинен, 2013] в истории научного и художественного осмысления этой реки. Именно в этот период художественный образ Волги наиболее масштабно разрабатывается как во временных, так и в пространственных видах искусства. Начинает формироваться? так называемый «волжский текст» – многоуровневый, определяющий подход к самой реалии Волги и к воспринимаемому и транслируемым этим образом смыслы [Красникова, 2020].

Во второй половине XIX – начале XX века Волгу активно начинают исследовать художники К. Гун, И. Шишкин, И. Репин, Ф. Васильев, А. Саврасов, М. Клодт, И. Айвазовский, А. Боголюбов, В. Суриков и др. В их произведениях Волга – современная им река, обитатели ее берегов узнаваемы и актуальны. И даже в произведениях И. Левитана и М. Нестерова, поста-

вивших своей целью передать психологическое состояние героя произведения, ощущается современность и состояние «здесь и сейчас». Начиная с 1860-х годов выходит большое количество путеводителей, путевых очерков и заметок, которые становятся медиапосредниками между природой и человеком. Отдельным событием, становится популяризация почтовых открыток, которые путешествующие по Волге отправляют с разных береговых остановок. Наиболее масштабным становится проект выдающегося русского фотографа М. П. Дмитриева «Волжская коллекция» (1894-1903 гг.), в котором Волга представлена как мегаобраз, собравший в себе быт, культуру народов, живущих на берегах Волги.

Основная задача исследований XIX века – осмысление, уточнение знаний обо всем Поволжье как собственно русском регионе [Лескинен, 2013], объединяющим началом которого признается Волга. Однако в начале XX века, когда мир начинает активно меняться и устойчивые формы человеческого бытия начинают разрушаться, художественное и философское осмысление образа Волги максимально переходит во временную плоскость, основной категорией которой становится Вечность, объединяющая Настоящее, Прошлое и Будущее. Тогда Волга из объекта географического приобретает статус идеи. Своеобразным итогом поисков и размышлений стал очерк

В. Розанова «Русский Нил» (1907), в котором отразились все сформировавшиеся во второй половине XIX века метафоры, образы и интерпретации «волжской темы». Но и тут Волга не теряет своего глобального значения: Розанов отождествляет реку с Россией в целом, обращая внимание на сакральный смысл, который заключен в этой великой русской реке.

Начиная с рубежа XIX-XX веков во многом благодаря творчеству М. Горького, Волга приобретает роль Демиурга, создавшего «волжского человека». Интерес к Волге переходит в сферу сакрального в связи с потребностью русской культуры начала XX века в духовном поиске. Волга становится медиумом, способным погружать человека в благодатное состояние, приходящее через природу от Творца. Волга – это святость вод, положительная предельность, высшая гармония и красота, коренные интуиции русской духовности, обретающие форму в творчестве М. Нестерова, и даже И. Левитана. Стоит отметить важный факт: именно в это время человек и Волга связаны наиболее глубокими узами. Образ Волги видим и невидим. Он не имеет формы, как любой великий образ, но он присутствует в сознании людей. Наиболее точным художественным высказыванием в этом ключе становится «Купание красного коня» (1912) К. Петрова-Водкина, где, по словам А. Ипполитова, художник

сумел достичь «синтеза прошлого и настоящего, указывающего дорогу к будущему» [Ипполитов].

Именно в начале XX века происходит вполне оправданная в контексте теории о «новой визуальности» [Чакина, 2015] трансформация образа Волги: когда важным становится не сам образ предмета, а то, каким способом он репрезентирован. Здесь стоит сделать отсылку к работам Х. Ортеги-и-Гассета, В. Вейдле, С. Булгакова, П. Флоренского и др. Несмотря на то, что советское искусство будет использовать образ Волги, созданный искусством дореволюционной России, трансформация художественного образа великой реки будет происходить параллельно общемировым тенденциям: к концу XX века Волга все равно исчезнет из актуального визуального ряда, произойдет окончательное развоплощение шаблонного образа, его дематериализация и разделение анализируемой формы на мельчайшие составные части.

Давайте проследим, как это произошло.

В конце 30-х годов XX века начинается новый этап представления Волги в живописи. Волга – река-богатырь, река-труженик, которая опять, благодаря советской мифологии, предстает в образе человека. В советском искусстве Волга отождествляется с Родиной-матерью, она является символом свободы, простора, широты и величия духа советского человека.

Центральную роль в построении этого образа сыграли фильм «Волга, Волга» (1938), снятый Г. Александровым, и песня «Течёт река Волга» (1962), написанная М. Фрадкиным и Л. Ошаниным для панорамного кинофильма Я. Сегеля «Течёт Волга», исполняемая Людмилой Зыкиной.

Однако, это длится недолго: в середине XX века на Волге начинается строительство первых ГЭС. И вот тут обозначается любопытная трансформация реки, результаты которой наблюдаем мы с вами: Волга не только становится покоренной, индустриальной, она теряет статус реки в гидрологии и превращается в «каскад гидротехнических сооружений с непроточным режимом» [Можно ли сейчас считать Волгу рекой? ... 2018]. Таким образом, последней масштабной визуализацией образа великой национальной реки можно считать монумент «Мать Волга», поставленный в Рыбинске в честь строителей Волгостроя в 1953 году (скульпторы С. Д. Шапошников и В. Малашкина, архитектор Н. Донских).

С этого момента можно говорить о том, что все образы Волги, созданные в искусстве второй половины XX века и до наших дней, подменяют реальность, рождая феномен ее симуляции. Земная реальность утрачивает оптическую плотность благодаря индустриальным свершениям: строительство ГЭС, значимых транспортных со-

оружений (мостов) через Волгу определили появление новых тем, связанных с рекой, но постепенно уводили внимание от самой Волги. Здесь можно вспомнить творчество В. М. Юстицкого. Художника-новатора, автора масштабного утопического архитектурного проекта – движущегося моста через Волгу.

Во второй половине XX века образ Волги в отечественном искусстве утрачивает свой масштаб и начинает выполнять чисто декоративную функцию: теперь главными героями становятся лодки, дебаркадеры, набережные. В городских и сельских пейзажах Волга также утрачивает самостоятельное значение: художники используют ленту реки для колористической выразительности структуры произведения, как цветовой акцент, или, следуя традиции используют состояния реки для создания образа состояния героя произведения (см. произведения В. Овчинникова, Н. Галахова и др.).

Противопоставленная урбанистическим картинам, Волга визуализируется как место отдыха и постепенно теряет свойства судоходной реки, на которой кипит жизнь. Река, которая дает пропитание человеку, от которой зависит его процветание и удача.

Любопытно, что к началу XXI века в творчестве современных художников определяется *два направления в художественном изображении Волги.*

Первое – вполне традиционное: в этом случае река – часть узнаваемого пространства, ландшафта, с помощью которой художник «очерчивает» нужное ему видимое место – город, берег, обрыв или затон. В качестве примера можно привести картины, принимающие участие в масштабном проекте Большая Волга» – выставке произведений художников Приволжского Федерального округа. Это произведения «Стрелка» М. Полякова (2016), «Нижний Новгород – мой причал» Р. Соснина (2017), «Стрелка» П. Рыбаковой (2018), «Покров в Нижнем» Т. Арбековой-Ульяновой (2013), «Старый город» Г. Груздевой (2014), «Самара» С. Щеглова (2016), «На Волге» А. Солдатенко (2018) и другие (смотрите каталог выставки произведений художников Приволжского Федерального округа БОЛЬШАЯ ВОЛГА XII).

А вот в творчестве художников, работающих в русле экспериментальных художественных практик и медиумов, *Волга превращается в хранителя культурной памяти и локальных историй* (например, в работах художников Е. Стрелкова – проект «Молекулы Волги», В. Куприянова – проект «Фасады Волги» и др.). По словам Стрелкова, его проект – это «попытка сквозь помехи времени и пространства уловить ноту подлинной волжской традиции» [Стрелков].

Самарский художник Кирилл Гуров, описывая Самару, называет

только три слова: «Волга, Волга, Волга» [Абрамова]. Однако Гурова интересует не сама река, но ее берега, вернее – противоположный городу берег Волги, куда художник совершает «природные дрейфы» и создает портрет пройденного пространства: «В детстве в летнее время я жил на противоположном берегу Волги в селе Рождествено. Я наблюдал за природой с достаточно раннего возраста, и это помогло мне ее полюбить. Думаю, через общение с ней выстраивается иная модель мира: быть в сожительстве, а не заниматься порабощением» [Абрамова].

Современное изобразительное искусство перестает быть изобразительным, оно приобретает действие. Во временной пласт, эмоциональный отклик переходит образ Волги. Это связано с тем, что сейчас, для многих наших современников, ключевые понятия «Волга – матушка» и «Волга – великая русская река» лежат в плоскости «виртуального» прошлого, не связанного с эмпирическими воспоминаниями репрезентационной памяти, а значит, это прошлое, следуя Делезу, никогда не станет для них настоящим, так как оно не сформировалось после. Современное искусство обращается к чисто виртуальному прошлому и предполагает, что Я постоянно разбивается на отдельные эпохи, поочередно являющиеся центрами для него. Таким образом, идентичность никогда не может зафиксировать сама

себя, она постоянно ускользает от самой себя [Новикова, 2013]. Эта мысль объясняет стремление современных художников использовать Волгу как некий поток памяти, своеобразную Лету, куда канули многие явления русской культуры и благополучно забылись нашими современниками.

Но и в этом случае универсальное значение реки утрачивается: в изобразительном искусстве Волга теряет свою текучесть и энергию: она все больше напоминает мифологическую Лету, в которую кануло все то, что было в жизни России до сегодняшнего дня, который ежесекундно безвозвратно уходит в прошлое.

Заключение

Современное искусство сегодня обращено в сторону *memory studies*, посвященным культуре воспоминаниям, – различных историко-культурных способов обращения с прошлым. В этом контексте Волга рассматривается как «узел памяти», в котором сплелись очень разные культуры воспоминаний – от витальных, эволюционных, до воспоминаний, связанных с понятием утраты. К примеру, значимая часть культурного ландшафта Нижегородского региона была утрачена в результате затопления при образовании Горьковского водохранилища. Были затоплены старейшие поселения возрастом более 800 лет. Понятие травмы или утраты актуализировалось в

культурном поле Нижегородского региона в связи с вопросом о поднятии уровня воды Чебоксарского водохранилища: предполагаемые затопления могут коснуться как областных центров, так и некоторых районов Нижнего Новгорода.

Интересно, что по результатам опроса, который мы проводили в рамках конференции «Среда. Культура. Текст» (ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, ноябрь, 2023), выяснилось, что среди выявленных у молодежи облака тэгов к слову «Волга» отсутствует определение «Река», тогда как у старшего поколения (после 45) еще возникают ассоциативные связи «матушка-Волга» и «великая русская река».

Любопытно визуальное решение образов Волги и Оки на стенде Нижегородской области международной выставки-форума «Россия» на ВДНХ (2024), где обе реки представлены в образах женщин, похожих на Сфинксов. Волосы которых обрезаны до плеч (утрачивается «текучесть» рек, архетип женского). Более того, персонифицирована только «Ока»: на ней надет кокошник, который соотносит ее с русской культурой, а вот «Волга» в принципе никак не идентифицируется, и никак не соотносится с образом «великой русской реки». Здесь хочется привести еще один пример из интервью 2024 года со Снежаной и Ильей Михеевыми – самарскими художниками, кураторами, выпускниками Самарской

школы авангарда. На вопрос «Каким вы видите самарское искусство через 5 лет?» они ответили: «Без ярлыка Волги» [Абрамова].

Подводя итоги, отметим, что образ Волги в современном изобразительном искусстве потерял свою неизменность и узнаваемость, разбившись на симулякры или на визуальные коды, обращенные на интерпретацию какой-либо авторской идеи. В сознании россиян Волга постепенно утрачивает статус «великой русской реки», связанной с национальной идеей, а в художественной среде приобретает статус хранителя воспоминаний, своего рода потерянного рая,

к которому мы все так стремимся, но рая не всеобщего, а индивидуального. Художественные исследования Волги приобретают исключительно личный характер, на первое место выступают темы памяти, утраты, травмы. Более того, сложность визуализации того, чего не существует, переносит исследование образа Волги из пространственных видов искусств во временные. Предложенный анализ особенностей образа Волги в контексте идеи «новой визуальности» можно использовать в литературоведческих или междисциплинарных исследованиях.

Библиографический список

1. Абрамова А. Течения Волги: кто создает искусство в Самаре. URL: <http://obdn.ru/articles/techeniya-volgi-kto-sozdaet-iskusstvo-v-samare> (дата обращения: 07.07.2024).
2. Бархатова Е. В. По берегам Великой Волги. Редкие фотографии ведущих русских мастеров второй половины XIX века. Из собрания Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург). URL: <http://www.hlr.ru/exib/Volga> (дата обращения: 07.07.2024).
3. Боголюбов А. П. Записки моряка-художника // Саратов. Волга. 1996. 208 с.
4. Волга на берегах Невы : каталог выставки / Российская академия художеств, Союз художников России, Санкт-Петербургский союз художников, Выставочный центр Санкт-Петербургского союза художников. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский Союз художников. 2016. 96 с.
5. Выставка произведений художников Приволжского Федерального округа БОЛЬШАЯ ВОЛГА XII. Каталог. Нижний Новгород, 2018. 200 с.
6. Жюльен Ф. Великий образ не имеет формы, или Через живопись – к объекту. Москва : Ad Marginem, 2014. 368 с.
7. Ипполитов А. Эссе 1994-2008. URL: thelib.ru/books/ippolitov_arkadiy/esse_1994_2008-read-16.html (дата обращения: 07.07.2024).
8. Коробочко А. Панорама Волги академиков Г. и Н. Чернецовых / А. Коробочко, В. Любовный // Чернецовы Г. Г. и Н. Г. Путешествие по Волге. Москва : Наука, 1970. С. 5-14.

9. Кусмидинова М. Х. Формирование концепта реки в русской культуре на примере Волги // Теория и практика общественного развития. Серия: Философские науки. 2015. Вып. 21. С. 205-208.
10. Лескинен М. «Волга – русская река». Из истории формирования и аргументации концепта // Вопросы национализма. № 4(16). 2013. С. 50-76.
11. Лэнг.О. К реке. Путешествие под поверхностью. Москва : Ad Marginem, 2019. 292 с.
12. Можно ли сейчас считать Волгу рекой? URL: vodanews.info/mozhno-li-sejchas-schitat-volgu-rekoj/?ysclid=lqy8ntghke193159115 (дата обращения: 07.07.2024).
13. Новикова В. Г. Британский социальный роман в эпоху постмодернизма. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2013. 369 с.
14. Розанов В. Русский Нил. Москва : Директ-Медиа, 2015. 168 с.
15. Розин В. М. Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и понимает мир. Москва : Либроком, 2021. 330 с.
16. Савчук С. В. Феномен поворота в культуре XX века // Международный журнал исследований культуры. №1(10). 2013. С. 95-108.
17. Стрелков Е. Волга на молекулярном уровне. URL: www.ng.ru/science/2022-12-27/15_8626_train.html? (дата обращения: 07.07.2024).
18. Строганов М. В. Большая Волга в русском фольклоре // Фольклор Большой Волги: Сборник научных статей. Москва : РОСКУЛЬТПРОЕКТ, 2017. С. 310-329.
19. Хартли Д. Волга. История главной реки России. Москва : Эксмо, 2024. 560 с.
20. Чакина Л. Л. «Новая визуальность» в свете теории кризиса искусства // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. №1 (17). 2015. С. 278-280.
21. Чириков, Е. Н. Волжские рассказы и сказки / сост., вступ. ст. М. В. Михайловой, А. В. Назаровой. Нижний Новгород : Книги, 2021. 511 с.
22. Шешунова С. В. Национальный образ мира как категория этнопоэтики русской словесности. в русской литературе // Проблемы исторической поэтики. №8. 2008. С. 5-17.
23. Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. Москва : Прогресс, 1993. 324 с.

Reference list

1. Abramova A. Tehenija Volgi: kto sozdaet iskusstvo v Samare. = Volga flows: who creates the arts in Samara. URL: <http://obdn.ru/articles/teheniya-volgi-kto-sozdaet-iskusstvo-v-samare> (data obrashhenija: 07.07.2024).
2. Barhatova E. V. Po beregam Velikoj Volgi. Redkie fotografii vedushhih russkih masterov vtoroj poloviny XIX veka. Iz sobranija Rossijskoj nacional'noj biblioteki (Sankt-Peterburg) = Along the banks of the Great Volga. Rare photographs of the leading Russian masters of the second half of the XIX century. From the Russian National Library collection (St. Petersburg). URL: <http://www.hlr.ru/exib/Volga> (data obrashhenija: 07.07.2024).

3. Bogoljubov A. P. Zapiski morjaka-hudozhnika = Notes by the sailor-painter // Saratov. Volga. 1996. 208 s.
4. Volga na beregah Nevy : katalog vystavki = The Volga on the banks of the Neva : exhibition catalog / Rossijskaja akad. hudozhestv, Sojuz hudozhnikov Rossii, Sankt-Peterburgskij sojuz hudozhnikov, Vystavochnyj centr Sankt-Peterburgskogo sojuza hudozhnikov. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskij Sojuz hudozhnikov, 2016. 96 s.
5. Vystavka proizvedenij hudozhnikov Privolzhskego Federal'nogo okruga BOL"ShAJa VOLGA XII. Katalog = Exhibition of paintings by artists of the Volga Federal District BIG VOLGA XII. Catalog. Nizhnij Novgorod, 2018. 200 s.
6. Zhjul'en F. Velikij obraz ne imeet formy, ili Cherez zhivopis' – k ne-ob#ektu = The great image has no form, or Through painting to the non-object. Moskva : Ad Marginem, 2014. 368 s.
7. Ippolitov A. Jesse 1994-2008 = Essays 1994-2008. URL: thelib.ru/books/ippolitov_arkadiy/esse_1994_2008-read-16.html (data obrashhenija: 07.07.2024).
8. Korobochko A. Panorama Volgi akademikov G. i N. Chernecovyh = The Volga panorama by the academician G. and N. Chernetsovs / A. Korobochko, V. Ljubovnyj // Chernecovy G. G. i N. G. Puteshestvie po Volge. Moskva : Nauka, 1970. S. 5-14.
9. Kusmidinova M. H. Formirovanie koncepta reki v russkoj kul'ture na primere Volgi = Forming the river concept in Russian culture on the example of the Volga River // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija. Serija: Filosofskie nauki. 2015. Vyp. 21. S. 205-208.
10. Leskinen M. «Volga – russkaja reka». Iz istorii formirovanija i argumentacii koncepta = “Volga is a Russian river”. From the history of formation and argumentation of the concept // Voprosy nacionalizma. № 4(16). 2013. S. 50-76.
11. Ljeng.O. K reke. Puteshestvie pod poverhnost'ju. = Towards the river. Journey under the surface. Moskva : Ad Marginem, 2019. 292 s.
12. Mozhno li sejchas schitat' Volgu rekoj? = Can the Volga be considered a river now? URL: vodanews.info/mozhno-li-sejchas-schitat-volgu-rekoj/?ysclid=lqy8ntghke193159115 (data obrashhenija: 07.07.2024).
13. Novikova V. G. Britanskij social'nyj roman v jepohu postmodernizma = British Social Novel in the Postmodern Era. Nizhnij Novgorod : Izd-vo NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2013. 369 s.
14. Rozanov V. Russkij Nil.= The Russian Nile. Moskva : Direkt-Media, 2015. 168 s.
15. Rozin V. M. Vizual'naja kul'tura i vosprijatie. Kak chelovek vidit i ponimaet mir = Visual culture and perception. How one sees and understands the world. Moskva : Librokom, 2021. 330 s.
16. Savchuk S. V. Fenomen povorota v kul'ture XX veka = The phenomenon of the turn in the XXth century culture // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. №1(10). 2013. S. 95-108.

17. Strelkov E. Volga na molekularnom nivou = The Volga at the molecular level. URL: www.ng.ru/science/2022-12-27/15_8626_train.html? (data obrashhenija: 07.07.2024).

18. Stroganov M. V. Bol'shaja Volga v ruskom fol'klore = The great Volga in Russian folklore // Fol'klor Bol'shoj Volgi: Sbornik nauchnyh statej. Moskva : ROSKUL"TPROEKT, 2017. S. 310-329.

19. Hartli D. Volga. Istorija glavnoj reki Rossii = The Volga. The history of the main Russian river. Moskva : Jeksmo, 2024. 560 s.

20. Chakina L. L. «Novaja vizual'nost'» v svete teorii krizisa iskusstva = “New visuality” in the light of the arts crisis theory // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. №1 (17). 2015. S. 278-280.

21. Chirikov, E. N. Volzhskie rasskazy i skazki = The Volga stories and fairy tales / sost., vstup. st. M. V. Mihajlovoj, A. V. Nazarovej. Nizhnij Novgorod : Knigi, 2021. 511 s.

22. Sheshunova S. V. Nacional'nyj obraz mira kak kategorija jetnopojetiki russkoj slovesnosti. v ruskoj literature = National worldview as a category of Russian literary ethno-poetics. // Problemy istoricheskoj pojetiki. №8. 2008. S. 5-17.

23. Florenskij P. A. Analiz prostranstvennosti i vremeni v hudozhestvenno-izobrazitel'nyh proizvedenijah = Analyzing space and time in fiction and painting. Moskva : Progress, 1993. 324 s.

Статья поступила в редакцию 15.06.2024; одобрена после рецензирования 17.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 15.06.2024; approved after reviewing 17.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024

Научная статья
УДК 008
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-3-21-133
EDN EPEHPC

**Креативные индустрии
как стимул социально-экономического развития малых городов**

Наталья Николаевна Андрейченко

Специалист Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва
andreychenko-nn@ganepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8957-9802>

Аннотация. В статье предпринята попытка определения влияния культурной политики на социально-экономическое развитие малого города, раскрывающееся автором на примере моногорода Выкса Нижегородской области. Подобно многим моногородам России, его системообразующим фактором явилась металлургическая промышленность, что определило особенности социокультурного пространства. Креативные пространства в камерной обстановке малого города вдохновляют на преобразовательную деятельность и стимулируют развитие социокультурного потенциала города, отражающееся в результатах творческой деятельности населения. Автор показывает, как изменение вектора культурной политики может повлиять на образ городской среды, стиль жизни молодежи посредством взаимовлияния экономики и культуры. Ключевые элементы данной взаимосвязи – ценности, которые в культурном капитале сочетают в себе экономическую и культурную составляющую.

В основе концепции культурной политики Выксы лежит идея актуализации культурного наследия и создание общественных пространств. Открытие Арт-резиденции «Выкса» – это не инфраструктурный проект, а «точка роста» для модернизации всех сфер жизни: креативное пространство наполняется позитивными практиками творческих индустрий, активным включением в развитие города предпринимателей. Данная практика доказывает, как позитивное внешнее воздействие на культурный капитал Выксы активизирует социокультурную деятельность, которая, в свою очередь, благотворно влияет на экономическое развитие территории. Открытие пространства творческих индустрий укрепляет положительный имидж города, усиливает инвестиционную привлекательность, благодаря чему становится возможным благоустройство пространства и улучшение качества жизни местных жителей.

В статье предлагается комплексный подход к использованию всех ресурсов культуры (воспитательно-просветительских, мировоззренческих, аксиологиче-

© Андрейченко Н. Н., 2024

ских, семиотических), выступающей инновационным фактором влияния на социально-экономическое развитие малого города.

Ключевые слова: креативная экономика; креативные (творческие) индустрии; социокультурная среда; культурный капитал; социально-экономическое развитие; малый город; моногород; арт-резиденция; арт-пространство

Для цитирования: Андрейченко Н. Н. Креативные индустрии как стимул социально-экономического развития малых городов // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 3 (21). С. 133-152. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-133>. <https://elibrary.ru/EPEHPC>.

Original article

Creative industries as a stimulus for social and economic development of towns

Natalia N. Andreichenko

Specialist at the Institute of public service and administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow
andreychenko-nn@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8957-9802>

Abstract. The article attempts to determine the influence of cultural policy on the socio-economic development of a small town. The author examines the case of the single-industry town of Vyksa, Nizhny Novgorod region. Like in many single-industry towns in Russia, its backbone factor is metallurgical industry, which determined the specifics of its socio-cultural space. Creative spaces in the chamber environment of a small town inspire transformation activities and stimulate the development of the town's socio-cultural potential, which results in people's creativity. The author shows how changing the vector of cultural policy can affect the urban environment and the lifestyle of the youth through interaction of economy and culture. The key element of this interaction is the values which combine economic and cultural components in terms of cultural capital.

The concept of Vyksa's cultural policy is based on the idea of actualizing cultural heritage and creating public spaces. The opening of the Vyksa Art Residence is not an infrastructure project, but a “growth point” for modernizing all spheres of life: the creative space is filled with positive practices of creative industries, and entrepreneurs are encouraged to participate in the town's development. This experience proves how an outside positive impact on Vyksa's cultural capital activates socio-cultural work, which in turn benefits economic development of the territory. Opening the creative industries space promotes the positive image of the town, increases investment attractiveness, which leads to the improvement of the space and the quality of local residents' life.

The article presents an integrated approach to using all the cultural resources (educational, ideological, axiological, semiotic), acting as an innovative factor that influences the socio-economic development of a small town.

Key words: creative economy; creative industries; socio-cultural environment; cultural capital; social and economic development; small town; single-industry town; art residence; art space

For citation: Andreichenko N. N. Creative industries as a stimulus for social and economic development of towns. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 3(21): 133-152. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-3-21-133>. <https://elibrary.ru/EPEHPC>.

Введение

Культурная политика базируется на понимании культуры в качестве фактора самореализации личности, стимула раскрытия созидательного потенциала общества, формы выражения традиционной самобытности народа, духовно-нравственного стержня, обеспечивающего единство и безопасность общества и государства, в том числе оказывая влияние на социокультурные преобразования. Концептуально управление в сфере культуры региона обеспечивает выстраивание баланса между сохранением (аутентичность культуры, механизмы преемственности традиций) и изменениями (соответствие современным тенденциям, динамике социокультурных преобразований, предоставление соответствующих условий для личностной самореализации), тем самым обеспечивая развитие всех аспектов жизнедеятельности человека. Организация оптимального соотношения традиций и инноваций культуры производится с помощью культурного потенциала территории, экономических механизмов, материальных ресурсов (финансовые и инфраструктурные) и человеческого капитала.

Для понимания взаимосвязи между культурой и экономикой автор обращается к концепции «культурного капитала» Д. Тросби, кото-

рая аккумулирует и актуализирует материальные и нематериальные ценности культуры в виде «культурных активов». Культурный капитал – «актив, воплощающий, хранящий или обеспечивающий культурную ценность в дополнение к любой экономической ценности, которой он может обладать» [Тросби, 2018, с. 56]. В качестве ключевого элемента данного взаимовлияния представлены ценности. Так, если «обычный» капитал формирует экономическую ценность, то культурный капитал – экономическую и культурную. Выделяют *две формы культурного капитала*: материальный, подразумевающий материальное культурное наследие (здание, артефакты, достопримечательности, произведения искусства и др.) и *нематериальный* в виде нематериального культурного наследия (традиции, обычаи, верования и др.). При этом значительный запас капитала при внешнем воздействии на него активизирует дальнейший поток услуг. *Деятельностью создания и распространения продукта интеллектуального творчества, которая объединяет «инновации в социально-культурной, политической и экономической сферах», называются креативные (творческие) индустрии.*

В среде малого города ввиду камерности обстановки наиболее заметной становится личность отдельного человека, тем самым многозначителен вклад каждого в развитие городской среды. В случае позитивной мотивации творческий потенциал личности раскрывается, а негативной – замыкается в себе, заставляя других погрузиться в аналогичное состояние. Креативные пространства в среде малого города, с одной стороны, противостоят коллективной пассивности и вдохновляют на преобразовательную деятельность, а с другой стороны, стимулируют культивирование социокультурного потенциала города, переходящее в трансляцию результатов творческого процесса. В данном исследовании проводится обоснование влияния креативных индустрий на социально-экономическое развитие малых городов на примере арт-резиденции в городе Выкса Нижегородской области.

**Креативные индустрии:
взаимосвязь социокультурного
и экономического развития
малых городов**

Проблему взаимовлияния экономики и культуры поднимали многие ученые. Начиная с конца 1990-х гг. в научных исследованиях прослеживается формирование устойчивой тенденции к рассмотрению влияния социокультурных факторов на развитие рыночной экономики (И. Е. Дискин [Концепция развития креативных (творческих) индустрий ... , 2021, N 2613-p],

Л. И. Якобсон [Якобсон, 1991], С. В. Шишкин [Шишкин, 1992] и др.). Стала разрабатываться и другая точка зрения относительно возможностей использования рыночных механизмов в сфере культуры. В своих работах Т. В. Абанкина [Абанкина, 2015a], Г. М. Галуцкий [Галуцкий, 2013], Б. Ю. Сорочкин [Сорочкин, 2005] и др. доказывали необходимость трансформации организационно-экономических методов планирования и регулирования социокультурных процессов, предлагая новые подходы к поддержке культуры и решению социальных проблем при переходе к рыночной экономике.

В разные периоды к теме взаимодействия культуры и экономики вновь стали обращаться исследователи С. Н. Горюшкина [Горюшкина, 2012], Е. В. Егоров [Егоров, 2022], А. Я. Рубинштейн и В. Ю. Музычук [Рубинштейн, 2015], развивающие тему «культуры как общественного блага». А. Б. Долгин [Долгин, 2006] продвигал идею отношения к культуре в качестве «символического капитала». Концепции социальной значимости культуры и её влияние на экономическое развитие продолжили Е. Антонов, А. Аузан, В. Брызгалин [Социокультурные факторы ... , 2019] и др.

Роль культуры и творческих индустрий в условиях креативной экономики проблематизируют Т. В. Абанкина [Абанкина, 2020b], А. Р. Протасевич [Протасевич, 2021], И. Ф. Симонова [Симонова,

2020] и др. В. В. Новосельская раскрывает особенности функционирования креативных индустрий и значения в инновационном развитии территории [Новосельская, 2017]. Д. Тросби рассматривает роль креативной экономики в производстве культурных благ, услуг и культуры в экономическом развитии и творческих индустрий [Тросби, 2018].

Правовые основы культурной политики и, в частности, деятельности креативных индустрий закреплены в следующих нормативно-правовых актах:

– Конституция Российской Федерации [Конституция РФ, 1993];

– Основы законодательства Российской Федерации о культуре [Основы законодательства ... , 1992, N 3612-1];

– Основы государственной культурной политики РФ [Основы государственной ... , 2014, N 808];

– Указ Президента РФ О национальных целях развития РФ до 2030 года и на перспективу до 2036 года [О национальных целях ... , 2024, N 309];

– Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года [Стратегия государственной ... , 2016, N 326-р];

– Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года [Стратегия пространственного ... , 2019, N 207-р];

– Концепция развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их госу-

дарственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года (содержит цели, задачи, принципы, стратегические приоритеты и механизмы государственной поддержки творческих (креативных) индустрий) [Концепция развития ... , 2021, N 2613-р];

– План мероприятий по реализации в 2022 – 2025 годах Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года [План мероприятий ... , 2022, N 2290-р];

– Локальные и специализированные акты и др.

В данном исследовании автор приводит пример деятельности арт-резиденции, роль которой усиливается в камерности обстановки малого города. Влияние арт-резиденций на социокультурную среду города изучала А. А. Антонова [Антонова, 2017]. И. Г. Хангельдиева рассматривает арт-резиденции в качестве «инструмента продвижения художника и результатов его труда» на арт-рынке [Хангельдиева, 2017, с. 36]. Результаты анализа существующих арт-резиденций и условий их размещения в городе представлены в исследовании И. К. Скотниковой и А. П. Долнакова [Скотникова, 2014]. В научной статье Н. П. Якушиной представлена деятельность арт-резиденции в качестве модели управления креативным пространством в Приморском

городе на примере г. Анапа [Якушина, 2019].

Таким образом, вопрос о значимости арт-резиденций в социокультурной среде города поднимается во многих исследованиях, тем не менее особенности влияния арт-резиденций как формы креативного пространства на социально-экономическое развитие малого города недостаточно изучены, чем и обуславливается актуальность темы исследования.

Принятие Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года (*далее Концепция*) [Концепция развития... , 2021, N 2613-р], продемонстрировало значимость становления в России сектора креативной экономики. Согласно данному Распоряжению Правительства РФ, представители региональной власти стали разрабатывать комплекс мер по развитию креативных индустрий, что также должно быть отражено в региональных стратегиях социально-экономического развития.

Как отмечено в разделе «Основные тенденции развития творческих (креативных) индустрий» упомянутой ранее Концепции, творческие индустрии вносят значимый вклад в мировую экономику: средняя доля сектора креативных индустрий в мировом ВВП составляет 6,6 %, в развитых странах – 8-12 %, что превышает средние

темпы роста мировой экономики. В соответствии с исследованиями Агентства стратегических инициатив доля креативных индустрий в экономике России к 2024 году составила 4,87 % ВВП, тем не менее развитие в регионах творческих индустрий неоднородно, что вызвало необходимость создания Агентством стратегических инициатив «Регионального стандарта развития креативных индустрий».

В нем содержатся лучшие практики «создания и предоставления региональных мер поддержки на уровне субъектов Российской Федерации и развития креативных индустрий» [Региональный стандарт... , 2023], пилотным субъектом внедрения которого стала Свердловская область. Потенциал развития креативных индустрий данного региона объясняется продолжающимся обустройством кластерной инфраструктуры, начавшимся в 2020 г. и включающим в настоящий момент следующие площадки: «креативные кластеры “Домна” и “Л52” в Екатеринбурге, арт-резиденция “В Чёрной” в Черноисточинске, SAMORO.doc в Нижнем Тагиле, “На Заводе” в Сысерти, “Нити X Нити” в Арамиле» [Свердловская область... , 2024]. Кроме этого, 9,3 % от всех производственных компаний региона задействованы в сфере креативных индустрий. Численность занятых в данной сфере – около 38 тыс., выручка организаций составила 187 млрд рублей, то есть 2,3 % от

выручки всех компаний региона [Двигатель экономики ... , 2024]. Следовательно, влияние креативных индустрий отражается в результатах экономической деятельности территории.

Коломна является уникальным примером преобразования города с помощью креативных индустрий. В начале XXI в. историко-культурное наследие за пределами коломенского кремля находилось в полуразрушенном состоянии. Четыре улицы города сохраняли провинциальную среду XIX в., что обеспечивало статус исторического поселения, тем не менее требовались незамедлительные действия по актуализации историко-культурного наследия. В 2008 г. был реализован проект «Ледяной дом» в честь коломенского писателя, родившегося в купеческой семье в 1792 г. Ивана Ложечникова (написал одноименный роман, в котором содержалось описание известной в XIX веке пастилы). Ложечников вдохновил на воссоздание подлинного рецепта коломенской пастилы, который произвел неизгладимое впечатление на гостей фестиваля. Необычная идея с воплощением забытого рецепта пастилы продолжила существование в «Музее исчезнувшего вкуса», созданном в 2009 г. Таким образом, осмысление и актуализация историко-культурного наследия стиму-

лировали социокультурное развитие территории, что в дальнейшем повлияло на преобразование экономики города.

В 2010 г. по итогам проведенного исследования был разработан проект создания творческого кластера в Коломне, включающий в себя около двухсот малых и средних организаций. При этом материальный фонд состоял из «пустующих и частных руинированных объектов, связанных с купеческими фамилиями и местными промыслами» [Музейно-творческий кластер ... , 2024]. В настоящее время деятельность музейно-творческого кластера «Коломенский посад» повлияла на социально-экономическое развитие города. За прошедшие 10 лет депрессивная территория преобразилась в туристско-привлекательную дестинацию. *Креативный кластер Коломны включает три сектора: «музейный квартал, творческие индустрии и туристскую инфраструктуру, где занято более 2 500 человек»* [Музейно-творческий кластер ... , 2024]. Следовательно, креативные индустрии влияют на социально-экономическое развитие территории через переосмысление историко-культурного наследия в реализации следующих направлений культурной политики (см. рис. 1).

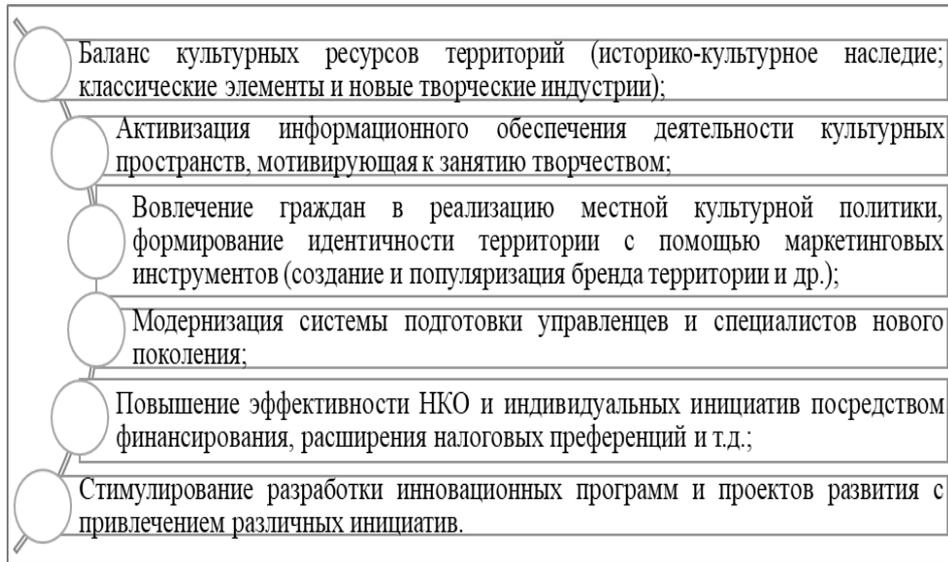

Рис. 1. Направления культурной политики, стимулирующие социально-экономическое развитие территории

Предложенные направления повышают влияние культурных и креативных индустрий на качество городской среды посредством координации социокультурного и экономического планирования городов.

Технологии управления развитием Нижегородской области основываются на понимании, что «главной ценностью является человек, создание благоприятных условий для его развития и процветания» [О стратегии социально-экономического ... , 2018, N 889].

Стратегические приоритеты Нижегородской области представлены тремя составляющими развития: человеческого потенциала, экономики и пространства. Развитие человека подразумевает как

предоставление необходимых условий для раскрытия потенциала, личностной самореализации (вклад культуры), так и формирование высокого уровня благосостояния населения (вклад экономики и управления). Другой основой является развитие экономики региона. Благодаря экономическому развитию создаются возможности достижения благосостояния, высокого уровня жизни и профессиональной реализации, истоки которой хранятся в культуре, воспитании и образовании. Пространственное развитие позволяет обеспечить благоприятное и безопасное проживание человека. Следовательно, технологии управления развитием Нижегородской области основаны на взаимосвязи приори-

тетов развития человека, экономики и пространства, что существенно проявляется в малом городе. Перейдем к рассмотрению социально-экономического развития моногорода Выкса.

Город Выкса в Нижегородской области основан в XVIII в. при строительстве крупного металлургического завода, на котором изготавливались первые в государстве железнодорожные рельсы, литые чугунные украшения и др. Выкса относится к типу заводских поселений («город-завод»), что предопределило статус моногорода, специализированного на металлургии. При этом в настоящее время ресурсный потенциал Выксы позволяет развивать другие направления экономической деятельности

для организации диверсификации отраслей экономики. На территории города располагается 1 филиал высшего учебного заведения, также 1 учреждение среднего профессионального образования, что подтверждает стремление воспитывать молодых квалифицированных профессионалов, востребованных на местах. Также наблюдается положительная динамика социально-экономического развития города. В 2022 году объем отгруженной продукции по полному кругу организаций составил 278,14 млрд руб., что 34,0 % выше уровня прошлого года. Объем промышленного производства за 2022 год увеличился на 37,5 % и составил 267,0 млрд руб. (см. рис. 2).

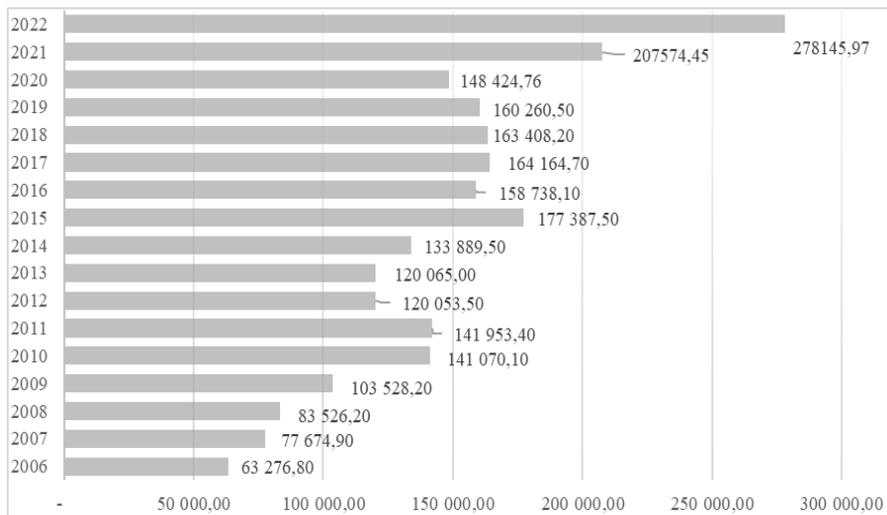

Рис. 2. Объем отгруженной продукции (млн руб.) [База данных..., 2024]

Наибольший вклад в экономику города вносят АО «ВМЗ», ЗАО «Дробмаш», АО «Завод корпусов», являясь основными налогоплательщиками.

тельщиками (96 % общего объема произведенных товаров приходится на продукцию промышленных предприятий). При этом предприниматели Выксы понимают о необходимости развития социокультурной среды города. Поэтому Объединенная металлургическая компания (ОМК) запустила проект по созданию индустриально-туристического «Шухов парка», который обустроивается «на территории бывшего чугунолитейного производства выксунского завода ОМК» [Стальное сердце ... , 2023]. Название парка связано с культурным наследием Владимира Шухова: парусообразные свобы листопрокатного цеха и гиперболоидная водонапорная башня (прообраз Шуховской башни на Шаболовке). Актуализация культурного наследия посредством строительства и обустройства парковой зоны является положительным примером взаимовлияния экономики и культуры.

Развитие реального сектора экономики благоприятствует улучшению качества жизни населения. Например, численность безработных снижается (к началу 2023 г. численность безработных составил 186 человек, при этом в 2021 г. – 280 чел., а в 2020 г. – 1 168 чел.). А сальдо миграции в 2022 году положительное (251 человек), что подтверждает улучшение благосостояния города.

Основная доля инвестиций промышленного города Выкса сосредотачивается в металлургиче-

ском комплексе. Для усиления притока инвестиций проводятся различные мероприятия, способствующие становлению положительного имиджа территории. Имидж Выксы формируется из совокупности различных факторов (в данном случае, экономической эффективности, а также культурно-просветительской, туристской деятельности). Реализация культурной политики в моногороде, исторически специализирующемся на металлургии, особенно необходима для повышения качества жизни местного населения. Проведение различных мероприятий, открытие Арт-резиденции позволило преобразить облик города.

Арт-резиденции представляют собой форму организации социокультурной жизни города, в которую вовлекаются представители креативных индустрий (художники, фотографы, дизайнеры, писатели и др.), тем самым реализуя основной принцип работы, который заключается в поиске талантов и предоставлении комфортных условий для творческого процесса. Арт-резиденции воплощают собой концепт экономики впечатлений или экономики символического обмена, тенденции которой прослеживаются в обществе потребления. Экономические стратегии чаще становятся «ориентированы на работу с аффективно-эмоциональными структурами личности» [Астафьева, 2022, с. 18], так как в условиях перенасыщения

потребительских рынков и пере-производства товаров и услуг на первый план среди потребительских запросов выходят «желания» или «впечатления» [Абанкина, 2015a]. Таким образом, главное – испытать определенное эмоциональное переживание. Возвращаясь к деятельности арт-резиденций, подчеркнем, что они формируют атмосферу погружения для сопереживания новых эмоций и впечатлений, которые вдохновляют творцов на создание произведений культуры и искусства. Подобные уникальные места данной платформы предоставляют резидентам возможности заниматься исследованиями территории и реализацией художественных проектов.

Арт-резиденция в малом городе придает культурному ландшафту Выксы динамичность и разнообразие, которые помогают формировать новые связи между художниками и городскими сообществами.

Условия пребывания в арт-резиденции «Выкса» следующие:

- Проживание от 6 до 8 недель;
- Покрытие расходов на материалы для творчества в размере до 30 000 руб. и на материалы до 10 000 руб.;
- Проживание в сутки в размере 850 руб.;
- Бюджет в размере 50 000 руб. на реализацию проекта [Стать резидентом... , 2024].

Кроме этого, производится конкурсный отбор работ художников,

а также изучается личное портфолио и предварительные идеи будущего проекта, при этом предпочтение отдается тем участникам, проекты которых связаны с местностью. Данное положение подтверждает целевые установки по организации пространства и предоставлении необходимого для воплощения творческих замыслов художников и деятелей искусства. Например, художницы Алина Десятниченко и Ольга Широкоступ в Арт-резиденции «Выкса» организовали выставку «Путь бабочки», которая отразила замысел погружения в жизнь местного населения и взаимодействия с позиции внешнего наблюдателя. Вдохновение резидентов черпается непосредственно из наблюдений, экспериментов, переосмыслений, зафиксированных в заметках и преобразованных в авторские произведения. Выставка художника-исследователя Елены Костенко также была связана с городом. Её художественный метод представляет собой использование локальных необработанных материалов в формировании местных контекстов. Местная глина связана с осознанием, звуки города воздействуют на слуховое восприятие, а фотографии иллюстрируют зрительный контакт.

Выводы

Проекты резидентов, вдохновением которых послужили социокультурные особенности г. Выксы

доказывают актуализацию культурного капитала территории посредством активизации социокультурного багажа, его переосмысления и создании новых продуктов творчества. А также благоприятно влияют на формирование имиджа города, тем самым способствуя дальнейшему развитию сектора креативных индустрий, привлечению туристского потока и увеличению инвестиционных вложений. В свою очередь, концентрированное рассмотрение одного муниципального образования позволило

привести пример того, как после открытия креативного пространства усилилась привлекательность города, благоприятствующая инвестиционному притоку, необходимому для благоустройства пространства и улучшения качества жизни местных жителей.

Для систематизации концептуального осмысления влияния культуры на социально-экономическое развитие малого города можно привести следующие факторы (см. рис. 3).

Рис. 3. Факторы взаимовлияния культуры на социально-экономическое развитие территории

Таким образом, развитие культуры – неотъемлемое условие и стратегический ресурс успешного социально-экономического и инновационного развития малых городов. Культура является ядром креативной экономики. При позиционировании культуры в качестве фактора социально-экономического развития активизируются

процессы социокультурной модернизации, стимулирующие, в том числе экономическую деятельность. Для становления креативной экономики, экономики знаний необходимо усилить внимание к дополнительным образовательным программам, раскрывающим творческий потенциал личности и формирующим способность мыс-

лить не только системно, обладая решения, которые зачастую явля-
аналитическим складом ума, но и ются двигателем прогресса.
творчески, предлагая неожиданные

Библиографический список

1. Абанкина Т. В. Экономика желаний в современной «цивилизации досуга» // Отечественные записки. 2015а. №4 (25). С. 115-123.
2. Абанкина Т. В. Креативные компетенции и интеллектуальная собственность при переходе к инновационной экономике // Трансформация сферы интеллектуальной собственности в современных условиях. Москва : Федеральный институт промышленной собственности, 2020б. С. 171-176.
3. Антонова А. А. Арт-резиденция как новая форма публичного пространства в современной городской культуре // Наука и технологии в глобализирующемся мире : материалы Международной научно-практической конференции, Челябинск, 25 августа 2017 года. Челябинск : Антровита, 2017. С. 19-25.
4. Астафьева О. Н. Креативный сектор инновационной образовательной среды вузов культуры / О. Н. Астафьева, Р. Ш. Ахмадиева // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20, № 3. С. 228-240.
5. Астафьева О. Н. Культурное наследие в территориальных проектах развития / О. Н. Астафьева, В. К. Егоров // Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения : сборник материалов Международного научно-практического семинара-конференции, посвященного 425-летию начала строительства Смоленской крепостной стены, Смоленск, 24–25 января 2021 года. Смоленск : Свиток, 2021. С. 30-41.
6. Астафьева О. Н. Российская культура в контексте динамики экономических стратегий / О. Н. Астафьева, И. В. Малыгина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №4(108). С. 15-26.
7. База данных показателей муниципальных образований // Официальный сайт Нижегородстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst22/DBInet.cgi> (дата обращения: 07.06.2024).
8. Галуцкий Г. М. Экономические теории и культура // Вестник Московского государственного института культуры и искусств. 2013. №1. С. 228-232.
9. Горушкина С. Н. О некоторых аспектах культурных потребностей населения России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2012. №. 2. С. 147-149.
10. Двигатель экономики: на ПМЭФ-2024 обсудили развитие креативных индустрий // Официальный сайт журнала Эксперт Урал. URL: <https://expert-ural.com/archive/nomer-7-891/dvigatel-ekonomiki-na-pmef-2024-obsudili-razvitiie-kreativnih-industriy.html> (дата обращения: 26.06.2024).
11. Дискин И. Е. Культура. Стратегия социально-экономического развития. Москва : Экономика, 1990. 107 с.
12. Долгин А. Б. Экономика символического обмена. Москва : Инфра-М, 2006. 632 с.
13. Егоров В. К. О культурной политике: к вопросу о моделях, практиках и вызовах // Культурная политика: от стратегии государства – к управленческим

решениям организаций : сборник статей. Материалы Научно-методологического семинара «Культура и культурная политика» ИГСУ РАНХиГС при Президенте РФ (2020-2021 гг.). Выпуск 9. Москва : Согласие, 2022. С. 13-27.

14. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант-плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.06.2024).

15. Музейно-творческий кластер «Коломенский посад» // Официальный сайт «Лучшие практики малых городов». URL: <https://town-practices.ru/practices/kolomna/> (дата обращения: 26.06.2024).

16. Новосельская В. В. Креативные индустрии в инновационном развитии территорий: особенности функционирования // Вестник МГУКИ. 2017. №4 (78). С. 164-174.

17. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 // СПС Консультант-плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (дата обращения: 07.06.2024).

18. О Плане мероприятий по реализации в 2022 – 2025 годах Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 17.08.2022 N 2290-р (ред. от 26.01.2024) // СПС Консультант-плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_424778/ (дата обращения: 07.06.2024).

19. О стратегии социально-экономического развития Нижегородской области до 2035 года: Постановление Правительства Нижегородской области от 21 декабря 2018 года № 889 в ред. от 31 декабря 2021 года // Официальный сайт проектного офиса реализации стратегии развития Нижегородской области. URL: <https://strategy.nobl.ru/assets/content/main/proyekt-strategii-nizhegorodskoy-oblasti-2035.pdf> (дата обращения: 07.06.2024).

20. Об утверждении Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 N 2613-р (ред. от 26.01.2024) // СПС Консультант-плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/ (дата обращения: 07.06.2024).

21. Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24.12.2014 N 808 (ред. от 25.01.2023) // СПС Консультант-плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/794f61e017718ffdc01e7af2e023edc189680f5f/ (дата обращения: 07.06.2024).

22. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 N 326-р // СПС Консультант-плюс. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/ (дата обращения: 07.06.2024).

23. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 N 207-р (ред. от 30.09.2022) // СПС Консультант-плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (дата обращения: 07.06.2024).

24. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1 (ред. от 10.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.12.2023) // СПС Консультант-плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (дата обращения: 07.06.2024).

25. Протасевич А. Р. Культурная политика и креативная экономика России: единство и борьба? // Школа культурного форума регионов России. 2021. Вып. 4. С. 44-48.

26. Региональный стандарт развития креативных индустрий // Официальный сайт Агентства стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru/library/main/197563/> (дата обращения: 06.06.2024).

27. Рубинштейн А. Я. Между прошлым и будущим российской культуры / А. Я. Рубинштейн, В. Ю. Музычук // К проекту закона «О культуре в Российской Федерации»: материалы исследований. Москва : Государственный институт искусствознания, 2015. С. 6-29.

28. Свердловская область стала пилотным регионом для реализации Регионального стандарта развития креативных индустрий в РФ // Официальный сайт Агентства новостей «Между строк». URL: <https://mstrok.ru/news/sverdlovskaya-oblast-stala-pilotnym-regionom-dlya-realizacii-regionalnogo-standarta-razvitiya> (дата обращения: 06.06.2024).

29. Симонова И. Ф. Социально-культурное проектирование: современные подходы и технологии. Санкт-Петербург : Научно-технологические исследования, 2020. 250 с.

30. Скотникова И. К. Классификация арт-резиденций Европы и России / И. К. Скотникова, А. П. Долнаков // Региональные архитектурно-художественные школы. 2014. № 1. С. 114-117.

31. Сорочкин Б. Ю. Культура, государство, рынок: тест на совместимость // Обсерватория культуры: журнал обозрение. 2005. №3. С. 26-37.

32. Социокультурные факторы инновационной активности населения (исследовательский отчет) / Е. Антонов, А. Аузан, В. Брызгалов, В. Вороненко, А. Золотов, Е. Никишина, Н. Припузова, С. Трухачев. Москва : Институт национальных проектов ; Российская венчурная компания, 2019. 124 с.

33. Стальное сердце Выксы / Официальный сайт «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5784206?erid=4CQwVszH9pSWraMjX8x> (дата обращения: 07.06.2024).

34. Стать резидентом / Официальный сайт Арт-резиденции «Выкса». URL: <https://vyksaair.com/forartists#!/tab/201534654-1> (дата обращения: 07.06.2024).

35. Тросби Д. Экономика и культура / пер. с англ. И. Кушнareвой ; Нац. Исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. Москва : Высшей школы экономики, 2018. 256 с.

36. Хангельдиева И. Г. Арт-резиденция как инновационный субъект современного арт-рынка // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2017. № 24. С. 34-39.

37. Шишкин С. В. Экономика и управление в сфере культуры: поиск новых моделей. Москва : НИИК, 1992. 187 с.

38. Якобсон Л. И. Экономические методы управления в социально-культурной сфере. Москва : Экономика, 1991. 174 с.

39. Якушина Н. П. Арт-резиденция как инновационная модель управления креативным пространством приморского города // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 1-1. С. 148-154.

Reference list

1. Abankina T. V. Jekonomika zhelanij v sovremennoj «civilizacii dosuga» = The desire economy in the modern “leisure civilization” // Otechestvennye zapiski. 2015a. №4 (25). S. 115-123.

2. Abankina T. V. Kreativnyje kompetencii i intellektual'naja sobstvennost' pri perehode k innovacionnoj jekonomike = The desire economy in the modern “leisure civilization” Creative competences and intellectual property in transition to innovation economy // Transformacija sfery intellektual'noj sobstvennosti v sovremennyh uslovijah. Moskva : Federal'nyj institut promyshlennoj sobstvennosti, 2020b. S. 171-176.

3. Antonova A. A. Art-rezidencija kak novaja forma publicnogo prostranstva v sovremennoj gorodskoj kul'ture = Art residence as a new form of public space in contemporary urban culture // Nauka i tehnologii v globalizirujushhemsja mire : materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Cheljabinsk, 25 avgusta 2017 goda. Cheljabinsk : Antrovita, 2017. S. 19-25.

4. Astaf'eva O. N. Kreativnyj sektor innovacionnoj obrazovatel'noj sredy vuzov kul'tury = Creative sector of the innovative educational environment in universities of culture / O. N. Astaf'eva, R. Sh. Ahmadieva // Observatorija kul'tury. 2023. T. 20, № 3. S. 228-240.

5. Astaf'eva O. N. Kul'turnoe nasledie v territorial'nyh proektah razvitiya = Cultural heritage in territorial development projects / O. N. Astaf'eva, V. K. Egorov // Muzeifikacija fortifikacionnyh sooruzhenij: problemy i puti ih reshenija : sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar-konferencii, posvjashhennogo 425-letiju nachala stroitel'stva Smolenskoj krepostnoj steny, Smolensk, 24–25 janvarja 2021 goda. Smolensk : Svitok, 2021. S. 30-41.

6. Astaf'eva O. N. Rossijskaja kul'tura v kontekste dinamiki jekonomicheskikh strategij = Russian culture in the context of economic strategy dynamics / O. N. Astafieva, I. V. Malygina // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2022. №4(108). S. 15-26.

7. Baza dannyh pokazatelej municipal'nyh obrazovanij = The database of municipal statistics // Oficial'nyj sajt Nizhegorodstata. URL:

<https://rosstat.gov.ru/dbscripts/munst/munst22/DBInet.cgi> (data obrashhenija: 07.06.2024).

8. Galuckij G. M. Jekonomicheskie teorii i kul'tura = Economy theories and culture // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv. 2013. №1. S. 228-232.

9. Gorushkina S. N. O nekotoryh aspektah kul'turnyh potrebnostej naselenija Rossii = On some aspects of the Russian population's cultural needs // Zhurnal Novoj jekonomicheskoy asociacii. 2012. №. 2. S. 147-149.

10. Dvigatel' jekonomiki: na PMJeF-2024 obsudili razvitie kreativnyh industrij = The economy engine: the development of creative industries was discussed at SPIEF-2024 // Oficial'nyj sajt zhurnala Jekspert Ural. URL: <https://expert-ural.com/archive/nomer-7-891/dvigatel-ekonomiki-na-pmef-2024-obsudili-razvitie-kreativnih-industriy.html> (data obrashhenija: 26.06.2024).

11. Diskin I. E. Kul'tura. Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitija = Culture. The strategy of social and economic development. Moskva : Jekonomika, 1990. 107 s.

12. Dolgin A. B. Jekonomika simvolicheskogo obmena = Economy of symbolic exchange. Moskva : Infra-M, 2006. 632 s.

13. Egorov V. K. O kul'turnoj politike: k voprosu o modeljah, praktikah i vyzovah = On cultural policies: towards the issue of models, practices and challenges // Kul'turnaja politika: ot strategii gosudarstva – k upravlencheskim reshenijam organizacij : sbornik statej. Materialy Nauchno-metodologicheskogo seminarja «Kul'tura i kul'turnaja politika» IGSU RANHiGS pri Prezidente RF (2020-2021 gg.). Vypusk 9. Moskva : Soglasie, 2022. S. 13-27.

14. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym golosovanijem 12.12.1993 s izmenenijami, odobrennymi v hode obsherossijskogo golosovanija 01.07.2020) = Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved in a nationwide vote on 01.07.2020) // SPS Konsul'tant-pljus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

15. Muzejno-tvorcheskij klaster «Kolomenskij posad» = “Kolomensky Posad” museum and creative cluster // Oficial'nyj sajt «Luchshie praktiki malyh gorodov». URL: <https://town-practices.ru/practices/kolomna/> (data obrashhenija: 26.06.2024).

16. Novosel'skaja V. V. Kreativnye industrii v innovacionnom razvitii territorij: osobennosti funkcionirovanija = Creative industries in the territorial innovation development: specifics of functioning // Vestnik MGUKI. 2017. №4 (78). S. 164-174.

17. O nacional'nyh celjah razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2024 N 309 = On the national goals for the development of the Russian Federation up to 2030 and in perspective up to 2036: Decree of the RF President of 07.05.2024 N 309 // SPS Konsul'tant-pljus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_475991/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

18. O Plane meroprijatij po realizacii v 2022 – 2025 godah Konceptcii razvitija kreativnyh (tvorcheskih) industrij i mehanizmov osushhestvlenija ih gosudarstvennoj podderzhki do 2030 goda: rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 17.08.2022 N 2290-r

(red. ot 26.01.2024) = On the Action Plan for implementing the Concept of creative industries development in 2022 – 2025 years and the mechanisms for their state support up to 2030: Russian Government Order N 2290-r of 17.08.2022 (ed. of 26.01.2024). // SPS Konsul'tant-pljus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_424778/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

19. O strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija Nizhegorodskoj oblasti do 2035 goda: Postanovlenie Pravitel'stva Nizhegorodskoj oblasti ot 21 dekabnja 2018 goda № 889 v red. ot 31 dekabnja 2021 goda = On the strategy of socio-economic development of the Nizhny Novgorod region until 2035: Resolution of Nizhny Novgorod regional government of December 21, 2018 № 889 in the edition of December 31, 2021 // Oficial'nyj sajt proektnogo ofisa realizacii strategii razvitija Nizhegorodskoj oblasti. URL: <https://strategy.nobl.ru/assets/content/main/proyekt-strategii-nizhegorodskoy-oblasti-2035.pdf> (data obrashhenija: 07.06.2024).

20. Ob utverzhdenii Konceptii razvitija kreativnyh (tvorcheskih) industrij i mehanizmov osushhestvlenija ih gosudarstvennoj podderzhki do 2030 goda: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 20.09.2021 N 2613-r (red. ot 26.01.2024) = On approving the Concept of creative industries development and the mechanisms of their state support up to 2030: Order of the RF Government of 20.09.2021 N 2613-r (ed. of 26.01.2024). // SPS Konsul'tant-pljus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_396332/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

21. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj kul'turnoj politiki: Ukaz Prezidenta RF ot 24.12.2014 N 808 (red. ot 25.01.2023) = On approving the Fundamentals of the state cultural policy: Decree of the RF President of 24.12.2014 N 808 (ed. of 25.01.2023) // SPS Konsul'tant-pljus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172706/794f61e017718ffdc01e7af2e023edc189680f5f/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

22. Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoj kul'turnoj politiki na period do 2030 goda: rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 29.02.2016 N 326-r = On approving the Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030: Order of the RF Government of 29.02.2016 N 326-r // SPS Konsul'tant-pljus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194820/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

23. Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda: rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 13.02.2019 N 207-r (red. ot 30.09.2022) = On approving the Strategy of the Russian Federation's spatial development for the period up to 2025: RF Government Order of 13.02.2019 N 207-r (ed. of 30.09.2022) // SPS Konsul'tant-pljus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

24. Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o kul'ture: utv. VS RF 09.10.1992 N 3612-1 (red. ot 10.07.2023) (s izm. i dop., vstup. v silu s 22.12.2023) = The basic legislation of the Russian Federation on culture: approved by the Supreme Soviet of the Russian Federation 09.10.1992 N 3612-1 (ed. of 10.07.2023) (with

amendments and additions, in force since 22.12.2023). // SPS Konsul'tant-pljus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/ (data obrashhenija: 07.06.2024).

25. Protasevich A. R. Kul'turnaja politika i kreativnaja jekonomika Rossii: edinstvo i bor'ba? = Cultural policy and creative economy in Russia: unity and struggle? // Shkola kul'turnogo foruma regionov Rossii. 2021. Vyp. 4. S. 44-48.

26. Regional'nyj standart razvitija kreativnyh industrij = Regional standard for developing creative industries // Oficial'nyj sajt Agentstva strategicheskikh iniciativ. URL: <https://asi.ru/library/main/197563/> (data obrashhenija: 06.06.2024).

27. Rubinshtejn A. Ja. Mezhdju proshlym i budushhim rossijskoj kul'tury = Between the past and the future of Russian culture / A. Ja. Rubinshtejn, V. Ju. Muzychuk // K proektu zakona «O kul'ture v Rossijskoj Federacii»: materialy issledovanij. Moskva : Gosudarstvennyj institut iskusstvoznaniya, 2015. S. 6-29.

28. Sverdlovskaja oblast' stala pilotnym regionom dlja realizacii Regional'nogo standarta razvitija kreativnyh industrij v RF = The Sverdlovsk Region has become a pilot region for realizing the Regional Standard of creative industries development in the RF // Oficial'nyj sajt Agentstva novostej «Mezhdju strok». URL: <https://mstrok.ru/news/sverdlovskaya-oblast-stala-pilotnym-regionom-dlya-realizacii-regionalnogo-standarta-razvitiya> (data obrashhenija: 06.06.2024).

29. Simonova I. F. Social'no-kul'turnoe proektirovanie: sovremennye podhody i tehnologii = Socio-cultural design: modern approaches and technologies. Sankt-Peterburg : Naukoemkie tehnologii, 2020. 250 s.

30. Skotnikova I. K. Klassifikacija art-rezidencij Evropy i Rossii = Classification of Art residences in Europe and Russia / I. K. Skotnikova, A. P. Dolnakov // Regional'nye arhitekturno-hudozhestvennye shkoly. 2014. № 1. S. 114-117.

31. Sorochkin B. Ju. Kul'tura, gosudarstvo, rynek: test na sovместimost' = culture, state, market: a compatibility test // Observatorija kul'tury: zhurnal obozrenie. 2005. №3. S. 26-37.

32. Sociokul'turnye factory innovacionnoj aktivnosti naselenija (issledovatel'skij otchet) = Sociocultural factors of people's innovative activity (scientific report) / E. Antonov, A. Auzan, V. Bryzgalin, V. Voronenko, A. Zolotov, E. Nikishina, N. Pripuzova, S. Truhachev. Moskva : Institut nacional'nyh proektov ; Rossijskaja venchurnaja kompanija, 2019. 124 s.

33. Stal'noe serdce Vyksy = Vyksa's heart of steel / Oficial'nyj sajt «Kommersant#». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5784206?erid=4CQwVszH9pSWraMjX8x> (data obrashhenija: 07.06.2024).

34. Stat' rezidentom = Becoming a resident / Oficial'nyj sajt Art-rezidencii «Vyksa». URL: <https://vyksaair.com/forartists#!/tab/201534654-1> (data obrashhenija: 07.06.2024).

35. Trosbi D. Jekonomika i kul'tura = Economy and culture / per. s ang. I. Kushnarevoj ; Nac. Issled. Un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». 2-e izd. Moskva : Vysshej shkoly jekonomiki, 2018. 256 s.

36. Hangel'dieva I. G. Art-rezidencija kak innovacionnyj sub#ekt sovremennogo art-rynka = Art Residence as an innovative subject of the modern art market // Sborniki konferencij NIC Sociosfera. 2017. № 24. S. 34-39.

37. Shishkin S. V. Jekonomika i upravlenie v sfere kul'tury: poisk novyh mod-elej. Moskva : NIIK, 1992. 187 s.

38. Jakobson L. I. Jekonomicheskie metody upravlenija v social'no-kul'turnoj sfere = Economic methods of administration in the sociocultural sphere. Moskva : Jekonomika, 1991. 174 s.

39. Jakushina N. P. Art-rezidencija kak innovacionnaja model' upravlenija krea-tivnym prostranstvom primorskogo goroda = Art-residence as an innovative model of creative space administration in a seaside town // Mezhdunarodnyj zhurnal guman-i-tarnyh i estestvennyh nauk. 2019. № 1-1. S. 148-154.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 19.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.

The article was submitted on 17.06.2024; approved after reviewing 19.07.2024; accepted for publication on 20.09.2024

ПРАВИЛА ПРИЁМА РЕДАКЦИЕЙ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА РУКОПИСИ СТАТЬИ К РАССМОТРЕНИЮ О ПУБЛИКАЦИИ

Направляемая в редакцию статья должна быть оригинальной, не опубликованной ранее в других изданиях и не отправленной на публикацию в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий, опубликованная статья будет ретрагирована (отозвана из печати), и материалы автора такой статьи не будут более приниматься к публикации в научных журналах ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Объем научной статьи одного автора должен быть не менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 60 000 знаков с пробелами.

Объем научной статьи двух-трех авторов должен быть не менее 40 000 знаков с пробелами и не превышать 60 000 знаков с пробелами.

Объем научной статьи, написанной более чем тремя соавторами, должен быть не менее 50 000 знаков с пробелами и не превышать 70 000 знаков с пробелами.

Особые случаи объема и количества соавторов статьи, написанной на основе эксперимента, решаются главным редактором журнала.

Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Статья в журнал проходит двойное слепое рецензирование и получает рекомендацию одного члена редакционной коллегии, одного внешнего рецензента и передается с рецензиями редактору журнала для включения статьи в номер журнала, содержание которого утверждается на редколлегии. Редакция оставляет за собой право отправлять рукописи статей на дополнительную независимую экспертизу.

При наличии замечаний, статья будет отклонена и автору будет рекомендовано

доработать статью в соответствии с замечаниями рецензентов.

Статья, одобренная и рекомендованная рецензентами, может быть опубликована в течение года.

Статья проверяется редактором журнала на оригинальность в системе Антиплагиат (оригинальность текста должна быть не ниже 80 %).

Автор самостоятельно или в соавторстве может быть опубликован в журнале в течение календарного года единожды. Особые случаи повторной публикации решаются главным редактором журнала.

Научные статьи принимаются редакцией в электронном виде на почту редакции журнала ksusha-01.08@mail.ru в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения редакционного портфеля. Все особые случаи очередности публикации статей решаются главным редактором.

Авторский экземпляр журнала автор получает согласно оформленной подписке.

Аспиранту для публикации статьи необходимо предоставить редактору журнала справку из отдела аспирантуры и отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

Соискателю ученой степени для публикации статьи необходимо предоставить в редакцию журнала справку из отдела кадров организации, к которой прикреплен соискатель, и отзыв научного руководителя на статью, заверенный его организацией.

Рукопись, рекомендованная рецензентами, принимается к публикации только в случае получения по почте заполненного и подписанного лицензионного соглашения в двух экземплярах. Форма лицензионного соглашения высылается автору редактором журнала.

Требования к оформлению научной статьи

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc, docx.

Перед текстом статьи необходимо указать

- Индекс УДК.
- Отрасль науки и шифр специальности (по номенклатуре ВАК), по которым написана статья.
- Идентификационный номер автора в ORCID.
- Сведения об авторе: Ф. И. О. автора (в том числе и в транслитерированном виде), контактный мобильный телефон, e-mail; ученая степень и ученое звание, место работы (полное официальное название организации) и должность, адрес организации с индексом.
- Название статьи на русском и английском языках.

Аннотация:

- должна быть написана на русском и английском языках;
- не может быть копией текста статьи;
- должна содержать описание основных целей и задач исследования; в общих чертах, без углубления в детали, описывать ход проведения исследования;
- должна содержать описание хода исследования, наиболее значимых результатов исследования с указанием на их важность и выводы, итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования;
- в аннотации не должно быть ссылок на литературу и специальных аббревиатур;
- не должны повторяться сведения, содержащиеся в заглавии;

- в тексте аннотации следует употреблять значимые слова и словосочетания из основного текста статьи;

- текст должен соответствовать всем нормам и правилам соответствующего языка и не содержать стилистических, грамматических, орфографических и пунктуационных ошибок;

- объём каждой аннотации должен составлять от 180 до 230 слов.

Ключевые слова – не менее 7 и не более 12, разделенных точкой с запятой (на русском и английском языках).

Текст статьи должен быть обязательно разделен на смысловые части.

Обязательные:

ВВЕДЕНИЕ

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возможные:

Актуальность

Постановка проблемы

Обзор литературы

База исследования

Методология исследования

Теоретические основания исследования

Организация исследования

Результаты и их обсуждения

Результаты и дискуссия

Анализ результатов исследования

Выводы

И другие

Постраничные сноски в статье не допускаются!

Примечания отмечаются в тексте цифрами (1, 3 и т. д.) и размещаются после библиографического списка.

Библиографические ссылки на использованные источники необходимо указывать в тексте заключенными в квадратные скобки.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь

порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10).

Под таблицами и рисунками необходимо указывать источник, из которого взят рисунок или таблица (Например: автор, книга, журнал и т. д.).

Редакция не улучшает качества рисунков и не производит исправления ошибок, допущенных в рисунке. Каждый рисунок, таблица, схема должны иметь порядковый номер, название и объяснение всех условных обозначений.

При обнаружении ошибок в рисунке, схеме, таблице или их ненадлежащем качестве исполнения редакция оставляет за собой право на удаление рисунка и текста, имеющего к нему отношение.

В десятичных дробях указывать в виде разделительного знака запятую (0,92), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,5; 0,022).

Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова

«год», «годы» не пишутся). Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!

Кавычки в тексте – елочки « »), если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.

При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее – только фамилия. Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.

После текста статьи обязателен **библиографический список**, оформленный в алфавитном порядке в соответствии с требованиями редакции.

Каждый источник, указанный в библиографическом списке, должен иметь ссылку в тексте.

Библиографический список должен содержать не менее 20 источников, в том числе не менее 50 % изданных за последние 5 лет, а также максимально возможное количество источников на иностранном языке (Редакция будет отдавать приоритет статьям, соответствующим этим условиям).

Ссылки на свои работы – не более 10 %.

Во всех источниках должны быть представлены: полностью город и издательство, страницы, год выпуска.

Примеры оформления библиографического списка и ссылок представлены на сайте журнала в специальном разделе.

Если присланные материалы не отвечают перечисленным требованиям, а также в том случае, если файл статьи заражен компьютерным вирусом, редакция не будет рассматривать статью к публикации.

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2024 – № 3 (21)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 19,5 п. л., 9,55 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 197. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 22.11.2024

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44